

Артур КОНАН ДОЙЛ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Д62

Серия основана
в 2007 году

Дойл А. К.
Д62 Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе/Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1150 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0462-9

В одном томе собраны все произведения о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе и его верном спутнике докторе Уотсоне, вышедшие из-под пера известного британского писателя Артура Конан Дойла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9922-0462-9

© Составление серии, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007
© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Часть первая
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ДОКТОРА ДЖОНА Х. УОТСОНА,
ОТСТАВНОГО ОФИЦЕРА
МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Глава I
МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета — она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных газиз¹, если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на выючную лошадь и сумел доставить живым в расположение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер — точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентя и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стрэнде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное су-

¹ Газиз — участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее прим. перев.)

ществование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона — настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

— Что вы с собой сделали, Уотсон? — спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. — Вы худой, как щепка, и желтый, как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев уложиться до приезда в ресторан.

— Бедняга! — с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. — И чем же вы заняты теперь?

— Ищу жилье, — отвечал я. — Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

— Вот странно, — заметил мой спутник, — сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

— А кто был первым? — спросил я.

— Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, — говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она как назло ему не по карману.

— Отлично! — воскликнул я. — Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса, — сказал он. — А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

— Чем же он плох?

— Я не говорю, что он плох. Просто чудак — энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

— Учится на врача? — предположил я.

— Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе, и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

— И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? — полюбопытствовал я.

— Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдется такой стих, он может быть довольно общительным.

— Рад буду с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще

чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

— Скорее всего он сейчас в лаборатории, — отозвался мой собеседник. — Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

— Договорились, — ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

— Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, — сказал он. — Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

— Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне придется, — добавил я, в упор глядя на своего спутника, — что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

— Трудно выразить невыразимое, — ответил он со смехом. — На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жадной познания — настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида — не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

— Что ж, это похвально.

— Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

— Он избивает покойников?

— Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

— И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

— Нет. Одному Богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте — теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами, мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, ошетилившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек — он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

— Я нашел его! Нашел! — крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. — Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! — Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

— Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, — представил нас Стамфорд.

— Здравствуйте! — сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. — Я вижу, вы побывали в Афганистане.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

— Это пустяки, — усмехнувшись, сказал он. — Сейчас главное — гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

— С точки зрения химика, это, наверное, интересно, — ответил я. — Но практически...

— Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровавые пятна? Подите-ка сюда! — Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. — Возьмем немного свежей крови, — с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. — Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневый осадок.

— Ха-ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. — Как вам это нравится?

— Похоже, реактив очень чувствительный, — заметил я.

— Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровавых телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

— Неужели? — пробормотал я.

— Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено убийство. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это — кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

— Вас можно поздравить, — промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

— В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

— Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, — со смехом заметил Стамфорд. — Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

— И это было бы очень увлекательное чтение, — откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. — Мне приходится соблюдать осторожность, — продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. — Я ведь частенько вожусь с разными ядами. — Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

— Мы пришли по делу, — заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. — Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

— Я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, — сказал он. — Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

— Я сам курю «Корабельный», — ответил я.

— Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

— Ни в коей мере.

— Дайте-ка сообразить... какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

— Я держу щенка бульдога, — сказал я, — и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с тревогой спросил он.

— Все зависит от того, как играть, — ответил я. — Хорошая скрипичная музыка — это дар богов. Ну а плохая...

— Тогда все в порядке, — сказал он с довольным смехом. — Думаю, можно считать дело решенным — конечно, если квартира придется вам по вкусу.

— Когда на нее можно будет взглянуть?

— Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, — предложил он.

— Хорошо. Итак, ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

— Кстати, — вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, — как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это его маленький секрет, — сказал он. — Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

— Так значит, секрет? — воскликнул я, потирая руки. — Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»¹, верно?

¹ Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

— Ну-ну, изучайте, — сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. — Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

— До свиданья, — ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава II ИСКУССТВО ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживать и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежилась в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция, и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробежала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь

и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину — он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным, и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подобной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что он не знаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца — в это я просто не мог поверить.

— Вы, кажется, удивлены, — сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. — Но теперь, когда вы поделились со мной этими интересными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

— Забыть?

— Видите ли, — объяснил он, — человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей — поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество, и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки резиновые стены и их можно растягивать до бесконечности, — серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

— Но не знать о Солнечной системе! — возразил я.

— Да на кой черт она мне сдалась? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я

мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС — ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

1. Знания в области литературы — нет.
2. —“— философии — нет.
3. —“— астрономии — нет.
4. —“— политики — минимальные.
5. —“— ботаники — отрывочные. Прекрасно знаком со свойствами белладонны, опиума и ядов вообще. Полный профан в садоводстве.
6. Знания в области геологии — конкретные, но ограниченные. С первого взгляда отличает друг от друга различные типы почвы. После прогулок показывал мне брызги грязи на брюках и по их цвету и консистенции определял, из какой они части Лондона.
7. Знания в области химии — основательные.
8. —“— анатомии — точные, но бессистемные.
9. —“— криминальной литературы — огромные. Знает, кажется, подробности всех громких преступлений нашего столетия.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Профессионально фехтует и боксирует.
12. Неплохо разбирается в британских законах с практической точки зрения.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! — подумал я. — Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером, устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку о колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился по-

трепаный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, — кажется, он был очень взволнован, — а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, — как-то сказал он. — Эти люди — мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, — дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не покончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренки. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно — «Книга жизни», — и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадает к нему в глаза. Статья показалась мне причудливой смесью пронизательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Евклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному столь поразительными, что, если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, — писал автор, — человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал. Вся жизнь — гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретает только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшие трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его биографии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки — все

это явственно говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере, почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

— Какой несусветный вздор! — воскликнул я, хлопнув журналом об стол. — В жизни не читал подобной чепухи!

— О чем это вы? — поинтересовался Шерлок Холмс.

— Да вот об этой статье, — сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. — Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров — готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

— И вы проиграете, — спокойно заметил Холмс. — А статью написал я.

— Вы?

— Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна — полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

— Как это? — невольно вырвалось у меня.

— Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков — одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж трудно распутать тысяча первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

— А остальные ваши гости?

— Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение, и я кладу в карман гонорар.

— Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым тщетно бьются другие — те, кто видел все подробности своими глазами?

— Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее — тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, — бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

— Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

— Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал при-

мерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрягах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

— После ваших объяснений все кажется очень простым, — улыбнулся я. — Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

— Вы, без сомнения, полагаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, — заметил он. — А по-моему, ваш Дюпен отнюдь не блистал умом. Этот его приемчик продолжать ход мыслей своего приятеля каким-нибудь внезапным замечанием после десятиминутной паузы в разговоре — несложный трюк, рассчитанный на дешевый эффект. Конечно, он обладал некоторыми способностями к анализу, однако вовсе не был таким уж феноменом, каким изобразил его По.

— А Габорио вы читали? — спросил я. — Как по-вашему: Лекок — хороший сыщик?

Шерлок Холмс пренебрежительно хмыкнул.

— Лекок — редкий тупица, — сердито сказал он. — У него только и есть что энергия. Меня от этой книги чуть не стошнило. Ему надо было всего-навсего установить личность заключенного. Мне хватило бы для этого двадцати четырех часов, а он копался добрых полгода! По этому сочинению можно учить сыщиков, как не надо работать.

Холмс так бесцеремонно обругал моих любимых литературных героев, что в душе у меня вспыхнуло негодование. Я подошел к окну и устремил взгляд на оживленную улицу. «Может, он и умен, — сказал я себе, — но такое самодовольство — это уж чересчур».

— Где они теперь, настоящие преступления и настоящие преступники? — брюзгливо сказал Холмс. — Кому нужны мозги в нашей профессии? Я отлично знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и никогда не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений больше труда и врожденного таланта, чем я. И что в результате? Раскрывать нечего — разве что какое-нибудь дурацкое, неумелое злодейство с таким банальным мотивом, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше будет сменить тему.

— Интересно, что он там ищет? — спросил я, указывая на рослого, просто одетого человека, который шел по другой стороне улицы, внимательно взглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт — очевидно, это был посылный.

— Кто — вон тот отставной флотский сержант? — отозвался Холмс.

«Жалкий хвостун! — подумал я. — Понимает, что его не проверишь».

Едва эта мысль успела проскользнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и бегом пересек мостовую. Мы услышали громкий стук, звучный голос внизу и тяжелые шаги на лестнице.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — сказал он, переступая порог и протягивая конверт моему товарищу.

Это была прекрасная возможность сбить с него спесь: он вряд ли предвидел такое развитие событий, когда попытался наобум угадать бывшую профессию почтальона.

— Позвольте спросить, любезный, — сказал я самым вкрадчивым тоном, на какой только был способен, — чем вы занимаетесь?

— Работаю курьером, сэр, — хрипловатым голосом ответил он. — Форму отдал в починку.

— А раньше кем были? — продолжал я, с легким злорадством покосившись на своего компаньона.

— Сержантом Королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр. Он щелкнул каблуками, отдал честь и был таков.

Глава III ТАЙНА ЛОРИСТОН-ГАРДЕНС

Признаюсь, что я был ошеломлен этим неожиданным доказательством практической пригодности теории моего компаньона. Мое уважение к его аналитическим способностям сразу же резко возросло. Правда, где-то на задворках моего сознания брезжило подозрение, что вся история с посылным подстроена, чтобы сбить меня с толку, но зачем Холмсу могло понадобиться меня дурачить — этого я решительно не мог уразуметь. Когда я посмотрел на него, он как раз дочитал письмо, и его потускневшие глаза приняли то рассеянное выражение, которое свидетельствует о поглощенности человека своими мыслями.

— Как, скажите на милость, вы это определили? — спросил я.

— Что именно? — недовольно откликнулся он.

— Ну, что он отставной сержант морской пехоты?

— У меня нет времени на пустяки, — отрезал он, но тут же добавил с улыбкой: — Простите за грубость. Вы прервали нить моих размышлений, но, может, оно и к лучшему. Так, значит, вы не сумели разглядеть, что этот человек служил во флоте?

— Нет, не сумел.

— Легче было понять это, чем объяснить, как я понял. Если бы вас попросили доказать, что дважды два четыре, вы, пожалуй, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя и не сомневаетесь в том, что это именно так. Даже отсюда, с другой стороны улицы, я увидел на руке этого малого татуировку — большой синий якорь. Тут сразу запахло морем. Осанка у него как у военного, и бакенбарды такие, какие разрешено носить флотским, — вот вам и морская пехота. Далее, ясно было, что он себя уважает и привык командовать — должно быть, вы заметили, как он держал голову и помахивал тростью. Основательный, уравновешенный человек средних лет — все эти факты и привели меня к заключению, что он был сержантом.

— Великолепно! — воскликнул я.

— Ничего особенного, — сказал Холмс, хотя по его лицу я видел, что он польщен моим откровенным удивлением и восторгом. — Пять минут назад я говорил, что преступники у нас перевелись. Похоже, я был неправ — взгляните-ка! — И он бросил мне письмо, принесенное курьером.

— Боже мой! — воскликнул я, пробежав его глазами. — Какой ужас!

— Действительно, несколько необычно, — спокойно заметил он. — Не соблаговолите ли прочесть это вслух?

Вот что я прочел Холмсу по его просьбе:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три по Лористон-Гарденс, близ Брикстон-роуд, случилось грязное дело. Часа в два наш дежурный на этом участке заметил там свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в прихожей, среди голых стен, лежал труп мужчины, хорошо одетого, с карточками в кармане на имя Инока Дж. Дреббера, Кливленд, Огайо, США. Его не ограбили, и пока остается неясным, как он встретил свою смерть. В комнате есть следы крови, но на теле не обнаружено никаких ран. Мы не знаем, как он попал в пустой дом, и вообще, вся эта история — сплошная загадка. Если Вы сможете заглянуть в этот дом в любое время до полудня, то найдете меня там. Пока я не получу от Вас ответа, здесь никто ничего не тронет. Если не сможете прийти, я сообщу Вам дополнительные детали и почту за огромную любезность с Вашей стороны, если Вы поделитесь со мной своими соображениями.

Искренне Ваш, *Тобиас Грегсон*».

— Грегсон — самый смысленный детектив в Скотленд-Ярде, — заметил мой друг. — Они с Лестрейдом, так сказать, лучшие среди худших. Оба бойкие, напористые, хотя мыслят чересчур шаблонно — ни капли оригинальности. Между прочим, они не слишком ладят друг с другом. Ревнивы, как парочка профессиональных красавиц. Забавно будет, если их обоих поставят на это дело.

Я был поражен невозмутимостью, с которой он излагал мне все это.

— Наверное, нельзя терять ни минуты! — воскликнул я. — Хотите, я поймаю вам кеб?

— А я еще не решил, ехать мне или нет. Я ведь лентяй, каких свет не видел... хотя иногда могу и взбодриться, если вдруг найдет такой стих.

— Но это же тот самый случай, о котором вы мечтали!

— Дорогой мой, ну какой мне с него прок? Даже если я распутаю дело, можете не сомневаться, что все почести достанутся Грегсону, Лестрейду и компании. Вот что значит быть неофициальным лицом.

— Но он просит вас о помощи.

— Да. Он знает, что ему до меня далеко, и признаётся мне в этом, но скорее отрежет себе язык, чем повторит это кому-то третьему. Впрочем, можно поехать и взглянуть, как там и что. Займусь делом на свой страх и риск. В конце концов, хоть посмеюсь над ними, если больше ничего не получу. Вперед!

Он схватил плащ, и по его энергичным движениям я понял, что приступ хандры сменился приступом активности.

— Берите шляпу, — сказал он.

— Хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если у вас нет занятия поинтересней.

Минуту спустя наемный экипаж уже мчал нас в сторону Брикстон-роуд. Утро выдалось хмурое, туманное; над крышами домов висела серовато-бурая дымка, словно отражение грязных улиц внизу. Мой спутник был в прекрасном расположении духа и без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между инструментами Страдивари и Амати. Я же, напротив, хранил молчание, поскольку дурная погода и мрачное дело, ожидавшее нас впереди, действовали на меня угнетающе.

— Похоже, вас не очень занимает цель нашего путешествия, — наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

— Мне не хватает данных, — ответил он. — Ни в коем случае нельзя строить теории, пока у вас на руках нет всех фактов. Иначе можно потерять объективность.

— Скоро вы получите ваши факты, — заметил я, показывая в окно. — Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если я, конечно, не ошибаюсь.

— Все верно. Стойте, кучер, стойте!

Нам оставалось до места около сотни ярдов, но Холмс настоял на том, чтобы мы сошли и проделали финальную часть пути пешком.

Номер третий по Лористон-Гарденс имел зловещий и угрюмый облик. Это был один из четырех домов, слегка отстоящих от мостовой, — в двух кто-то жил, а два других пустовали. Последние меланхолически взирали на нас тремя рядами унылых, подслеповатых окон, на которых там и сям, словно бельма, торчали таблички «Сдается внаем». Каждый из этих домов был отделен от улицы маленьким палисадником с редкой и чахлой растительностью, разрезанным пополам узкой желтоватой дорожкой, состоящей, насколько я мог судить, из смеси глины и гравия. Ночью прошел дождь, и все вокруг порядком раскисло. Палисадники были огорожены трехфутовой кирпичной стеной, ошетилившейся сверху деревянными колышками, и к этой стене прислонился дюжий констебль. Рядом с ним собралась кучка зевак, которые вытягивали шею в тщетной надежде хоть краешком глаза углядеть, что творится внутри.

Я полагал, что Шерлок Холмс немедленно кинется в дом и начнет расследование. Однако у него, похоже, были совсем другие планы. С беззаботным видом, который в этой ситуации показался мне граничащим с позерством, он прошелся туда-сюда по тротуару, рассеянно поглядывая на землю, небо, дома напротив и ограду. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке, или, точнее, по узкой полоске травы вдоль нее, не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а один раз я заметил у него на лице улыбку и услышал сорвавшееся с его губ довольное восклицание. На мокрой глинистой почве должно было остаться множество следов, но, поскольку служители порядка успели добавить к ним щедрую толику своих собственных, я не мог понять, что мой друг рассчитывает там найти. Тем не менее, получив недавно весьма впечатляющие доказательства его проникательности, я не сомневался, что он видит гораздо больше того, что открыто моему скромному взору.

У дверей дома нас встретил высокий белолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке; он бросился к моему спутнику и горячо пожал ему руку.

— Как славно, что вы пришли, — сказал он. — Здесь никто ничего не трогал.

— Кроме этого! — откликнулся мой друг, кивнув на дорожку. — Даже стадо буйволов не смогло бы так основательно все затоптать. Но вы, Грегсон, вы, конечно, успели сделать необходимые выводы, прежде чем позволили своим подчиненным так поступить.

— У меня было много работы внутри, — уклончиво сказал сыщик. — Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я думал, он об этом позаботится.

Холмс искоса взглянул на меня и саркастически поднял брови.

— После таких специалистов, как вы с Лестрейдом, человеку со стороны вряд ли удастся отыскать здесь еще что-нибудь стоящее, — сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

— Думаю, мы сделали все, что можно, — ответил он. — Однако дело странное, а я знаю, что вы такие любите.

— Вы ведь приехали сюда не в кебе? — спросил Шерлок Холмс.

— Нет, сэр.

— А Лестрейд?

— Тоже нет.

— Тогда пойдемте посмотрим комнату, — без всякой логики заключил Холмс и зашагал в дом.

Удивленно пожав плечами, Грегсон двинулся за ним по пятам.

Пыльный короткий коридор с голыми, обшитыми деревом стенами вел в кухню и подсобные помещения. Слева и справа было по двери. Одну из них явно не отпирали уже много недель. За другой находилась столовая — то самое место, где обнаружили труп. Холмс ступил туда, и я последовал за ним с той тяжестью на душе, какую порождает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся еще больше из-за полного отсутствия мебели. Яркие аляповатые обои на ее стенах местами уже разъела плесень, а кое-где они свисали кусками вниз, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери красовался претенциозный камин, увенчанный белой полкой «под мрамор». К ее углу был прилеплен огарок красной восковой свечи. В единственное и чрезвычайно грязное окно едва пробивался тусклый, неверный свет, который окрашивал все вокруг в унылые серые тона, в чем ему немало помогал толстый слой лежащей повсюду пыли.

Все эти подробности я заметил позже. Сначала мое внимание целиком сосредоточилось на одной мрачной неподвижной фигуре, которая распростерлась на дощатом полу, устремив свой равнодушный, невидящий взгляд в полинявший потолок. Это был труп человека лет сорока трех или сорока четырех, среднего роста, широкоплечего, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой. Его костюм составляли сюртук из плотного сукна, жилетка, светлые брюки и безупречный воротничок с манжетами. Рядом, на полу, валялся начищенный до блеска цилиндр. Руки мертвого, сжатые в кулаки, были раскинуты в стороны, а ноги цеплялись одна за другую, что говорило об отчаянной борьбе со смертью. Его черты исказила гримаса ужаса, смешанного, как мне почудилось, с ненавистью, — такого выражения мне еще ни разу не доводилось наблюдать на человеческом лице. Эта жуткая, злобная мина в сочетании с низким лбом, коротким носом и выступающей нижней челюстью придавала мертвецу бросающееся в глаза сходство с крупной обезьяной, которое еще более усугублялось его неестественной позой. Я видел смерть в разных обликах, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как в этой темной, прокопченной комнате близ одной из главных магистралей лондонских окраин.

Лестрейд, как всегда тощий и похожий на хорька, появился на пороге и приветствовал нас с Холмсом.

— Шумиха поднимется изрядная, сэр, — заметил он. — Мне такие дела еще не попадались, а я ведь тертый калач.

— И никаких зацепок? — спросил Грегсон.

— Ни единой, — в тон ему отозвался Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

— Вы уверены, что ран нет? — спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови вокруг.

— Абсолютно! — воскликнули оба детектива.

— Тогда, очевидно, это кровь другого человека — предположительно убийцы, если здесь было совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Почитайте о нем, не пожалее. Нет ничего нового под солнцем! Все уже бывало прежде.

Пока он говорил, его ловкие пальцы так и летали над трупом, ощупывая, надавливая, расстигая, изучая, тогда как в глазах у него застыло то самое отсутствующее выражение, которое я подмечал раньше. Осмотр был произведен настолько быстро, что посторонний легко мог бы усомниться в его тщательности. Под конец Холмс понюхал губы трупа и мельком взглянул на подошвы его лакированных туфель.

— Его совсем не перемещали? — спросил он.

— Разве что самую малость, во время осмотра.

— Можно отправлять в морг, — сказал Холмс. — Нам он больше не пригодится.

За дверь уже ждали четверо полицейских с носилками. По команде Грегсона они вошли в комнату, забрали мертвеца и вынесли за порог. Когда они поднимали тело, что-то вдруг звякнуло, и по полу покатилося колечко. Лестрейд схватил его и вперился в него недоумевающим взором.

— Тут была женщина! — вскричал он. — Это женское обручальное кольцо.

Он протянул к нам ладонь с кольцом. Мы подошли ближе и принялись рассматривать найденную вещицу. Не было никаких сомнений в том, что когда-то этот тонкий ободок из чистого золота блестел на пальце невесты.

— Это усложняет дело, — сказал Грегсон. — А оно, видит бог, и так достаточно сложное.

— Вы уверены, что не упрощает? — возразил Холмс. — Ну да что толку на него глазеть. Что вы нашли у мертвого в карманах?

— Все здесь, — ответил Грегсон, указывая на кучку предметов на одной из нижних ступеней лестницы. — Золотые часы номер 97 163 производства «Барро», Лондон. Цепочка для часов, тоже золотая, очень прочная и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка — голова бульдога с рубинами вместо глаз. Кожаная визитница с карточками на имя Инока Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам на белье — И. Дж. Д. Кошелек нет, но деньги имеются, на общую сумму семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с именем Джозеф Стенджерсон на форзаце. Два письма — одно адресовано И. Дж. Дребберу, второе все тому же Джозефу Стенджерсону.

— На какой адрес?

— Американская биржа на Стренде, до востребования. Оба отправлены Гуйонской пароходной компанией, и оба содержат расписание отхода ее судов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался возвращаться в Нью-Йорк.

— Вы навели справки об этом Стенджерсоне?

— Сразу же, сэр, — ответил Грегсон. — Я велел дать объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но еще не вернулся.

— В Кливленд сообщили?

— Телеграммой нынче утром.

— В каких словах?

— Просто описали ситуацию и сказали, что будем благодарны за любые полезные сведения.

— Вы не интересовались подробностями, которые показались вам особенно важными?

— Я спросил о Стенджерсоне.

— И только? Разве в этом деле нет обстоятельства, от которого зависит все остальное? Вы не думаете послать еще одну телеграмму?

— Я написал все, что считал нужным, — с обидой в голосе ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся себе под нос и хотел было отпустить какое-то замечание, но вдруг из столовой — наш разговор происходил в коридоре — показался Лестрейд, потирающий руки с видом глубочайшего довольства собой.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что сделал открытие исключительной важности, которое так и осталось бы для нас тайной, если бы я не решил как можно тщательнее осмотреть стены.

Глаза маленького человечка сверкали: очевидно, ему было трудно сдерживать ликование, вызванное тем, что он обставил своего коллегу на одно очко.

— Подите-ка сюда, — позвал он, торопливо возвращаясь в комнату, где стало гораздо легче дышать после отбытия ее страшного обитателя. — Смотрите!

Он чиркнул о ботинок спичкой и поднес ее к стене.

— Как вам это нравится? — с триумфом спросил он.

Я уже говорил, что обои в комнате частично отклеились от стен. В углу оторвался большой кусок, открыв желтый квадрат грубой штукатурки. На этой голой поверхности было нацарапано кроваво-красными буквами одно-единственное слово:

RACHE

— Ну, что скажете? — воскликнул сыщик, словно конферансье после эффектного номера. — Этого никто не заметил, потому что угол здесь темный и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Видите, вот тут она стекла стружкой по стене? Во всяком случае, версия самоубийства теперь исключается. А почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. На каминной полке стоит свеча. Тогда она горела, а если ее зажечь, этот угол сразу превратится из самого темного в самый светлый.

— И что же означает эта ваша надпись? — с легким пренебрежением в голосе спросил Грегсон.

— Что она означает? Ясно как день, что убийца хотел — ну, или хотела, если это была она, — написать женское имя Рэчел, но кто-то его спугнул. Помните мои слова: когда мы разгадаем эту тайну, вы увидите, что в ней замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь, смейтесь, мистер Шерлок Холмс. Конечно, ума вам не занимать, но в конечном счете и вы признаете, что у старой ишейки не грех кое-чему поучиться.

— Простите великодушно! — сказал мой компаньон, чей бестактный смех вывел из себя маленького человечка. — Действительно, вы первым из нас обнаружили эту улику, за что вам честь и хвала, и я совершенно согласен с вами в том, что она оставлена вторым участником ночной трагедии. Я еще не успел как следует осмотреть комнату и с вашего позволения займусь этим сейчас.

С этими словами он выудил из кармана рулетку и большую лупу. Вооруженный таким образом, он неслышно двинулся в обход комнаты, кое-где останавливаясь, порой опускаясь на колени, а однажды и вовсе улегшись плашмя на пол. Его так поглотило это занятие, что он, похоже, совсем забыл о нашем присутствии, ибо все время бормотал что-то себе под нос, не давая иссякнуть тон-

кому ручейку восклицаний, огорченных вздохов, посвистываний и тихих возгласов, в которых слышались ободрение и надежда. Своим поведением он живо напомнил мне чистопородную, хорошо выдрессированную гончую на лисьей охоте — то, как она рыщет туда и сюда по лесу, повизгивая от нетерпения, откуда вновь не упадет на потерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои исследования, вымеряя с величайшей тщательностью расстояние между совершенно невидимыми для меня следами, а иногда прикладывая свою рулетку к стене, где я тоже не замечал ровно ничего, достойного внимания. В одном месте он аккуратно собрал с половицы щепотку серой пыли и положил ее в конверт. Наконец он внимательно изучил надпись на стене, очень пристально рассмотрев в лупу каждую букву. Покончив с этим, он с удовлетворенным кивком убрал лупу и рулетку обратно в карман.

— Говорят, что гений — это бесконечное трудолюбие, — обронил он с улыбкой. — Определение не слишком удачное, но к работе детектива подходит как нельзя лучше.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за манипуляциями своего штатского коллеги с немалым любопытством и долей презрения. Они явно были не в силах понять то, что уже начал понимать я, — что самые незначительные действия Шерлока Холмса направлены на достижение какой-то вполне конкретной практической цели.

— Так что же, сэр? — спросили оба.

— С моей стороны было бы чересчур самонадеянно лезть к вам со своей помощью, — откликнулся мой друг. — Вы так хорошо справляетесь, что лавры за раскрытие этого дела не должны достаться постороннему. — В его голосе звучал неприкрытый сарказм. — Если вы дадите мне знать, как идет расследование, — продолжал он, — я буду рад помочь чем смогу. А пока я хотел бы переговорить с констеблем, который нашел тело. Вы не назовете мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в блокнот.

— Джон Ранс, — сказал он. — Сегодня у него выходной. Вы найдете его на Кеннингтон-Парк-Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

— Пойдемте, доктор, — сказал он, — попробуем его отыскать. Я сообщу вам кое-какие мелочи, которые могут пригодиться в работе над делом, — продолжал он, обернувшись к двум сыщикам. — Это убийство, и убийца — мужчина во цвете лет. Он высок — больше шести футов, хотя ноги у него довольно маленькие для такого роста. Ночью на нем были грубые сапоги с квадратными носами и он курил тричинопольскую сигару¹. Приехал он сюда вместе с жертвой в четырехколесном кебе, запряженном лошастью с тремя старыми подковами и одной новой, на правой передней ноге. По всей вероятности, у преступника красное лицо и неподстриженные ногти на правой руке. Это лишь несколько деталей, но они могут сыграть свою роль.

Лестрейд и Грегсон переглянулись с недоверчивыми улыбками.

— Если этого человека убили, то каким способом? — спросил первый.

— Яд, — бросил Шерлок Холмс и зашагал прочь. — И еще одно, Лестрейд, — добавил он, обернувшись на пороге. — «Rache» по-немецки «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а два соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

¹ Т р и ч и н о п о л и — город в Индии, центр табачного производства.

Глава IV ЧТО РАССКАЗАЛ ДЖОН РАНС

Мы покинули дом номер три по Лористон-Гарденс в час пополудни. Шерлок Холмс повел меня на ближайший телеграф, где отправил длинную телеграмму. Затем он остановил кеб и велел кучеру отвезти нас по адресу, взятому у Лестрейда.

— Нет ничего полезнее сведений из первых рук, — заметил он. — Честно говоря, я уже составил свое мнение по этому делу, но нам все равно не помешает узнать то, чего мы еще не знаем.

— Вы меня поражаете, Холмс, — сказал я. — Не можете же вы быть и вправду так уверены во всех подробностях, которые нам перечислили!

— А мне было негде ошибиться, — ответил он. — Первое, что я заметил, когда мы приехали, — это две колеи, оставленные кебом, подкатившим совсем близко к тротуару. Но до прошлой ночи целую неделю стояла сухая погода, а значит, колеса, от которых остались такие глубокие отпечатки, побывали там именно этой ночью. Видел я и следы лошадиных копыт, причем след от одного из них был гораздо отчетливее, чем от трех других, — стало быть, эта подкова новая. Поскольку кеб приехал после начала дождя, а утром никаких экипажей больше не появлялось — это известно со слов Грегсона, — можно сделать вывод, что именно он доставил к дому обоих участников ночного приключения.

— Ну, это довольно просто, — сказал я. — Но как вы узнали рост убийцы?

— В девяти случаях из десяти рост человека можно определить по длине его шага. Вычисления очень просты, но не буду утомлять вас цифрами. Я измерил шаг того парня и на земле снаружи, и на пыльном полу внутри. Потом мне представился случай проверить свои подсчеты. Когда кто-нибудь пишет на стене, он машинально выбирает для этого место на уровне своих глаз. А та надпись была на высоте чуть больше шести футов над полом. В общем, задача для первого класса.

— А его возраст? — спросил я.

— Если человек может одним махом покрыть расстояние в четыре с половиной фута, он вряд ли древний старик. Но именно такова была ширина лужи на садовой дорожке, которую он, очевидно, перешагнул. Лакированные туфли обошли ее стороной, а квадратные носы перепрыгнули. Во всем этом нет никакой тайны. Я просто применяю в обычной жизни те самые методы наблюдения и поиска логических связей, которые отстаивал в своей статье. Что еще вас смущает?

— Ногти и тричинопольская сигара.

— Надпись на стене была сделана пальцем, измазанным в крови. Лупа позволила мне рассмотреть, что штукатурку при этом слегка поцарапали, чего не случилось бы, будь ноготь на пальце коротко подстрижен. Далее, я собрал с пола немножко пепла. Он был хлопьевидным, темного цвета — такой пепел мог упасть только с сигары, изготовленной в Тричинополи. Когда-то я подробно изучал типы сигарного пепла — честно сказать, даже написал об этом брошюрку. Лшу себя надеждой, что могу с первого взгляда опознать пепел от табака любой известной марки, хоть сигарного, хоть трубочного. Как раз подобные мелочи и отличают умелого сыщика от всяких там Грегсонов и Лестрейдов.

— А красное лицо? — спросил я.

— Это более смелая догадка, хотя не сомневаюсь, что и тут я прав. Но пока вам лучше не спрашивать меня об этом.

Я провел рукой по лбу.

— У меня голова идет кругом, — признался я. — Чем больше думаешь об этой истории, тем загадочней она кажется. Как эти двое, если их действительно было двое, попали в пустой дом? Куда делся кучер, который их привез? Как одному из них удалось заставить другого принять яд? Откуда взялась кровь? Что было нужно убийце, если он даже не ограбил свою жертву? Откуда там появилось женское кольцо? И наконец, зачем второй решил написать перед уходом немецкое слово «Rache»? Признаюсь, что я не вижу способа связать вместе все эти факты.

Мой спутник одобрительно улыбнулся.

— Вы весьма точно и кратко изложили все трудности этого дела, — сказал он. — Многое еще остается неясным, хотя главное уже не вызывает у меня никаких сомнений. Что касается надписи, обнаруженной беднягой Лестрейдом, то она была сделана просто для отвода глаз, чтобы сбить полицию с толку намеком на социалистов и тайные общества. Это писал не немец. Буква «А», если вы заметили, изображена в готическом стиле. Однако настоящие немцы всегда пишут обыкновенными буквами, поэтому мы смело можем утверждать, что эта надпись — дело рук неопытного имитатора, который перегнул палку, пытаясь прикинуться немцем. Это просто уловка, попытка направить следствие по ложному пути. Больше я не стану вам ничего объяснять, доктор. Вы же знаете, фокусником перестают восхищаться после того, как он раскроет секреты своих трюков, и, если я расскажу вам чересчур много о своих методах, вы, пожалуй, придете к выводу, что я в общем-то самая заурядная личность.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Вы сделали сыскную работу настолько близкой к точной науке, насколько это возможно.

Услышав эти слова, произнесенные мною с глубокой серьезностью, мой спутник порозовел от удовольствия. Я уже замечал, что он был не менее чувствителен к похвалам своему искусству, чем юная девица к комплиментам по поводу ее красоты.

— Скажу вам еще кое-что, — промолвил он. — Лакированные туфли и квадратные носы приехали в одном кебе и прошли по дорожке вместе, как закадычные друзья, — по всей вероятности, рука об руку. Очутившись внутри, они принялись расхаживать по комнате — вернее, лакированные туфли стояли неподвижно, а квадратные носы расхаживали взад и вперед. Все это я прочел на пыльном полу, а еще я прочел, что второй мало-помалу начинал горячиться. Об этом свидетельствует длина его шагов, которая все увеличивалась и увеличивалась. Он говорил без умолку и наконец взвинтил себя до того, что впал в ярость. Потом произошла трагедия. Ну вот, теперь я рассказал вам все, что знаю, поскольку остальное лишь догадки и подозрения. Однако у нас есть хороший фундамент для начала работы. Нам нужно поторопиться, потому что сегодня вечером я хочу успеть на концерт Халлэ, послушать Норман Неруду¹.

Эта беседа происходила, пока наш кеб пробирался по бесконечному лабиринту грязных, убогих улиц и улочек. На самой грязной и убогой из них кучер вдруг остановился.

— Вон Одли-Корт, — сообщил он, указывая на узкую щель в ряду однообразно-серых кирпичных зданий. — Я вас тут подожду.

Одли-Корт был малоприятным местом. Узкий проулок вынырнул на прямоугольный двор, вымощенный плитняком и окруженный унылыми до-

¹ Халлэ, Чарльз — основатель одного из ведущих симфонических оркестров Великобритании, Норман Неруда — скрипачка, супруга Халлэ.

мами. Одолев несколько препятствий в виде стаяк замурзанной детворы и развешанного на веревках застиранного белья, мы отыскали номер сорок шесть, дверь которого украшала латунная табличка с выгравированной на ней фамилией Ранса. Нас проинформировали о том, что констебль спит, и провели в крошечную гостиную дожидаться его выхода.

Вскоре он появился, заметно раздраженный тем, что его отдых прервали.

— Я обо всем доложил в конторе, — сказал он.

Холмс вынул из кармана монету в полсоверена и задумчиво повертел ее в пальцах.

— Нам очень хотелось бы услышать эту историю из ваших собственных уст, — сказал он.

— С радостью сообщу вам все, что смогу, — ответил констебль, не сводя глаз с маленького золотого диска.

— Просто расскажите о том, что случилось, своими словами.

Ранс сел на кушетку, набитую конским волосом, и сдвинул брови с явным намерением не упустить в своем отчете ни одной подробности.

— Значит, начнем сначала, — сказал он. — Моя смена с десяти вечера до шести утра. В одиннадцать в «Белом олене» маленько подрались, а так на моем участке было тихо. В час пошел дождь, я встретил Гарри Мерчера — это который дежурит на Холланд-Гроув, — и мы с ним постояли на углу Хенриетта-стрит, поболтали о том о сем. Потом — может, в два или чуток позже — я подумал, что надо бы пройтись по Брикстон-роуд, глянуть, все ли там в порядке. Грязно было, и народу вокруг никого. Пока я шел, ни души не встретил, хотя парочка кебов проехала мимо. Иду я, значит, и думаю, между нами говоря, как славно было бы пропустить сейчас стаканчик горячего джина, и вдруг в окошке того самого дома вроде как мелькнул свет. Ну я-то знаю, что эти два дома на Лористон-Гарденс стоят пустые из-за владельца: он никак не собирается почистить канализацию, хотя последний жилец у него помер от брюшного тифа. Поэтому я как увидел там свет, так сразу заподозрил, что дело неладно. Когда я подошел к двери...

— Вы остановились, а потом вернулись к калитке, — прервал его мой компаньон. — Скажите: зачем?

Ранс буквально подскочил на месте и уставился на Шерлока Холмса с видом глубочайшего изумления.

— Ваша правда, сэр, — сказал он, — хотя, как вы догадались, ума не приложу. Понимаете, когда я подошел к двери, вокруг было так тихо и одиноко, что я подумал, не взять ли мне кого-нибудь с собой за компанию. Я не боюсь ничего по эту сторону могилы, но тут подумал: а может, покойник заявился проверить трубы, которые его сгубили. У меня прямо мурашки по коже поползли, и я вернулся к калитке поглядеть, не видно ли где фонаря Мерчера, но ничего не увидел — ни его, ни кого другого.

— То есть на улице никого не было?

— Ни души, сэр, собак — и тех ни одной. Тогда я взял себя в руки, вернулся и отворил дверь. Внутри стояла тишина, и я пошел в комнату, где заметил свет. На камине горела свеча — красная, восковая, и при ее свете я увидел...

— Знаю, что вы увидели. Вы обошли комнату несколько раз, потом стали на колени рядом с трупом, потом вышли проверить, заперта ли дверь в кухню, а потом...

Джон Ранс вскочил с кушетки — в его взгляде читались испуг и подозрение.

— Где вы там прятались, а? — воскликнул он. — Что-то вы больно много знаете.

Холмс засмеялся и кинул на столик перед констеблем свою визитную карточку.

— Пожалуйста, не надо арестовывать меня за убийство, — сказал он. — Я не волк, а одна из ищеек; мистер Грегсон или мистер Лестрейд подтвердят вам это. Но давайте продолжим. Что вы сделали потом?

Ранс снова уселся на свое место, хотя вид у него был по-прежнему озадаченный.

— Я вернулся к калитке и засвистел. Прибежали Мерчер и еще двое.

— А улица была пуста?

— Можно сказать и так, если не считать всякую шваль.

— Как это понимать?

По лицу констебля расплылась широкая ухмылка.

— Повидал я пьяных на своем веку, — сказал он, — но чтоб так налижаться, как этот! Он был у калитки, когда я вышел, — привалился к ограде и горланил что есть мочи про какой-то грозный полосатый флаг или что-то в этом духе. Какой из него помощник — его и ноги-то не держали.

— Как он выглядел? — спросил Шерлок Холмс.

Джон Ранс был явно раздражен этим не относящимся к делу вопросом.

— Пьяный как свинья, вот как он выглядел, — сказал он. — Кабы мы не были так заняты, ночевать бы ему в кутузке.

— А его лицо, одежда? Вы что, ничего не видели? — нетерпеливо прервал его Холмс.

— Да нет, как не видел. Мы с Мерчером даже пытались его поднять. Здоровый такой малый, краснорожий, обмотался шарфом чуть не до носа...

— Ага! — вскричал Холмс. — И куда он делся?

— У нас и без него дел хватало, — обиженным тоном сказал полицейский. — Нянчиться с ним, что ли? Добрел домой как-нибудь, уж будьте уверены.

— Во что он был одет?

— В коричневое пальто.

— Хлыста в руке не было?

— Хлыста? Нет.

— Значит, не взял с собой, — пробормотал мой спутник. — Вы не заметили, после этого мимо не проезжал кеб? Или, может, слышали стук колес?

— Нет.

— Вот ваши полсоверена, — сказал мой спутник, вставая и надевая шляпу. — Боюсь, Ранс, что вам никогда не дослужиться до приличного звания. Головой надо иногда думать, а не носить ее просто так, для красоты. Пройшей ночью вы могли бы заработать сержантские нашивки. У человека, который был у вас в руках, ключ к разгадке тайны, — его-то мы и ищем. Что толку теперь спорить — можете поверить мне на слово. Пойдемте, доктор.

Мы двинулись обратно к своему кебу, оставив нашего собеседника если не убежденным в правоте Холмса, то явно выбитым из колеи.

— Поразительная тупость! — горько сказал Холмс, когда мы ехали домой. — Как можно проворонить такую удачу? Прямо в голове не укладывается!

— А я, признаться, еще блуждаю в темноте. Описание этого человека действительно соответствует вашему портрету второго участника ночных событий. Но зачем ему было возвращаться к дому, когда он его уже покинул? Преступники так себя не ведут.

— Кольцо, дорогой мой, кольцо — вот за чем он вернулся. Если нам не удастся изловить его иначе, мы всегда можем закинуть удочку с этим кольцом. Я поймаю его, доктор, — ставлю два против одного, что поймаю. Но я должен поблагодарить вас за все. Если бы не вы, я вряд ли вылез бы из дому и

пропустил бы одно из самых замечательных дел, какие только попадались на моем пути, — прямо этюд в багровых тонах, а? Почему бы не воспользоваться языком художников? Убийство красной нитью вплетено в бесцветный клубок жизни, и наш долг — распутать этот клубок и вытащить из него красную нить, обнажая ее дюйм за дюймом. А теперь пообедаем и отправимся слушать Норман Неруду. Она великолепно владеет смычком. Помните ту вещь Шопена, которую она так чудесно исполняет: тра-ля-ля-лира-лира-ля?

Откинувшись на спинку сиденья, сыщик-любитель распевал, как жаворонок, а я тем временем предавался раздумьям о многогранности человеческой натуры.

Глава V К НАМ ПРИХОДЯТ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Наша утренняя экспедиция оказалась слишком тяжелым испытанием для моего слабого здоровья, и во второй половине дня я почувствовал, что совершенно вымотался. Когда Холмс уехал на концерт, я прилег на диван в надежде подремать часок-другой, но у меня ничего не получилось. Мой мозг был слишком возбужден тем, что произошло, и в нем теснились самые невероятные догадки и предположения. Стоило мне смежить веки, как перед моим мысленным взором вновь возникало искаженное, по-обезьяньи злобное лицо убитого. Оно произвело на меня столь тягостное впечатление, что я при всем желании не мог не испытывать благодарности к тому, кто отправил его обладателя в иной мир. Если существовал когда-либо человек с чертами лица, отражающими самые гнусные пороки души, этим человеком несомненно был Инок Дж. Дреббер из Кливленда. И все же я понимал, что справедливость должна восторжествовать и что испорченность жертвы не может служить оправданием в глазах закона.

Чем дальше я думал обо всем этом, тем менее правдоподобной казалась мне гипотеза моего друга об отравлении. Я помнил, как Холмс понюхал губы убитого, и не сомневался в том, что именно запах навел его на мысль о яде. Опять же, если не яд, то что могло стать причиной смерти — ведь на теле не обнаружили ни ран, ни следов удушения? С другой стороны, чьей кровью было так обильно полито все вокруг? Признаки борьбы отсутствовали, так же как и оружие, которым Дреббер мог ранить своего убийцу. Мне было ясно, что, пока все эти вопросы остаются без ответа, ни Холмс, ни я не сможем спать спокойно. Его спокойствие и самоуверенность говорили о том, что он уже придумал теорию, которая объясняет все факты, хотя я был не в силах даже отдаленно представить себе, в чем заключается ее суть.

Он вернулся очень поздно — так поздно, что один концерт не мог быть тому виной. Ужин давно ждал его на столе.

— Это было прекрасно, — сказал он, усаживаясь. — Помните, что Дарвин говорит о музыке? Он утверждает, что способность создавать ее и наслаждаться ею появилась у людей задолго до того, как они обрели дар речи. Возможно, именно поэтому она так глубоко нас волнует. В наших душах до сих пор хранятся смутные воспоминания о тех туманных веках, когда мир был еще совсем юным.

— Довольно смелая мысль, — заметил я.

— Если хотите понять природу, ваши мысли должны быть смелыми, как она сама, — ответил он. — Но в чем дело? Похоже, вы не в своей тарелке. Вас расстроило это происшествие на Брикстон-роуд?

— Честно говоря, да, — признался я. — После афганских приключений мне следовало бы стать менее впечатлительным. При Майванде я видел, как моих товарищей рубят на куски, и не терял самообладания.

— Понимаю. В этом деле есть тайна, которая дает разгуляться фантазии, а где нет простора для фантазий, там нет и страха. Вы читали вечернюю газету?

— Нет.

— В ней опубликован неплохой отчет о случившемся. Там не упоминается, что при выносе тела на пол упало женское обручальное кольцо. И очень хорошо, что так.

— Почему?

— Взгляните на это объявление, — ответил он. — Сегодня утром, сразу после нашей поездки, я разослал его во все газеты.

Он бросил мне газету, и я нашел указанное место. Его объявление было первым в столбце «Находки». «Сегодня утром на Брикстон-роуд, — говорилось в нем, — на участке между трактором «Белый олень» и Холланд-Гроув, найдено простое золотое обручальное кольцо. Обращаться к доктору Уотсо-ну на Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

— Простите, что воспользовался вашим именем, — сказал он. — Если бы я назвал свое, кто-нибудь из этих олухов мог бы заметить его и вмешаться.

— Ничего, — ответил я. — Но вдруг кто-нибудь и правда явится? У меня ведь нет кольца.

— Нет, есть, — сказал он, протягивая его мне. — Это вполне сгодится. Оно практически такое же.

— И кто, по-вашему, откликнется на это объявление?

— Кто же, как не человек в коричневом пальто, наш краснолицый друг в тупоносых башмаках? А не придет сам, так пришлет сообщника.

— Думаете, он не испугается?

— Совсем нет. Если я правильно представляю себе ситуацию — а у меня есть все основания считать, что это так, — он пойдет на любой риск, чтобы вернуть себе кольцо. По моим предположениям, он выронил его, когда наклонился над телом Дреббера, и в тот момент ничего не заметил. Покинув дом, он обнаружил пропажу и поспешил обратно, но там уже оказалась полиция — между прочим, по его собственной вине, потому что он забыл погасить свечу. Чтобы выйти сухим из воды, он вынужден был прикинуться пьяным. А теперь поставьте себя на место этого человека. Обдумав все как следует, он должен сообразить, что мог потерять кольцо и на улице, когда вышел из дома. Каковы его дальнейшие действия? Он кинется просматривать вечерние газеты в надежде увидеть объявление о находке, и наше обязательно попадетс я ему на глаза. Он будет вне себя от радости. С чего бы ему подозревать ловушку? С его точки зрения, нет никакой связи между находкой кольца и убийством. И он придет. Не может не прийти. Вы увидите его в течение ближайшего часа.

— И тогда?.. — спросил я.

— Не волнуйтесь, я с ним разберусь. У вас есть оружие?

— Мой старый армейский револьвер и несколько патронов к нему.

— Пожалуй, имеет смысл почистить его и зарядить. Этому парню нечего терять, и, хотя мы застанем его врасплох, лучше быть готовыми ко всему.

Я поднялся в спальню и последовал его совету. Когда я вернулся с оружием, со стола уже убрали, и Холмс предавался своему любимому занятию — пиликал на скрипке.

— Дело близится к развязке, — сообщил он, увидев меня. — Я только что получил ответ на свою американскую телеграмму. Мои соображения были правильны.

— А именно? — жадно спросил я.

— Моей скрипке определенно не помешают новые струны, — заметил он. — Положите пистолет в карман. Когда он войдет, говорите с ним как обычно. Прочее предоставьте мне. Не глядите на него слишком пристально, не то спугнете.

— Уже восемь, — сказал я, взглянув на часы.

— Да. Наверное, он появится через считанные минуты. Приоткройте дверь. Вот так, достаточно. Теперь вставьте ключ с внутренней стороны. Спасибо! Вчера мне попалась на книжном лотке любопытная книжонка под названием «De Jure inter Gentes»¹, изданная на латинском языке в Льеже в 1642 году. Когда этот маленький коричневый томик поступил в продажу, голова Карла еще крепко сидела на плечах.

— А кто издатель?

— Некий Филипп де Круа. На форзаце сильно выцветшими чернилами написано «Ex libris Gulielmi Whyte»². Интересно, кто такой был этот Уильям Уайт? Наверно, какой-нибудь практичный юрист семнадцатого века. Ага, кажется, дождались!

Снаружи громко звякнул звонок. Холмс мягко вскочил и передвинул свое кресло поближе к двери. В прихожей раздались шаги служанки и щелчок открявшего замка.

— Здесь живет доктор Уотсон? — спросил чистый, но довольно грубый голос.

Нам не было слышно, что ответила служанка, но дверь хлопнула и кто-то стал подниматься по ступеням. Шаги были шаркающими и неуверенными. По лицу моего компаньона скользнула тень недоумения. Наш гость медленно одолел лестничный пролет, и мы услышали слабый стук в дверь.

— Войдите! — крикнул я.

Мое приглашение не осталось без ответа, но вместо рослого преступника, которого мы ждали, порог нашей комнаты переступила морщинистая старуха на подкашивающихся ногах. Похоже, ее ослепил яркий свет, потому что, сделав нам реверанс, она осталась на месте, моргая слезящимися глазками и нервно шаря в кармане дрожащей рукой. Я взглянул на своего товарища и увидел такую разочарованную мину, что еле удержался от смеха.

Старая карга извлекла на свет божий вечернюю газету и ткнула пальцем в наше объявление.

— Я вот зачем пришла, джентльмены, — сказала она, присев еще раз. — За золотым колечком с Брикстон-роуд. Это дочки моей, Салли, — она у меня замужем всего год, а муж у ней на корабле стюардом, и что он скажет, ежели вернется, а она без кольца, так это даже подумать страшно, нраву-то он крутого, а уж когда выпьет, и вовсе спасу нет. Тут ведь как получилось: вчера она возьми да и пойди в цирк вместе с...

— Это ее кольцо? — спросил я.

— Благослови вас Господь! — вскричала старуха. — Вот Салли обрадуется! Оно самое.

— А живете вы где? — осведомился я и взял карандаш.

— В Хаундсдиче, на Данкан-стрит, тринадцать. Утомилась, пока до вас дошла.

— Брикстон-роуд вовсе не по дороге из Хаундсдича к цирку, — резко сказал Шерлок Холмс.

¹ «О международном праве» (лат.).

² Из книг Уильяма Уайта (лат.).

Старуха повернулась и остро взглянула на него маленькими глазками из-под воспаленных век.

— Джентльмен спросил, где живу я, — сказала она. — А Салли живет в Пекеме, дом три по Мейфилд-Плейс.

— А фамилия ваша?..

— Я-то Сойер, а она Деннис, потому как вышла за Тома Денниса — славный такой парень, толковый, это когда в море, и у капитана на хорошем счету — ну а как сойдет на берег, так тут уж и женщины, и винцо...

— Вот ваше колечко, миссис Сойер, — перебил я, повинувшись знаку своего компаньона. — Очевидно, оно принадлежит вашей дочери, и я рад, что могу вернуть его законной владелице.

Бормоча слова благодарности и превознося нашу доброту на все лады, старая карга спрятала кольцо в карман и заковыляла прочь. Как только она скрылась из виду, Шерлок Холмс вскочил на ноги и ринулся к себе в комнату. Спустя несколько секунд он вернулся в длинном пальто и шарфе.

— Пойду за ней, — бросил он. — Она наверняка сообщница и приведет меня к нему. Ждите.

Едва за нашей гостьей захлопнулась входная дверь, как Холмс уже бежал вниз по лестнице. Посмотрев в окно, я увидел, что она тащится по другой стороне улицы, а ее преследователь движется за ней в некотором отдалении. «Либо вся его теория неверна, — подумал я, — либо сейчас он проникнет в самое сердце тайны». Холмсу не надо было просить меня дожидаться его: я чувствовал, что все равно не смогу заснуть, пока не узнаю результатов его вылазки.

Когда он ушел, было почти девять. Я не имел понятия о том, сколько мне придется ждать, но упрямо сидел, попякивая трубкой и листая «Жизнь богемы» Анри Мюрже. Пробыло десять, и я услышал легкие шаги горничной: она отправилась спать. В одиннадцать за моей дверью раздалась более солидная поступь нашей домохозяйки, удаляющейся с тем же намерением. Дело шло к полуночи, когда до моего слуха донесся резкий звук ключа, повернувшегося в замке. Как только Холмс ступил в комнату, я понял по его виду, что на сей раз удача ему изменила. Веселое восхищение боролось на его лице с досадой; наконец первое чувство победило, и он от души расхохотался.

— Ни за что не хотел бы, чтобы об этом узнали в Скотленд-Ярде! — воскликнул он, плюхнувшись в кресло. — Я так часто подтруниваю над ними, что тут они не дали бы мне спуска. Но ничего, можно и посмеяться: я ведь знаю, что в конце концов возьму верх.

— Что случилось? — спросил я.

— С удовольствием расскажу вам, как я опростоволосился. Эта старушечка прошла самую малость, а потом принялась хромать и всячески демонстрировать, что стерла себе ноги. Скоро она и вовсе остановилась и кликнула кеб, который проезжал мимо. Я подобрался поближе, чтобы услышать адрес, но мог бы и не стараться, потому что она завопила на всю улицу: «Хаундсич, Данкан-стрит, дом тринадцать!» Неужто и правда не врёт, подумал я и, увидев, как она залезла внутрь, прицепился сзади. Этим умением должен владеть каждый уважающий себя сыщик. Ну вот, покатали мы куда велено и ни разу не притормозили, покуда не прибыли на место. Я соскочил раньше, чем мы подъехали к дому, и не торопясь пошел по тротуару, будто гуляю. Смотрю, кеб остановился. Кучер соскочил, открыл дверцу и ждет. А оттуда — никого. Когда я поравнялся с ним, он как полоумный шарил руками в пустом кебе и сыпал такой отборной руганью, какую мне редко доводилось слышать. Его пассажирки и след простыл, и я боюсь, что ему долго придется ждать своих денег. Мы обратились в дом номер тринадцать и выясни-

ли, что он принадлежит почтенному обойщику по фамилии Кезуик и ни о каких Сойерах и Деннисах там и слыхом не слышали.

— Уж не хотите ли вы сказать, — в изумлении вскричал я, — что эта дряхлая, немощная старуха сумела выскочить из кеба на ходу, да так, что ни вы, ни кучер этого не заметили?

— Как же, старуха! — сердито сказал Холмс. — Это нас с вами одурачили, как старух. К нам приходил молодой человек, очень ловкий, и к тому же бесподобный актер. Загримировался он изумительно. Потом, несомненно, заметил за собой слежку и воспользовался этим приемом, чтобы от меня улизнуть. Это показывает, что преступник, за которым мы охотимся, не так одинок, как я воображал, — у него есть друзья, готовые по его просьбе пойти на риск. Знаете что, доктор, вид у вас совсем измученный. Послушайтесь моего совета и давайте-ка на боковую.

Я и впрямь очень утомился, а потому не стал ему возражать. Я оставил Холмса перед камином с тлеющими угольями и чуть ли не до самого рассвета слышал заунывные причитания его скрипки, говорящие о том, что он все еще размышляет над загадочным делом, которое взялся распутать.

Глава VI ТОБИАС ГРЕГСОН ПОКАЗЫВАЕТ, НА ЧТО ОН СПОСОБЕН

Наутро все газеты были полны рассказов о Брикстонской тайне — так нарекли ее репортеры. В каждой приводился подробный отчет о трагедии, а в некоторых изданиях ей даже посвятили передовицы. Я почерпнул из этих статей кое-какую новую для себя информацию. В моем альбоме до сих пор хранятся многочисленные вырезки и цитаты, относящиеся к данному делу. Вот к чему вкратце сводилось их содержание.

«Дейли телеграф» отмечала, что в анналах криминалистики едва ли сыщется преступление со столь необычными чертами. Немецкое имя жертвы, отсутствие видимых мотивов и зловещая надпись на стене — все это указывало на то, что убийцу следует искать среди революционеров и политических беженцев. В Америке много социалистических обществ; по всей видимости, покойный нарушил их неписанные законы, за что и его и покарали. Упомянув мимоходом фемгерихт, акву тофану, карбонариев, маркизу де Бренвийе, теорию Дарвина, принципы Мальтуса и убийства на Рэтклифф-хайвэй¹, автор завершал свою статью предостережением в адрес правительства и советом установить более пристальный надзор за иностранцами в Англии.

«Стандард» заостряла внимание читателей на том обстоятельстве, что подобные возмутительные беззакония обыкновенно творятся в периоды верховенства либералов. В умах начинается брожение, в результате чего падает авторитет всякой власти. Покойный был американским гражданином, который провел в британской столице несколько недель. Он остановился в пансионке мадам Карпантье, на Торки-террас в Камберуэлле. В поездке его сопровождал

¹ Фемгерихт — тайный суд в средневековой Германии; аква тофана — яд, названный по имени отравительницы из Италии XVII века; карбонарии — итальянское тайное общество начала XIX века; маркиза де Бренвийе — знаменитая отравительница из Франции (XVII век); убийства на Рэтклифф-хайвэй — громкие преступления, произошедшие в Англии в 1811 году.

личный секретарь, мистер Джозеф Стенджерсон. Оба распрошались с хозяйкой во вторник, четвертого числа текущего месяца, и отбыли на Юстонский вокзал, предварительно заявив о своем намерении отправиться экспрессом в Ливерпуль. Позже их видели вместе на перроне. О том, где они находились и что делали до тех пор, пока тело мистера Дреббера не было обнаружено в пустом доме на Брикстон-роуд, за много миль от Юстона, ровным счетом ничего не известно. Как он туда попал и как встретил свою судьбу — эти вопросы по-прежнему остаются без ответа. Нет сведений и о местопребывании Стенджерсона. Мы с удовольствием узнали, что расследование дела поручено мистеру Лестрейду и мистеру Грегсону из Скотленд-Ярда, и можем с уверенностью предсказать, что наши прославленные детективы очень скоро прольют свет на эту таинственную историю.

«Дейли ньюс» отмечала, что в политическом характере преступления нет никаких сомнений. Деспотизм и ненависть к либерализму, широко распространенные на европейском континенте, стали причиной появления на наших берегах множества людей, из которых вышли бы замечательные граждане, если бы все их существование не было отравлено памятью о пережитом. Эти люди строго соблюдают определенный кодекс чести, малейшее нарушение коего карается смертью. Следует приложить все усилия к тому, чтобы отыскать пропавшего секретаря, Стенджерсона, и выяснить у него некоторые подробности относительно привычек его нанимателя. Установив адрес пансиона, где обитал покойный, следствие сделало огромный шаг вперед — кстати, достижением этого важного результата мы всецело обязаны энергии и проницательности мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

Все эти заметки мы с Холмсом прочли вместе за завтраком, причем он не скрывал, что они его немало позабавили.

— Я же вам говорил: что бы ни случилось, Лестрейд и Грегсон своего не упустят.

— Еще неизвестно, чем дело кончится.

— Да бог с вами, это же совершенно неважно. Если преступника поймают, то *благодаря* их стараниям; если он сбежит, то *несмотря* на их старания. Словом, как в той присказке: орел — я выиграл, решка — ты проиграл. Что бы они ни натворили, у них обязательно найдутся почитатели. Как говорил Буало, глупец глупцу всегда внушает восхищенье¹.

— Что там такое? — воскликнул я, ибо в этот момент в прихожей и на лестнице раздался топот множества ног, сопровождаемый гневными протестами нашей домохозяйки.

— Отряд сыскной полиции с Бейкер-стрит, — серьезно ответил мой компаньон.

Не успел он договорить, как в комнату ввалились несколько самых грязных и оборванных уличных мальчишек, каких мне только доводилось встречать.

— Смирно! — резко скомандовал Холмс, и шестеро чумазых оборванцев выстроились в ряд и замерли, словно изваяния довольно-таки отталкивающего вида. — В будущем пусть приходит докладывать один Уиггинс, а остальные подождут снаружи. Нашли что-нибудь, Уиггинс?

— Никак нет, сэр, — отвечал один из юнцов.

— Я так и думал. Продолжайте, пока не найдете. Вот вам за работу. — Он вручил каждому по шиллингу. — А теперь вперед, и в следующий раз постарайтесь меня не разочаровать.

¹ Строка из «Поэтического искусства» (пер. Э. Линецкой).

Он махнул рукой, и мальчишки прыснули вниз по лестнице, как стайка крыс. Спустя несколько секунд их пронзительные голоса донесли до нас с улицы.

— От этих маленьких попрошайек больше проку, чем от дюжины полицейских, — сказал Холмс. — В присутствии официального лица из нормального человека слова не вытянешь. А эти ребята везде пролезут и все услышат. Шустрые, приметливые — им только дисциплины не хватает.

— Они помогают вам в этом брикстонском деле? — спросил я.

— Да, мне надо кое-что уточнить. Но это лишь вопрос времени. Ага! Сейчас мы узнаем все последние новости! По тротуару идет Грегсон, причем каждая его черточка излучает блаженство. Очевидно, он направляется к нам. Да, остановился. Вот и он!

Громко протрезвонил звонок, и вскоре светловолосый детектив взлетел по нашей лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз, и ворвался к нам в гостиную.

— Мой уважаемый друг! — воскликнул он, тряся безответную руку Холмса. — Поздравьте меня! Я раскусил этот орешек, и теперь все ясно как день.

Мне почудилось, что по выразительному лицу моего компаньона скользнула тень беспокойства.

— Хотите сказать, что вы на верном пути? — спросил он.

— Какое там на пути! Преступник уже сидит у нас под замком!

— И его зовут...

— Артур Шарпантье, младший лейтенант флота ее величества! — вскричал Грегсон, самодовольно потирая пухлые руки и выпятив грудь.

У Шерлока Холмса вырвался вздох облегчения, и он умиротворенно улыбнулся.

— Присаживайтесь и попробуйте одну из этих сигар, — сказал он. — Нам не терпится узнать, как вам это удалось. Не угодно ли виски с водой?

— Пожалуй, не откажусь, — ответил сыщик. — Последние два дня требовали от меня таких огромных усилий, что я совсем измотался. Не столько физических, разумеется, сколько умственных — это было колоссальное напряжение мозга. Уж вы-то меня поймете, мистер Холмс: мы ведь с вами оба привыкли работать головой.

— Вы мне льстите, — серьезно ответил Шерлок Холмс. — Но расскажите же нам, как вы добились столь впечатляющего результата.

Сыщик уселся в кресло и принялся с довольным видом попыхивать сигарой. Потом хлопнул себя по ляжке в приступе внезапного восторга.

— Самое смешное, — воскликнул он, — что этот дурачина Лестрейд, который считает себя умнее всех, пошел по абсолютно ложному следу. Он ищет секретаря Стенджерсона, а тот виновен в убийстве не больше, чем неродившийся младенец. Я уверен, что он его уже засадил.

Эта мысль так развеселила Грегсона, что он смеялся, пока не поперхнулся.

— А как вы нашли ключ к разгадке?

— Сейчас расскажу. Конечно, доктор Уотсон, это строго между нами. Первой трудностью, с которой мы столкнулись, было выяснить прошлое этого американца. Кое-кто ждал бы, пока ответят на его объявление или пока найдутся добровольцы, готовые поделиться информацией. Но у Тобиаса Грегсона другие методы. Помните шляпу, которая лежала рядом с убитым?

— Да, — сказал Холмс. — Цилиндр фирмы «Джон Андервуд и сыновья», номер 129 по Камберуэлл-роуд.

Грегсон сник.

— Вот уж не думал, что вы заметили, — сказал он. — И вы там были?

— Нет.

— Ха! — воскликнул Грегсон, явно утешенный. — В нашем деле нельзя упускать ни одного шанса, каким бы ничтожным он ни казался.

— Для большого ума не существует мелочей, — сентенциозно подтвердил Холмс.

— Итак, я отправился к Андервуду и спросил, продавал ли он шляпу такой-то модели и такого-то размера. Он проверил по своим записям и немедленно отыскал нужную. Он продал шляпу мистеру Дребберу, проживающему в меблированных комнатах мадам Шарпантье на Торки-террас. Вот как я добыл адрес.

— Ловко... очень ловко! — пробормотал Шерлок Холмс.

— Затем я пошел к мадам Шарпантье, — продолжал детектив. — Она выглядела бледной и крайне удрученной. Там сидела и ее дочь, весьма обаятельная девушка, — глаза у нее были красные, а губы, когда я говорил с ней, дрожали. Это не ускользнуло от моего внимания, и я сразу почуял неладное. Вы знаете это чувство, мистер Холмс: когда нападаешь на верный след, всегда испытываешь какой-то внутренний трепет. «Вы слышали о загадочной смерти вашего недавнего съемщика, мистера Инока Дреббера из Кливленда?» — спросил я.

Мать кивнула. Казалось, она не в силах выдавить из себя ни слова. Дочь залилась слезами. Теперь я был уже просто уверен: эти люди что-то знают о происшедшем.

«В котором часу мистер Дреббер отправился на вокзал?» — спросил я. «В восемь, — ответила она, сглотнув, чтобы скрыть волнение. — Его секретарь мистер Стенджерсон сказал, что есть два ливерпульских поезда — один в девять пятнадцать, а другой в одиннадцать. Они собирались ехать на первом». — «Значит, тогда вы видели мистера Дреббера в последний раз?»

Когда я задал этот вопрос, лицо женщины ужасным образом изменилось. Его покрыла смертельная бледность. Лишь через несколько секунд она сумела вымолвить единственное слово «да», и оно прозвучало хрипло и неестественно.

Наступила короткая пауза, а затем дочь спокойным и ясным голосом сказала: «Не надо кривить душой, мама, — это еще никому и никогда не приносило пользы. Будем откровенны с этим джентльменом. Мы видели мистера Дреббера еще раз». — «Да простит тебя Бог! — воскликнула мадам Шарпантье, воздев руки к небу и опустившись в кресло. — Ты погубила своего брата». — «Артур не простил бы нам лжи», — твердо ответила дочь.

«Лучше расскажите мне об этом все сразу, — посоветовал я. — Полупризнание хуже заpiresательства. Кроме того, вы не знаете, как много нам уже известно». — «Пусть это будет на твоей совести, Алиса! — вскричала мать и, обернувшись ко мне, произнесла: — Я расскажу вам все, сэр. Не думайте, что мое беспокойство по поводу сына связано с тем, что он как-то замешан в этом жутком деле. Он абсолютно невиновен. Однако я опасаюсь скомпрометировать его в ваших глазах и в глазах общества. Впрочем, это невозможно! Его благородство, его профессия, вся его биография не дадут бросить на него тень». — «Лучшее, что вы можете сделать, — это без утайки изложить мне все факты, — ответил я. — Если ваш сын невиновен, его не осудят».

«Будь добра, Алиса, оставь нас одних, — попросила она, и дочь покорно вышла. — Итак, сэр, — продолжала мать, — я не хотела вам об этом рассказывать, но поскольку моя бедная дочь не смогла промолчать, у меня больше нет выбора. Коли уж я решилась на откровенность, то расскажу все, не упуская

ни малейшей подробности». — «Это самое мудрое с вашей стороны», — заверил ее я.

«Мистер Дреббер прожил у нас почти три недели. До этого он и его секретарь мистер Стенджерсон путешествовали по Европе. Я заметила на их чемоданах копенгагенские наклейки — значит, там они в последний раз останавливались на континенте. Стенджерсон всегда вел себя спокойно и вежливо, но о его нанимателе, к моему огромному сожалению, нельзя сказать ничего подобного. Он отличался грубостью и дурными манерами. Поселившись у нас, он сильно напился в первый же вечер, и вообще, после полудня его редко можно было увидеть трезвым. С горничными он держался до безобразия нахально и развязно. Но хуже всего то, что он скоро вздумал поставить на одну доску с ними мою дочь, Алису, и не однажды обращался к ней с репликами, смысла которых она, к счастью, не понимала по своей невинности. Как-то раз он буквально схватил ее и сжал в объятиях — выходка, которая даже терпеливого мистера Стенджерсона вынудила упрекнуть его в недостойном поведении». — «Но почему вы все это терпели? — спросил я. — Разве вы не можете избавиться от своих постояльцев в любой момент?»

Этот вполне логичный вопрос заставил миссис Шарпантье покраснеть.

«Видит Бог, я в первый же день сделала ему замечание, — ответила она. — Но соблазн был велик. Они платили по фунту в день за каждого — четырнадцать фунтов в неделю, а нынче ведь не сезон. Я вдова, и служба моего сына во флоте недешево мне обходится. Мне жаль было терять такие деньги, и я надеялась на лучшее. Однако в последний раз он хватил через край, и я велела ему немедленно освободить комнаты. Потому-то он нас и покинул». — «И?...» — «Когда я спровадила их, на сердце у меня полегчало. Мой сын недавно приехал на побывку, но я ничего ему не рассказывала, потому что он очень вспыльчив и к тому же обожает свою сестру. Когда я закрыла за ними дверь, у меня точно камень с души свалился. Увы, не прошло и часа, как раздался звонок — оказалось, что это вернулся мистер Дреббер. Он был сильно возбужден и явно успел как следует хлебнуть из бутылки. Он вломился в гостиную, где сидели мы с дочерью, и невнятно пробормотал, что опоздал на поезд. Затем повернулся к Алисе и прямо у меня на глазах предложил ей уехать с ним. «Ты уже совершеннолетняя, — сказал он, — и нет такого закона, чтоб тебя удержат. Денег у меня куры не клюют. Не обращай внимания на свою старуху, бери вещи и поедом со мной. Будешь жить как принцесса». Бедняжка Алиса не знала, куда деваться с перепугу, а он схватил ее за руку и поволок к двери. Я закричала, и тут в комнату вошел мой сын Артур. Что случилось после, я не видела: мне было страшно поднять голову. Я только слышала ругань и шум борьбы. А когда наконец подняла глаза, Артур стоял на пороге с тростью и смеялся. «Думаю, этот красавец больше не будет нам досажать, — сказал он. — Пойду погляжу, как он там». С этими словами он взял шляпу и вышел на улицу. А утром мы услышали о загадочной смерти мистера Дреббера».

Все это миссис Шарпантье поведала мне с многочисленными вздохами и паузами. Временами она говорила так тихо, что мне едва удавалось ее слышать. Тем не менее я успел застенографировать ее рассказ, так что ошибки исключены.

— Ну что ж, это весьма интересно, — сказал Шерлок Холмс и зевнул. — А что было дальше?

— Когда миссис Шарпантье закончила, — продолжал сыщик, — я понял, что все в этом деле зависит от одного важнейшего обстоятельства. Посмотрев на нее тем пристальным взглядом, который, по моим наблюдениям, всегда безотказно действует на женщин, я спросил, когда ее сын вернулся домой.

«Не знаю», — ответила она. — «Не знаете?» — «Нет. У него свой ключ, и он сам открыл себе дверь». — «После того, как вы легли спать?» — «Да». — «А когда вы легли?» — «Примерно в одиннадцать». — «Значит, ваш сын отсутствовал по меньшей мере часа два?» — «Да». — «А может быть, четыре или пять?» — «Возможно». — «И что же он делал все это время?» — «Не знаю», — сказала она, побелев как полотно.

Разумеется, после этого спрашивать было уже нечего. Я выяснил, где находится лейтенант Шарпантье, взял с собой двух полицейских и арестовал его. Когда я взял его за плечо и попросил тихо пройти с нами, он ответил без всякого смущения: «Полагаю, вы считаете меня виновным в смерти этого подлеца Дреббера». Прямо так и сказал, а ведь мы ему ничего не говорили. Согласитесь, что это выглядит чрезвычайно подозрительно.

— Ваша правда, — согласился Холмс.

— У него еще была трость, с которой он, по словам матери, бросился вдогонку за Дреббером. Такая тяжелая, дубовая палка.

— И какова же ваша теория?

— Ну, я думаю, что он гнался за Дреббером до самой Брикстон-роуд. Там они опять сцепились, Дреббер получил удар тростью — наверное, в живот — и умер, причем на его теле не осталось никаких ран. Ночь была такая дождливая, что никто их не видел, и Шарпантье затащил труп в пустой дом. Что же касается свечи, крови, надписи на стене и кольца, то все это просто уловки, чтобы направить полицию по ложному следу.

— Отлично! — ободряющим тоном воскликнул Холмс. — Ей-богу, Грегсон, вы делаете успехи. Я уверен, что вы далеко пойдете.

— Признаться, я и сам считаю, что недурно справился с этой задачкой, — самодовольно ответил детектив. — В своих официальных показаниях молодой человек заявил, что некоторое время преследовал Дреббера, после чего тот заметил его и взял кеб, чтобы от него отвязаться. По дороге домой Шарпантье якобы встретил старого флотского товарища и долго гулял с ним. На вопрос, где живет этот старый товарищ, он не смог дать вразумительного ответа. Думаю, все детали головоломки безупречно складываются в одно целое. Но Лестрейд-то, Лестрейд — смех, да и только! Думаю, он немного найдет там, где ищет. Ага, да вот и он сам!

И вправду, мы так увлеклись разговором, что не заметили, как Лестрейд поднялся по лестнице и перешагнул порог комнаты. Однако свойственные ему самоуверенность и подтянутость куда-то пропали. Лицо его было расстроенным и озабоченным, а одежда испачкалась и пришла в беспорядок. Он явно хотел посоветоваться о чем-то с Шерлоком Холмсом, но, увидев коллегу, смутился и растерялся. Он застыл посреди нашей гостиной, нервно теребя в руках шляпу.

— Это просто невероятно, — промолвил он наконец. — Непостижимое дело...

— Неужели, мистер Лестрейд! — торжествующе воскликнул Грегсон. — Я предвидел, что вы придете к такому выводу. Вам удалось найти секретаря, этого мистера Стенджерсона?

— Секретарь Дреббера, мистер Стенджерсон, — серьезно сказал Лестрейд, — убит в гостинице «Халлидей» сегодня около шести часов утра.

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ

Глава I

СУТЬ ДЕДУКТИВНОГО МЕТОДА ХОЛМСА

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несесера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Некоторое время, но недолго, он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом во-злизнул острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучился, что у меня не хватает смелости протестовать. Снова и снова я давал себе клятву сказать моему другу, что я думаю о его привычке, но его холодная, бесстрастная натура пресекала всякие по-ползновения наставить его на путь истинный. Зная его выдающийся ум, вла-стный характер и другие исключительные качества, я робел, и язык прили-пал у меня к гортани.

Но в тот день, то ли благодаря кларету, выпитому за завтраком, то ли в по-рыве отчаяния, овладевшего мной при виде неисправимого упрямства Хол-мса, я не выдержал и взорвался.

— Что сегодня, — спросил я, — морфий или кокаин?

Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

— Кокаин, — ответил он. — Семипроцентный. Хотите попробовать?

— Благодарю покорно! — отрезал я. — Мой организм еще не вполне оправился после афганской кампании. И я не хочу подвергать его лишней нагрузке.

Холмс улыбнулся моему возмущению.

— Возможно, вы правы, Уотсон, — сказал он. — И наркотики вредят здо-ровью. Но зато я открыл, что они удивительно стимулируют умственную дея-тельность и проясняют сознание. Так что их побочным действием можно пренебречь.

— Но подумайте, — горячо воскликнул я, — какую цену вы за это платите! Я допускаю, что мозг ваш начинает интенсивно работать, но это губитель-ный процесс, ведущий к перерождению нервных клеток и в конце концов к слабоумию. Вы ведь очень хорошо знаете, какая потом наступает реакция. Нет, Холмс, право же, игра не стоит свеч! Как можете вы ради каких-то не-скольких минут возбуждения рисковать удивительным даром, каким приро-да наделила вас? Поймите, я говорю с вами не просто как приятель, а как врач, отвечающий за здоровье своего пациента.

Шерлок Холмс не обиделся. Наоборот, наш разговор, казалось, развлекал его.

— Мой мозг, — сказал он, опершись локтями о ручки кресла и соединив перед собой кончики растопыренных пальцев, — бунтует против безделья. Дайте мне дело! Дайте мне сложнейшую проблему, неразрешимую задачу, запутаннейший случай — и я забуду про искусственные стимуляторы. Я ненавижу унылое, однообразное течение жизни. Ум мой требует напряженной деятельности. Именно поэтому я и выбрал для себя свою уникальную профессию, точнее, создал ее, потому что второго Шерлока Холмса нет на свете.

— Единственный на весь мир частный детектив? — спросил я, поднимая брови.

— Единственный частный детектив-консультант, — ответил Шерлок Холмс. — Последняя и высшая инстанция. Когда Грегсон, Лестрейд или Этелни Джонс в тупике — а это их нормальное состояние, — они немедленно зовут меня. Я знакомлюсь с подробностями дела и высказываю свое мнение, мнение специалиста. Я не ищу славы. Когда мне удается распутать дело, мое имя не фигурирует в газетах. Я вижу высшую награду в самой работе, в возможности применить на практике мой метод. Вы, Уотсон, хорошо его знаете. Вспомните хотя бы дело Джефферсона Хоупа.

— Да, помню, — ответил я, смягчаясь. — Интереснейший случай. Я даже написал о нем нечто вроде повести под интригующим названием: «Этюд в багровых тонах».

— Я видел вашу повесть, — без энтузиазма покачал головой Холмс. — И, должен признаться, не могу поздравить вас с успехом. Расследование преступления — точная наука, по крайней мере должна ею быть. И описывать этот вид деятельности надо в строгой, бесстрастной манере. А у вас там сантименты. Это все равно что в рассуждение о пятом постулате Эвклида включить пикантную любовную историю.

— Но там действительно была романтическая история! — запротестовал я. — Я просто строго придерживался фактов.

— Кое о чем можно было и умолчать или хотя бы соблюдать меру в изложении фактов. Единственное, что заслуживает внимания в этом деле, — цепь рассуждений от следствия к причине. Это и привело к успешному раскрытию дела.

Меня рассердили эти слова — ведь я описал дело Холмса, чтобы сделать ему приятное. И еще меня раздражал его эгоизм, в угоду которому надо было бы каждую строку моей книжки посвятить его бесценному методу. Прожив с моим другом на Бейкер-стрит несколько лет, я не раз подмечал в нем некоторое тщеславие, скрывавшееся под его обычной сдержанной и наставительной манерой. Однако я ничего не ответил ему, а сидел, покачивая большой ногой, из которой не так давно извлекли пулю, выпущенную из афганского ружья, и, хотя рана не мешала ходить, нога к перемене погоды всякий раз ныла.

— С недавних пор я стал участвовать в раскрытии преступлений на континенте, — сказал немного погодя Холмс, набивая свою любимую эпиковую трубку. — На прошлой неделе ко мне обратился за советом Франсуа ле Виллар, который, как вы, вероятно, знаете, выдвинулся за последнее время в число лучших сыщиков Франции. Он обладает замечательно быстрой интуицией, свойственной кельтской расе, но для первоклассного сыщика он недостаточно сведущ в специальных областях нашего искусства. Дело касалось одного завешания и содержало несколько интересных деталей. Я напомнил

Виллару два подобных случая — один расследовался в 1857 году в Риге, другой — в 1871-м в Сент-Луисе. И это дало ему ключ к решению. Сегодня утром я получил от него письмо, в котором он благодарит меня за помощь.

Говоря это, он протянул мне сложенный вдвое лист бумаги иностранного производства, который, как я заметил, пестрел словами: *magnifique, coup de maitre* и *tours de forse*¹, свидетельствующими о горячем восхищении француза.

— Он пишет вам, как ученик учителю, — сказал я.

— Он переоценивает мою помощь, — заметил Холмс безразлично. — Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет. Он сейчас переводит на французский мои брошюры.

— А вы разве пишете?

— Есть грех, — рассмеялся Холмс. — Я написал несколько небольших работ. Одна из них под названием «Определение сортов табака по пеплу» описывает сто сорок сортов сигарного, сигаретного и трубочного табака. К ней приложены цветные фотографии, показывающие разные виды пепла. Табачный пепел — одна из самых частых улик. Иногда очень важная. Если, например, вы можете точно сказать, что человек, совершивший убийство, курит индийский табак, то круг поисков, естественно, сужается. Для опытного глаза разница между черным пеплом трихинопольского табака и белыми хлопьями «птичьего глаза» так же велика, как между картошкой и капустой.

— У вас поразительная способность замечать мелочи, — сказал я.

— Просто я понимаю их важность. Или вот еще работа об отпечатках следов, в ней говорится об использовании гипса для сохранения отпечатка. Одно небольшое исследование посвящено влиянию профессий на форму руки, в нем даны литографии рук кровельщика, моряка, пробочника, композитора, ткача и шлифовальщика алмазов. Это исследование представляет собой большой практический интерес для детектива, относящегося к своей профессии как к науке. Оно особенно полезно, когда нужно опознать труп или определить занятие преступника. Но я вижу, что злоупотребляю вашим терпением, оседлав любимого конька.

— Нисколько! — горячо запротестовал я. — Мне все это в высшей степени интересно, особенно потому, что я своими глазами видел практическое применение ваших знаний. Вот вы упомянули сейчас умение наблюдать и умение делать выводы. А мне казалось, что это — почти одно и то же.

— Нет, это разные вещи, — ответил Шерлок Холмс, с наслаждением откидываясь на мягкую спинку кресла и выпуская из трубки толстые сизые кольца дыма. — Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

— Поразительно! — воскликнул я. — Вы правы. Но должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

— Проще простого, — улыбнулся Шерлок Холмс моему недоумению. — Так просто, что и объяснить нечего. Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы показать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испач-

¹ Великолепно, мастерски, гениально (*фр.*).

каны красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого, красноватого цвета, какой поблизости нигде больше нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

— А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

— Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не за тем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.

— Действительно, все очень просто, — сказал я, помолчав. — Но случай этот, как вы сами заметили, простейший. Извините мою назойливость, но мне хотелось бы подвергнуть ваш метод более серьезному испытанию.

— Я буду очень рад. Это избавит меня от лишней дозы кокаина. Дайте мне любую задачу по вашему усмотрению.

— Я помню, вы говорили, что, когда долго пользуются вещью, на ней обязательно остается отпечаток личности ее владельца. И опытный глаз многое может по ней прочесть. У меня есть часы, они попали ко мне недавно. Будьте так добры, скажите, пожалуйста, каковы были привычки и характер их последнего хозяина?

Я протянул ему часы, признаться, не без тайного удовольствия, ибо, на мой взгляд, задача была неразрешима, а мне хотелось немножко сбить спесь с моего приятеля, чей нравоучительный и не допускающий возражений тон меня иногда раздражал. Он подержал часы в руке, как бы взвешивая их, внимательно рассмотрел циферблат, потом открыл крышку и стал разглядывать механизм, сперва просто так, а потом вооружившись сильной двояковыпуклой лупой. Я едва удержался от улыбки, когда Холмс, шелкнув крышкой, с разочарованным видом протянул мне часы.

— Почти ничего нельзя сказать, — проговорил он. — Часы недавно побывали у мастера. Он их тщательно почистил. Так что я лишен возможности утверждать что-нибудь наверняка.

— Вы правы, — ответил я. — Перед тем как попасть ко мне, они действительно побывали у часовщика.

Мысленно я упрекнул моего приятеля за то, что он свою неудачу объяснил такой неубедительной отговоркой. Интересно, что можно прочесть по нечищеным часам?

— Хотя я и не могу похвастаться результатами, но все-таки я в них кое-что увидел, — сказал он, устремив в потолок отрешенный взгляд. — Если я ошибусь, поправьте меня, пожалуйста, Уотсон. Так вот, часы, по-моему, принадлежали вашему старшему брату, а он унаследовал их от отца.

— Вас, конечно, навели на эту мысль буквы «Г. У.», выгравированные на крышке?

— Именно. Ваша фамилия ведь начинается на «У», не так ли? Часы были сделаны полстолетия назад, инициалы выгравированы почти в то же время. Из этого я заключил, что часы принадлежали человеку старшего поколения. Семейные драгоценности, насколько мне известно, переходят от отца к старшему сыну. Вполне вероятно, что вашего брата звали так же, как вашего отца. А ваш отец, если мне не изменяет память, умер много лет назад. Стало быть, до вас ими владел ваш брат.

— Да, пока все правильно, — заметил я. — А что еще вы увидели в этих часах?

— Ваш брат был человек очень беспорядочный, легкомысленный и неаккуратный. Он унаследовал приличное состояние, перед ним было будущее. Но он все промотал, жил в бедности, хотя порой ему и улыбалась фортуна. В конце концов он спился и умер. Вот и все, что удалось мне извлечь из часов.

Расстроенный, я вскочил со стула и, хромя, зашагал по комнате.

— Это, Холмс, в высшей степени некрасиво с вашей стороны. Вы каким-то образом проведали о судьбе моего несчастного брата, а теперь делаете вид, что вам это стало известно каким-то чудом только сейчас. Я никогда не поверю, что все это рассказали вам какие-то старые часы. Это жестоко и, уж если на то пошло, отдает шарлатанством!

— Мой дорогой Уотсон, — сказал мягко Холмс, — простите меня, ради бога. Решая вашу задачу, я забыл, как близко она вас касается, и не подумал, что упоминание о вашем брате будет тяжело для вас. Но, уверяю вас, я ничего не знал о существовании вашего брата до той минуты, пока не увидел часы.

— Тогда объясните мне, как вы все это узнали. Ваш рассказ о моем брате соответствует действительности до мельчайших подробностей.

— Счастливое совпадение. Я мог только предполагать с той или иной степенью вероятности, но оказалось, что так все и было.

— Но это не просто догадка?

— Разумеется, нет. Я никогда не гадаю. Очень дурная привычка: действует губительно на способность логически мыслить. Вы поражены, потому что не видите хода моих мыслей, а мелкие факты для вас не существуют. А ведь именно на них, как правило, строится рассуждение. Вот, например, мой первый вывод — что вашему брату была несвойственна аккуратность. Если вы внимательно рассмотрите тыльную сторону часов, то заметите, что футляр не только в двух местах помят, но и сильно поцарапан чем-то твердым, например ключом или монетами, которые ваш брат носил в одном кармане с часами. Ясно, что не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить, что человек, обращающийся с часами, стоящими пятьдесят гиней, таким беспардонным образом, аккуратностью не отличается. Нетрудно также сообразить, что если человек получил по наследству такие дорогие часы, то, значит, и само наследство было не маленькое.

Я кивнул, чтобы показать, что слушаю его со вниманием.

— В английском ломбарде, когда берут в залог часы, номер квитанции обычно наносят иголкой на внутреннюю сторону крышки. Это гораздо удобнее всяких ярлыков. Нет опасности, что ярлык потеряется или что его подменят. На этих часах я разглядел при помощи лупы не менее четырех таких номеров. Вывод — ваш брат часто оказывался на мели. Второй вывод — время от времени ему удавалось поправить свои дела, иначе он не смог бы выкупить заложенные часы. Наконец, взгляните на нижнюю крышку, в которой отверстие для ключа. Смотрите, сколько царапин, это следы ключа, которым не сразу попадают в отверстие. У человека непьющего таких царапин на часах не бывает. У пьяниц они есть всегда. Ваш брат заводил часы поздно вечером, и вон сколько отметин оставила его нетвердая рука. Что же во всем этом чудесного и таинственного?

— Да, теперь и я вижу, что все очень просто. И сожалею, что был несправедлив. Я должен был больше доверять вашим исключительным способностям. Можно мне задать один вопрос: есть ли у вас сейчас на руках какое-нибудь интересное дело?

— Нет. Отсюда и кокаин. Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применить их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.

Я открыл было рот, чтобы возразить на его тираду, но в дверь громко постучали, и в комнату вошла хозяйка, неся на медном подносе визитную карточку.

— Вас спрашивает молодая девушка, сэр, — обратилась хозяйка к моему другу.

— Мисс Мэри Морстен, — ответил он. — Хм, это имя мне незнакомо. Пригласите, пожалуйста, мисс Морстен войти, миссис Хадсон. Не уходите, доктор. Я хочу, чтобы вы остались.

Глава II МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ДЕЛОМ

Мисс Морстен вошла в комнату легким, уверенным шагом, держась спокойно и непринужденно. Это была совсем молодая девушка, блондинка, хрупкая, изящная, одетая с безупречным вкусом и в безупречно чистых перчатках. Но в ее одежде была заметна та скромность, если не простота, которая наводит на мысль о стесненных обстоятельствах. На ней было платье из темно-серой шерсти, без всякой отделки, и маленькая шляпка того же серого тона, которую слегка оживляло белое перышко сбоку. Лицо ее было бледно, а черты не отличались правильностью, но зато выражение этого лица было милое и располагающее, а большие синие глаза светились одухотворенностью и добротой. На своем веку я встречал женщин трех континентов, но никогда не доводилось мне видеть лица, которое так ясно свидетельствовало бы о благородстве и отзывчивости души. Когда мисс Морстен садилась на стул, который Холмс предложил ей, я заметил, что руки и губы ее дрожат — видимо, от сильного внутреннего волнения.

— Я пришла именно к вам, мистер Холмс, — начала наша гостья, — потому что это вы помогли моей хозяйке миссис Сесил Форрестер распутать одну семейную историю. Она до сих пор не может забыть вашу доброту и ваш ум.

— Миссис Сесил Форрестер? — повторил задумчиво Холмс. — Помню, что мне действительно удалось немного помочь ей. Случай, однако, был весьма простой.

— Миссис Форрестер о нем другого мнения. Но зато о деле, которое привело меня к вам, вы этого не скажете. Трудно вообразить себе ситуацию более странную и необъяснимую, чем та, в которой я очутилась.

Холмс потер руки, и глаза у него заблестели. Он подался вперед на своем кресле, его резко очерченные, ястребиные черты приняли выражение самого напряженного внимания.

— Изложите ваше дело, — сказал он сухим, деловым тоном.

Я почувствовал себя неловко и, поднимаясь со стула, сказал:

— С вашего позволения я покину вас?

К моему удивлению, мисс Морстен остановила меня, подняв затынутую в перчатку руку.

— Если ваш друг останется, — сказала она, — он окажет мне неоценимую услугу.

Я опять сел, мисс Морстен продолжала:

— Вкратце дело состоит в следующем. Мой отец служил офицером в одном полку в Индии. Когда я была совсем маленькой, он отправил меня в Англию. Мать моя умерла, родственников в Англии у нас не было, и отец поместил меня в один из лучших частных пансионатов в Эдинбурге. Там я воспитывалась до семнадцати лет. В 1878 году мой отец, бывший в то время старшим офицером полка, получил годичный отпуск и приехал в Англию. Он дал мне телеграмму из Лондона, что доехал благополучно, остановился в гостинице «Лэнем» и очень ждет меня. Каждое слово в телеграмме — я очень хорошо помню ее — дышало отцовской любовью и заботой. Приехав в Лондон, я прямо с вокзала отправилась в гостиницу. Там мне сказали, что капитан Морстен действительно остановился у них, но что накануне вечером он ушел куда-то и до сих пор не возвращался. Весь день я ждала от него известий. Вечером по совету администратора гостиницы я обратилась в полицию. На следующий день во всех газетах появилось объявление об исчезновении моего отца, на которое мы не получили никакого ответа. С того самого дня и до сих пор я ни слова не слыхала о моем несчастном отце. Он вернулся в Англию, мечтая увидеть дочь, отдохнуть, пожить счастливой, спокойной жизнью, а вместо этого... — Мисс Морстен прижала руку к горлу, и сдвоенное рыдание оборвало на полуслове фразу.

— Когда это случилось? — спросил Холмс, открывая записную книжку.

— Мой отец исчез 3 декабря 1878 года, почти десять лет назад.

— А его вещи?

— Они остались в гостинице. В них не было ничего, что могло бы раскрыть тайну его исчезновения: одежда, книги, много редких вещей с Андамских островов. Отец служил офицером в части, несшей охрану тюрьмы.

— Были ли у него в Лондоне друзья?

— Я знала только одного — майора Шолто. Они служили вместе в тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку. Майор вышел в отставку, вернулся в Англию незадолго до приезда моего отца и поселился в Аппер-Норвуде. Мы, конечно, связались с ним, но он, оказывается, даже не слыхал о возвращении своего друга.

— Очень странное дело, — заметил Холмс.

— Но самое интересное впереди. Шесть лет назад, именно 4 мая 1882 года, в «Таймсе» появилось объявление о том, что разыскивается мисс Морстен, адрес просили в ее интересах сообщить в «Таймс». Я тогда только что поступила на место компаньонки к миссис Сесил Форрестер. Она посоветовала мне послать мой адрес в отдел объявлений. И в тот же день, как адрес появился в газете, я получила по почте посылку — небольшую картонную коробочку. В ней оказалась очень крупная и красивая жемчужина, но никакой даже самой маленькой записки, объясняющей, от кого подарок, в посылке не было. И с тех пор каждый год в один и тот же день я получала по почте такую коробку с точно таким жемчугом без всякого указания, кто отправитель. Я показывала жемчуг ювелиру, и он сказал, что это редкий и дорогой сорт. Вы и сами сейчас увидите, как он красив.

Мисс Морстен открыла плоскую коробочку: там было шесть превосходных жемчужин, каких я никогда не видел.

— Очень интересно, — проговорил Шерлок Холмс. — А не произошло ли с вами еще чего-нибудь?

— Да, не далее как сегодня. Поэтому-то я и пришла к вам. Утром я получила вот это письмо. Прочитайте его.

— Спасибо, — сказал Холмс, беря письмо. — И конверт, пожалуйста. На штемпеле — Лондон, Юго-Запад, седьмое июля. Гм! В углу — отпечаток мужского большого пальца. Вероятно, почтальона. Бумага самого лучшего качества. Конверт — шесть пенсов за пачку. Человек со вкусом, по крайней мере в этом отношении. Обратного адреса нет. «Будьте сегодня вечером у третьей колонны, слева у входа в театр «Лицеум». Если вы боитесь, возьмите с собой двоих друзей. С вами поступили несправедливо. Это должно быть исправлено. Полиции не сообщайте. Если вмешается полиция, все рухнет. Ваш доброжелатель». Н-да, действительно! Отличная, превосходнейшая загадка! Что вы собираетесь делать, мисс Морстен?

— Это как раз я и хотела у вас спросить.

— Тогда, конечно, сегодня вечером мы едем куда указано в письме. Вы, я и, конечно, доктор Уотсон. Он самый подходящий для этого человек. Ваш незнакомый доброжелатель пишет, чтобы вы привели с собой двоих друзей. А мы с Уотсоном уже не раз работали вместе.

— А доктор Уотсон согласится пойти? — спросила мисс Морстен, и я услышал в ее голосе чуть ли не мольбу.

— Почту за честь и особое счастье, — сказал я горячо, — если смогу быть вам полезен!

— Вы оба так добры ко мне, — ответила мисс Морстен. — Я живу очень уединенно, у меня нет друзей, на чью помощь я могла бы рассчитывать. Так я приду к вам к шести. Это не будет поздно?

— Только не опаздывайте, — ответил Холмс. — У меня к вам еще один вопрос. Скажите, это письмо написано тем же почерком, что и адрес на коробках с жемчужинами?

— Они у меня с собой, — ответила мисс Морстен, вынимая из сумочки несколько листов оберточной бумаги.

— Вы идеальный клиент. У вас хорошая интуиция. Ну посмотрим.

Он разложил листы на столе и стал внимательно разглядывать один за другим.

— Почерк везде, кроме письма, изменен, — сказал он вскоре. — Но никакого сомнения: все адреса и письмо написаны одним человеком. Смотрите: «е» везде одинаково, обратите также внимание, как изогнуто конечное «s». И там и здесь видна одна рука. Я не хотел бы заронить в вас ложную надежду, но скажите, мисс Морстен, нет ли сходства между этим почерком и рукой вашего отца?

— Никакого.

— Я так и думал. Так, значит, мы ждем вас в шесть. Позвольте мне оставить у себя все эти бумаги. Я еще подумаю о вашем деле. Время у нас есть. Сейчас только половина четвертого. До свидания.

— До свидания, — ответила наша гостья и, спрятав коробочку с жемчужинами за корсаж и взглянув на нас обоих добрыми, ясными глазами, ушла. Стоя у окна, я смотрел, как она удалялась легким, быстрым шагом, пока серая шляпка и белое перышко не затерялись в серой толпе.

— Какая очаровательная девушка! — воскликнул я, повернувшись к моему другу.

Холмс опять разжег свою трубку и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Очаровательная? — переспросил он апатично. — Я не заметил.

— Нет, Холмс, вы не человек, вы арифмометр! — воскликнул я. — Вы иногда просто поражаете меня!

Холмс мягко улыбнулся:

— Самое главное — не допускать, чтобы личные качества человека влияли на ваши выводы. Клиент для меня — некоторое данное, один из компонентов проблемы. Эмоции враждебны чистому мышлению. Поверьте, самая очаровательная женщина, какую я когда-либо видел, была повешена за убийство своих троих детей. Она отравила их, чтобы получить деньги по страховому полису. А самую отталкивающую наружность среди моих знакомых имел один филантроп, истративший почти четверть миллиона на лондонских бедняков.

— Но на сей раз...

— Я никогда не делаю исключений. Исключения опровергают правило. Послушайте, Уотсон, вам когда-нибудь приходилось заниматься изучением характера по почерку? Что вы можете сказать об этом?

— Почерк разборчивый и правильный, — ответил я, — по-видимому, принадлежит человеку деловому и с сильным характером.

Холмс покачал головой.

— Посмотрите на высокие буквы, — сказал он. — Они едва выступают над строчкой: «d» можно принять за «a», а «l» — за «e». Человек с сильным характером может писать очень неразборчиво, но высокие буквы у него действительно высокие. Наш корреспондент букву «k» везде пишет по-разному, а заглавные буквы таковы, что можно предположить в его характере амбицию. Ну, ладно, я ухожу. Мне надо навести кое-какие справки. Рекомендую почитать в мое отсутствие эту книгу — замечательное произведение. «Мученичество человека» Уинвуда Рида. Я вернусь через час.

Я сидел возле окна с книгой в руках, но мысли мои были далеко от смелых рассуждений автора. Я вспоминал нашу недавнюю посетительницу — ее улыбку, красивый грудной голос. Необъяснимая тайна омрачила ее жизнь. Ей было семнадцать лет, когда исчез ее отец, значит, сейчас ей двадцать семь — прекрасный возраст, когда робкая застенчивость юности уже прошла и жизнь уже немного остудила голову. Так я сидел и размышлял, пока мои мысли не приняли столь опасное направление, что я поспешил за письменный стол и яростно набросился на только что появившийся курс патологии. Как я мог, простой армейский хирург с простреленной ногой и тощим кошельком, как осмелился мечтать о подобных вещах? Она была неким данным, одним из компонентов проблемы — ничего больше. Если будущее мое черно, то лучше думать о нем с холодным спокойствием, как подобает мужчине, а не расцветивать его пустой игрой воображения.

Глава III В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Холмс возвратился в половине шестого. Он был оживлен, весел и бодр — так обычно сменялись его приступы черной меланхолии.

— В этом деле нет ничего загадочного, — сказал он, беря из моих рук чашку чаю, которую я ему налил. — Факты, по-видимому, допускают только одно объяснение.

— Вы уже нашли разгадку?!

— Ну, это еще рано утверждать. Пока я нашел одну чрезвычайно важную деталь. Она позволяет предположить многое, но многое еще предстоит и выяснить. Я только что обнаружил, просмотрев подшивку «Таймса», что майор Шолто из Аппер-Норвуда, служивший в тридцать четвертом Бомбейском пехотном полку, умер 28 апреля 1882 года.

— Вы, вероятно, Холмс, сочтете меня тупицей, но я не вижу в этом ничего особенного.

— Не видите? Вы поражаете меня, Уотсон. Ну, ладно, посмотрим на дело с другой стороны. Итак, капитан Морстен исчез. Единственный человек в Лондоне, кого он мог навестить, — майор Шолто. Но майор Шолто сказал, что о приезде Морстена в Англию ничего не слышал. А через четыре года майор умирает. Проходит неделя после его смерти, и дочка капитана Морстена получает ценный подарок. Через год еще один, потом еще. И так несколько лет подряд, пока не приходит письмо, где сказано, что с ней поступили несправедливо. Это, безусловно, намека на исчезновение ее отца. Зачем бы наследники Шолто стали посылать ей драгоценные подарки, если бы они не знали какой-то тайны и если бы не хотели за что-то вознаградить мисс Морстен? Можете ли вы как-нибудь по-другому объяснить и связать воедино все эти факты?

— Но какое странное вознаграждение! И в какой странной форме оно предложено! Почему он прислал свое письмо сейчас, а не шесть лет назад? Кроме того, в письме говорится, что несправедливость должна быть заглажена. Какая несправедливость? Ведь не может же быть, что отец ее жив. Значит, он имеет в виду что-то другое.

— Да, в этой истории есть еще темные места, — задумчиво проговорил Холмс. — Но наша сегодняшняя поездка все объяснит. А вот и мисс Морстен. Слышите, подъехал кеб. Вы готовы? Тогда идемте. Уже седьмой час.

Я взял шляпу и свою самую толстую трость. Холмс, я заметил, достал из ящика письменного стола револьвер и сунул его в карман. Было ясно, что нашу ночную поездку он считает делом серьезным.

На мисс Морстен был темный плащ, ее милое лицо было бледно, но спокойно. Она не была бы представительницей слабого пола, если бы наше странное путешествие не вызвало у нее тревоги, но самообладание ее было поразительно, и она охотно отвечала на вопросы Шерлока Холмса.

— Майор Шолто был очень близкий друг моего отца. В своих письмах отец неизменно упоминал о майоре. Они вместе служили офицерами в охранных войсках на Андаманских островах и, таким образом, много времени проводили вместе. Между прочим, в письменном столе отца был найден один очень странный документ. Никто не мог понять, что это такое. Я не знаю, имеет ли он к этой истории отношение, но на всякий случай захватила его с собой. Может быть, вам будет интересно взглянуть на него. Вот он.

Холмс развернул сложенный в несколько раз лист бумаги и осторожно разглядел его у себя на коленях. Затем с помощью лупы он стал очень тщательно рассматривать его.

— Бумага сделана в Индии, — сказал он. — Какое-то время лист был приколот кнопками к доске. На нем набросан план одного крыла какого-то большого дома с многочисленными комнатами, коридорами и переходами. В одном месте красными чернилами поставлен крестик, над ним полуистершаяся надпись карандашом «3,37 слева». В левом углу странный иероглиф, похожий на четыре написанных в ряд креста, перекладыны которых сопри-

касаются, за ним грубым, размашистым почерком стоит: «Знак четырех — Джонатан Смолл, Мохаммед Сингх, Абдулла Хан, Дост Акбар». Не понимаю, какое это может иметь отношение к вашей истории? Однако, по-видимому, это важный документ. Его заботливо хранили в записной книжке, так как обе его стороны чистые.

— Мы и нашли его в записной книжке.

— Не потеряйте его, мисс Морстен. Может быть, он еще нам пригодится. Я начинаю думать, что это дело более сложное и запутанное, чем мне показалось сначала. Я должен заново все обдумать.

Холмс откинулся на спинку сиденья, по его сдвинутым бровям и отсутствующему взгляду я понял, что он напряженно думает. Мы с мисс Морстен говорили вполголоса о нашем путешествии и о том, чем оно может кончиться, а наш спутник всю дорогу хранил непроницаемое молчание.

Был сентябрьский вечер, около семи часов. С самого утра стояла отвратительная погода. И сейчас огромный город окутывала плотная пелена тумана, то и дело переходящего в дождь. Мрачные, грязного цвета тучи низко нависли над грязными улицами. Фонари на Стрэнде расплывались дымными желтыми пятнами, отбрасывая на мокрый тротуар поблескивающие круги. Освещенные окна магазинов бросали через улицу, полную пешеходов, полосы слабого, неверного сияния, в котором, как белые облака, клубился туман. В бесконечной процессии лиц, проплывавших сквозь узкие коридоры света — лиц печальных и радостных, угрюмых и веселых, — мне почудилось что-то жуткое, будто двигалась толпа привидений. Как весь род человеческий, они возникали из мрака и снова погружались во мрак. Я человек невпечатлительный, но этот унылый, тягостный вечер и наше странное путешествие повлияли на нервы, и мне стало не по себе. Я видел, что и мисс Морстен испытывает то же. Один Холмс, казалось, не замечал ничего. Он держал на коленях открытую записную книжку и время от времени заносил туда какие-то цифры и заметки при свете карманного фонарика.

У боковых входов театра «Лицеум» толпилось уже много народу, к главному входу нескончаемым потоком подъезжали двуколки и кареты, из которых выходили мужчины с белой накрахмаленной грудью и женщины, закутанные в шали и сверкающие бриллиантами. Едва мы достигли третьей колонны — назначенного места встречи, как от нее отделился низенький, смуглый, вертлявый человек в одежде кучера и подошел к нам.

— Вы вместе с мисс Морстен? — спросил он.

— Я мисс Морстен, а эти джентльмены — мои друзья.

Незнакомец посмотрел на нас очень внимательным, пронизывающим насковзь взглядом.

— Простите меня, мисс, — сказал он настойчиво, но я прошу вас дать слово, что никто из ваших друзей не служит в полиции.

— Даю вам слово, — спокойно ответила мисс Морстен.

Человек пронзительно свистнул, и какой-то уличный мальчишка подвел к нам стоявший на той стороне кеб и отворил дверцу. Наш собеседник вскочил на козлы, мы сели внутрь. Возница взмахнул вожжами, и кеб с бешеной скоростью покатил сквозь туман.

Ситуация была несколько необычной. Мы ехали неизвестно куда и неизвестно зачем. Или вся эта история была мистификацией, чьей-то шуткой, чего не было никаких оснований предполагать, или, что было более похоже на истину, нам предстояло узнать что-то очень важное. Мисс Морстен держала себя по обыкновению спокойно и сдержанно. Я пытался

ободрить ее рассказами о своих приключениях в Афганистане, но, сказать по правде, меня самого так взволновала эта поездка и так разбирало любопытство, что мои истории были, пожалуй, несколько путанны. Мисс Морстен и по сей день утверждает, что я рассказал ей тогда занятный случай, как однажды глубокой ночью ко мне в палатку заглянул мушкет и я дуплетом уложил его из двуствольного тигренка. Сперва я еще мог уследить, куда мы едем, но очень скоро благодаря быстроте, с которой мы мчались, туману, а также моему плохому знанию Лондона я перестал ориентироваться и мог сказать только, что мы едем уже очень давно. Шерлок Холмс, однако, не терял направления и то и дело шепотом называл площади и улицы, по которым мы проносились.

— Рочестер-роуд, — говорил он. — А вот и Винсент-сквер. Выезжаем на Воксхолл-бридж-роуд. Очевидно, мы едем в Суррей. Да, пожалуй, что туда. Проезжаем мост. Смотрите, в проемах блестит вода.

И в самом деле, внизу блеснула темная вода Темзы, в которой отражались зажженные фонари, но вот кеб уже на другом берегу, мчится по запутанному лабиринту узких, извилистых улочек.

— Уондсуэрт-роуд, — говорит Холмс. — Прайори-роуд, Ларкхолл-лейн, Стокуэлл-плейс, Роберт-стрит, Коулд-харбор-лейн. А цель нашего путешествия лежит, кажется, не в фешенебельной части города.

Мы действительно проезжали через один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона. Слева и справа тянулись ряды унылых кирпичных домов, однообразие которых нарушали только ярко освещенные трактиры непрезентабельного вида на углах улиц. Затем пошли двухэтажные виллы с миниатюрными садиками перед домом, затем снова бесконечные ряды новых безвкусных кирпичных зданий — чудовищные щупальца, которые протягивает во все стороны город-гигант.

Наконец кеб остановился у третьего дома совсем новой улицы. Ни один из соседних домов не был обитаем. Тот, у которого мы остановились, был такой же темный, как и соседние, не считая светлого окошка в кухне. Мы постучали, нам тотчас открыл слуга-индус в желтом тюрбане и белом свободном платье, подпоясанном желтым кушаком. Было странно видеть эту экзотическую фигуру в дверях третьеразрядного лондонского загородного дома.

— Сагиб ждет вас, — сказал он, и в тот же миг из внутренних комнат слышался тонкий, пронзительный голос:

— Проведите их ко мне. Немедленно проведите их ко мне!

Глава IV ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА С ЛЫСИНОЙ

Мы последовали за индусом по скудно освещенному и почти пустому мрачному коридору. У двери справа он остановился и распахнул ее настежь. В глаза нам ударил яркий желтый свет. Посреди комнаты стоял маленький человечек с вытянутой головой. Блестящую лысину, торчащую, как голая вершина горы в окружении сосен, обрамляли рыжие волосы. Он стоял, потирая руки, черты его лица находились в постоянном движении: он то улыбался, то хмурился, ни на минуту не оставаясь в покое. Природа наделила его отвислой нижней губой и выдающимся желтыми и неровными зубами, которые он безуспешно пытался прикрыть, то и дело поглаживая рукой

нижнюю часть лица. Несмотря на столь заметную лысину, он производил впечатление молодого человека. Ему и было в действительности около тридцати лет.

— К вашим услугам, мисс Морстен, — повторял он тонким, высоким голосом. — К вашим услугам, господа. Прошу вас, входите в кабинет затворника. Как видите, мисс, мой кабинет мал, но зато я все в нем устроил по собственному вкусу. Оазис искусства среди мерзости запустения Южного Лондона.

Мы были поражены видом комнаты, куда он нас приглашал. В этом мрачном доме она походила на бриллиант чистой воды в медной оправе: на окнах — шелковые занавеси, гобелены, картины в тяжелых рамах, восточные вазы. Ковер на полу был в янтарных и черных тонах и такой толстый, пушистый и мягкий, что ноги утопали в нем по щиколотку, как во мху. Поверх ковра были брошены две большие тигровые шкуры, которые вместе с огромным каляном, стоящим в углу на подстилке, создавали в комнате ощущение восточной роскоши. На почти невидимой золотой проволоке в центре комнаты висела серебряная лампа в виде голубя. Она горела, наполняя комнату тонким, легким ароматом.

— Мистер Таддеуш Шолто, — проговорил маленький человечек, все так же дергаясь и улыбаясь. — Так меня зовут. Вы, конечно, мисс Морстен. А эти джентльмены...

— Мистер Шерлок Холмс и доктор Уотсон.

— Доктор, а! — воскликнул человечек, явно обрадованный. — А у вас есть с собой стетоскоп? Можно ли попросить вас об одном одолжении? Не будете ли вы столь любезны? У меня, видите ли, существует подозрение, что мой митральный клапан не в порядке. Насчет аорты я не беспокоюсь, но вот митральный клапан! Я бы хотел узнать ваше о нем мнение.

Я выслушал его сердце, но не нашел никаких отклонений от нормы, если не считать того, что человечек был чем-то до полусмерти напуган — его трясло с головы до ног.

— Митральный клапан в порядке, — сказал я. — У вас нет причин тревожиться.

— Вы должны извинить мне мою тревогу, мисс Морстен, — галантно сказал человечек. — Я великий страдалец. И я уже давно подозреваю — с моим митральным клапаном что-то неладное. И счастлив слышать, что мои подозрения беспочвенны. Если бы, мисс Морстен, ваш отец шадил свое сердце, он был бы все еще жив.

Я чуть не дал ему пощечину, так разозлил он меня своим грубым и бесцеремонным прикосновением к столь деликатному предмету. Мисс Морстен села, лицо ее побледнело так, что даже губы стали белыми.

— Я сердцем чувствовала, что моего отца нет в живых, — проговорила она.

— Я вам все-все объясню, — сказал человечек. — Больше того, я исправлю причиненную вам несправедливость. Я обязательно это сделаю, что бы ни говорил мой брат Бартоломью. Я очень рад видеть у себя ваших друзей не только как ваших телохранителей, но и как свидетелей всего, что я сегодня собираюсь сказать и сделать. Мы трое в состоянии оказать решительное сопротивление брату Бартоломью. Но пусть не будет свидетелей — ни полиции, ни понятых. Мы все хорошо уладим между собой, не вмешивая никого постороннего. Ничто так сильно не может рассердить брата Бартоломью, как

огласка, — сказал человек и сел на низкую софу, вопросительно прищурился на нас свои близорукие, водянистые голубые глаза.

— Что касается меня, — сказал Шерлок Холмс, — то готов вас заверить: все вами сказанное дальше меня не пойдет.

Я в знак согласия кивнул.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно! Позвольте предложить вам рюмку кьянти, мисс Морстен, или, быть может, токайского? Других вин я не держу. Прикажете открыть бутылку? Нет? Тогда, я надеюсь, вы не станете возражать, если я закурю? Вас не беспокоит табачный дым, легкий бальзамический аромат восточного табака? Я немного нервничаю, а мой кальян — несравненное успокаивающее средство.

Он приладил к большому сосуду трубку, и дым весело забулькал в розовой воде. Мы сидели полукругом, вытянув головы и уперев подбородки в ладони, а странный дергающийся человек с блестящей куполообразной лысиной сидел в центре и нервно курил кальян.

— Решив послать вам это приглашение, — сказал он наконец, — я мог бы, конечно, просто написать в письме мой адрес, но я побоялся, что вы оставите без внимания мою просьбу и пригласите с собой не тех людей. Поэтому я позволил себе назначить вам это свидание у театра с моим слугой Уильямом, которому полностью доверяю. Ему были даны инструкции, что, если он что-нибудь заподозрит, пусть едет домой один. Вы простите мне эту предосторожность, но я человек, склонный к уединению и, если можно так сказать, утонченный, а ничего более прозаического, чем полиция, нет. У меня инстинктивное отвращение ко всяким проявлениям грубого материализма. Я редко вступаю в соприкосновение с чернью. Как видите, я живу, окруженный самой изысканной обстановкой. Я могу назвать себя покровителем искусств. Это моя слабость. Пейзаж на стене — подлинный Коро, и если знаток мог бы, пожалуй, оспаривать подлинность вот этого Сальватора Роза, то насчет вон того Бугро не может быть и сомнения. Я поклонник современной французской школы.

— Простите меня, мистер Шолто, — сказала мисс Морстен, — я здесь по вашей просьбе, вы хотели что-то рассказать мне. Сейчас уже очень поздно, и мне бы хотелось, чтобы наш разговор был как можно короче.

— Но он все-таки займет у нас какое-то время, — ответил наш хозяин. — Ибо мы, без всякого сомнения, должны будем поехать в Норвуд к моему брату Бартоломию. Мы поедем все вместе и попытаемся одолеть его упрямство. Он очень сердит на меня за то, что я повел дело так, как считаю наиболее справедливым. Вчера вечером мы с ним сильно поспорили. Вы не представляете себе, каким ужасным бывает мой брат, когда сердится.

— Если нам предстоит ехать в Норвуд, так не лучше ли отправиться немедленно, — осмелился предложить я.

Человек рассмеялся так, что у него покраснели уши.

— Ну нет, это вряд ли получится! — воскликнул он. — Я не знаю, как мой брат воспримет ваш приезд. Поэтому я должен сперва приготовить вас, объяснить, в каких мы стоим отношениях друг к другу. Прежде всего я должен заметить, что в этой истории имеются моменты, которые для меня самого остаются тайной. Стало быть, я вам расскажу не все, а только то, что известно мне самому.

Мой отец, как вы уже догадались, — майор Джон Шолто, служивший некогда в Индии в колониальных войсках. Одиннадцать лет назад он подал в отставку, вернулся в Англию и поселился в усадьбе Пондишери-Лодж в Ап-

пер-Норвуде. В Индии он разбогател и вернулся домой с богатой коллекцией восточных редкостей и целым штатом туземных слуг. Таким образом, он смог купить себе дом и зажил, окруженный роскошью. Других детей, кроме меня и моего брата-близнеца Бартоломью, у него не было.

Я очень хорошо помню, какие чувства вызвало у нас исчезновение капитана Морстена. О том, что он исчез, мы узнали из газет, а так как капитан Морстен был другом нашего отца, мы с братом обсуждали происшествие в его присутствии. Он обычно присоединялся к нам и гадал, что же в действительности произошло. Мы ни на один миг не подозревали, что тайна исчезновения капитана похоронена в его груди, что из всех людей ему одному была известна судьба Артура Морстена.

Но мы, однако, знали, что какая-то тайна тяготеет над нашим отцом, какая-то несомненная опасность угрожает ему. Он очень боялся выходить один и в качестве привратников в Пондишери-Лодж всегда держал бывших профессиональных боксеров. Уильям, который привез вас сегодня, один из них. Он был когда-то чемпионом Англии в легкой весе. Наш отец никогда не говорил нам, чего он боится. Но из его поведения было ясно, что он смертельно боится людей на деревянной ноге. Однажды он выстрелил из пистолета в человека на деревяшке, который оказался всего-навсего безобидным торговцем; чтобы замять дело, отцу пришлось заплатить большие деньги. Мы с братом склонны были считать это простой причудой отца, но последующие события заставили нас изменить мнение.

В начале 1882 года мой отец получил из Индии письмо, которое как громом поразило его. Он чуть не лишился сознания, когда распечатал его утром за завтраком, и с того дня до самой смерти он так и не оправился. Что было в том письме, мы так никогда и не узнали, но, когда он держал его, я успел заметить, что это была скорее коротенькая записка, кое-как нацарапанная. Наш отец много лет страдал хронической нервной болезнью. Теперь же состояние его резко ухудшилось, он стал на глазах слабеть, и в конце апреля врачи предупредили нас, что надежды на выздоровление нет. Нас позвали к отцу, он хотел сказать нам свое последнее слово.

Когда мы вошли в комнату, отец сидел на постели в подушках и тяжело дышал. Он попросил нас запереть дверь на замок и подойти к его постели с обеих сторон. Взяв нас обоих за руки, он заговорил голосом, надломленным волнением и болью, и мы с братом услышали поразительное признание, которое я попытаюсь воспроизвести дословно.

«Есть только одно, — начал он, — что тяготит мою душу в эту торжественную минуту. Это несправедливость, которую я допустил по отношению к бедной сироте — дочери Морстена. Проклятая жадность, которая была неотступным пороком всю мою жизнь, лишила ее сокровищ, по крайней мере той их части, которая по справедливости принадлежит ей. Но и я сам ни на что не употребил их, так слепа и глупа алчность. Само чувство владения сокровищами так было приятно мне, что я не мог ни с кем поделить их. Видите жемчужные четки рядом с пузырьком хины? Даже с ними я не могу расстаться, хотя я и вынул их специально, чтобы послать ей. Вы, мои сыновья, должны будете отдать принадлежащую ей часть сокровищ Агры. Но ничего не отдавайте, даже эти четки, пока не закроете мне глаза. Ведь бывало, что человек стоит одной ногой в могиле и все-таки остается жив.

Я расскажу вам, как умер Морстен, — продолжал он. — Много лет он страдал болезнью сердца, но скрывал это от всех, кроме меня. В Индии мы с ним благодаря удивительному стечению обстоятельств стали обладателями

огромного богатства, которое я, выйдя в отставку, увез в Англию. Скоро вернулся в Англию и Морстен и в день возвращения явился ко мне за своей долей. Со станции он пришел в Пондишери-Лодж пешком, его выпустил мой преданный слуга старик Лал Човдар, которого уже нет в живых. У нас с Морстеном вышла ссора из-за того, как поделить сокровища. Морстен в приступе ярости вскочил со стула, лицо у него вдруг почернело, он прижал руку к сердцу, упал навзничь, ударившись головой об угол ларца, в котором хранились сокровища. Когда я нагнулся над ним, то, к ужасу своему, обнаружил, что он мертв.

Долгое время я оставался в растерянности, не зная, что делать. Первым моим побуждением было, конечно, позвать на помощь, но я понимал, что имеются все основания подозревать меня в убийстве. Смерть в момент ссоры, глубокая рана на голове — все это было против меня. К тому же официальное расследование неминуемо занялось бы сокровищами, а у меня были веские основания никого не посвящать в их тайну. Морстен сказал мне, что ни одна душа на свете не знает, куда он поехал. И я стал склоняться к мысли, что нет надобности, чтобы хоть одна душа узнала это.

Я все еще пребывал в полной растерянности, как вдруг, подняв голову, увидел в дверях моего слугу Лал Човдара. Он неслышно скользнул в комнату и запер за собой дверь.

— Не бойтесь, сагиб, — сказал он. — Никто не узнает, что вы убили его. Спрячем его подалше — и концы в воду.

— Но я не убивал! — запротестовал я.

— Я все слышал, — улыбаясь, покачал головой Лал Човдар. — Я слышал, как вы ссорились, слышал звук удара. Но на губах моих печать молчания. Все в доме спят. Давайте вместе унесем его.

И я решился. Если мой собственный слуга не верит мне, как можно рассчитывать, что в твою невиновность поверят двенадцать глупых торговцев в камере присяжных? В ту же ночь мы с Лал Човдаром спрятали тело, а через несколько дней все лондонские газеты были заполнены сообщениями о таинственном исчезновении капитана Морстена. Из того, что я рассказал вам, вы видите, что меня, в сущности, не в чем винить. Но я скрыл тело капитана, а сокровища, принадлежавшие нам обоим, стал считать с того дня своей нераздельной собственностью. Поэтому я хотел бы, чтобы вы, мои сыновья, восстановили справедливость. Наклонитесь ко мне поближе, к самым губам. Сокровища спрятаны... — В этот момент лицо его страшно исказилось, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он закричал голосом, которого я никогда не забуду: «Не пускайте его! Ради всего святого, не пускайте!» Мы оба взглянули в окно, куда был устремлен его взгляд. Из темноты на нас глядело лицо. Было хорошо виден побелевший нос, прижатый к стеклу. Лицо, налитое злобой, до бровей заросло бородой, глаза смотрели угрюмо и жестоко. Мы с братом бросились к окну, но лицо исчезло. Когда мы вернулись к изголовью отца, голова его поникла, пульс перестал биться.

В ту ночь мы обшарили весь сад, но никаких следов ночного вторжения не нашли, кроме отпечатка одной ноги на цветочной клумбе как раз под самым окном. Если бы не этот единственный след, мы могли бы подумать, что то дикое, полное злобы лицо — плод нашего воображения. Однако очень скоро мы обнаружили еще и другие, значительно более осязаемые признаки, что против нас действуют какие-то таинственные силы. Однажды утром окно в спальне моего отца оказалось распахнутым, шкафы и сундуки перерывы сверху донизу и на его письменном столе приколот обрывок бумаги, на

котором было нацарапано: «Знак четырех». Мы так и не узнали, кто был наш таинственный посетитель и что означают эти слова. Насколько мы могли судить, ничего из вещей отца не пропало, хотя все было перевернуто вверх дном. Вполне естественно, что это ночное посещение мы с братом связали с теми страхами, которые всю жизнь преследовали отца. Но кто это был, до сих пор остается полнейшей загадкой.

Человечек замолчал, раскурил погасший кальян и несколько секунд глупокомысленно пускал дым. Мы все с неослабным вниманием слушали его в высшей степени удивительное повествование. Во время короткого рассказа о смерти отца мисс Морстен побелела как мел, мне даже на миг показалось, что она упадет в обморок. Но, выпив воды, которую я налил из графина венецианского стекла, стоявшего в углу на маленьком столике, она поборол волнение. Шерлок Холмс с отсутствующим выражением лица сидел, откинувшись в кресле; из-под опущенных век было видно, как блестят его глаза. Я посмотрел на него и не мог не вспомнить, что только сегодня он горько жаловался на скуку и однообразие жизни. Теперь, по крайней мере, он получил проблему, разрешение которой потребует напряжения всех его удивительных способностей. Мистер Таддеуш Шолто поглядывал то на одного из нас, то на другого, явно гордясь впечатлением, которое произвел его рассказ. Попыхивая своей непомерно длинной трубкой, он продолжал:

— Мой брат и я, как вы можете догадаться, были весьма взволнованы рассказом отца о сокровищах. В течение нескольких месяцев мы перерыли весь сад метр за метром и ничего не нашли. Мысль, что отец умер в тот самый миг, когда с уст его были готовы сорваться слова, которые сделали бы нас обладателями несметных сокровищ, могла свести с ума. О размерах богатства мы судили по жемчужным четкам. Относительно этих четок у нас с братом возникло небольшое недоразумение. Жемчужины были, по всей видимости, очень дорогие, и он не желал с ними расставаться, унаследовав, между нами говоря, частично отцовскую слабость. Кроме того, он полагал, что если еще кто-нибудь узнает об этих четках, то пойдут всякие сплетни, и тогда нам не миновать беды. Мне удалось только убедить его разыскать адрес мисс Морстен и послать ей через определенное время жемчужины по одной, чтобы, по крайней мере, избавиться от нужды.

— У вас доброе сердце. — Мисс Морстен с признательностью посмотрела на рассказчика. — Это был великодушный поступок.

— Но ведь мы были все равно как ваши опекуны, — энергично замахал руками человечек. — Так, по крайней мере, считал я. Но брат Бартоломью никак с этим не соглашался. У нас было много денег. Я был доволен тем, что мы имели. Вести себя так низко по отношению к молодой девушке — это дурной тон. *Le mauvais gout mene au crime*¹. Как элегантно выражают французы подобные мысли! Наше расхождение зашло так далеко, что я предпочел поселиться отдельно. Так я и покинул Пондишери-Лодж, взяв с собой старого слугу-индуса и Уильяма. Но вчера я узнал, что произошло событие огромной важности: обнаружен тайник, где спрятаны сокровища. Я немедленно дал знать мисс Морстен, и теперь нам остается только отправиться в Норвуд и потребовать свою долю. Вчера вечером я сказал брату Бартоломью, что написал мисс Морстен. Так что незваными гостями мы не будем, хотя и желанными тоже.

¹ Дурной тон ведет к преступлению (*фр.*).

Мистер Шолто умолк, он сидел на своей роскошной софе и подергивался. А мы, не проронив ни слова, размышляли о том неожиданном обороте, который получило это таинственное дело. Первым вскочил на ноги Шерлок Холмс.

— Вы правильно вели себя, сэр, от начала до конца, — сказал он. — Мы постараемся приоткрыть завесу над всем темным, что есть в рассказанной вами истории, и этим отблагодарить вас. Но, как только что сказала мисс Морстен, уже поздно, и нам лучше всего взяться за дело без промедления.

Наш новый знакомый очень аккуратно отвернул трубку с кальяна и достал из-за занавески длинное пальто, отделанное тесьмой, с каракулевым воротником и манжетами. Он застегнулся сверху донизу на все пуговицы, хотя вечер был теплый, даже душный, и нахлобучил на голову кроличий треух, так что боковые клапаны плотно закрывали уши, оставив острую подвижную мордочку.

— Здоровье у меня хрупкое, — объяснил он нам, идя к выходу, — я вынужден соблюдать строгий режим.

Кеб ждал нас у ворот. Программа была, по-видимому, составлена заранее: не успели мы расположиться внутри, как лошади тронулись и помчались. Таддеуш Шолто трещал без умолку, его резкий высокий голос заглушал стук колес.

— Бартоломью — умная голова. Как, вы думаете, он отыскал ларец с сокровищами? Он пришел к выводу, что, раз ларца нет снаружи, он должен быть где-то в доме. И он перемерил все комнаты, все коридоры и чуланы, не оставив невымеренным ни дюйма. Оказалось, что высота всего дома семьдесят четыре фута, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и еще прибавить толщину перекрытий, которые он вымерил, просверлив сквозные отверстия, то окажется, что общая высота равна не более семидесяти футов. Значит, куда-то исчезли целых четыре фута. Было ясно, что их надо искать наверху. Тогда мой брат пробил дыру в потолке комнаты верхнего этажа, и там, как и следовало ожидать, оказался еще один крошечный чердак, который был замурован, и поэтому о нем никто не знал. Посередине чердака на стропилах стоял ларец с сокровищами. Согнувшись в три погибели, Бартоломью вытащил его через дыру и открыл. В нем оказалось драгоценностей на сумму не менее полумиллиона фунтов стерлингов.

Услышав такую цифру, мы все широко раскрыли глаза. Мисс Морстен, если нам удастся отстоять ее права, из бедной компаньонки превращалась в одну из самых богатых невест Англии. Без сомнения, всякий настоящий друг должен был бы обрадоваться, услышав такую новость. Но я, к своему стыду, должен сказать, что сердце мое налила свинцовая тяжесть. Я пробормотал, запинаясь, несколько поздравительных слов и мрачно устался в пол, не слушая дальнейших разглагольствований нашего нового знакомого. Он был типичнейший ипохондрик, и я как сквозь сон слушал бесконечное перечисление симптомов его болезней и нескончаемые молибы объяснить ему состав и действие многочисленных шарлатанских снадобий, которые он всюду возил с собой в кожаном футляре. Я уповаю только на то, что он не запомнил мои советы, которые я дал ему в тот вечер. Холмс утверждает, что он слышал, как я предупреждал его ни в коем случае не принимать более двух капель касторового масла, поскольку это очень опасно, и настоятельно советовал в качестве успокаивающего средства в больших дозах стрихнин. Как бы там ни

было, но я почувствовал облегчение, когда наш кеб рывком остановился, ку-чер спрыгнул с козел и открыл дверь.

— Это, мисс Морстен, и есть Пондишери-Лодж, — сказал мистер Таддеуш, подавая ей руку.

Глава V ТРАГЕДИЯ В ПОНДИШЕРИ-ЛОДЖ

Было около одиннадцати часов, когда мы достигли этого последнего этапа нашего ночного путешествия. Мы оставили позади сырой туман большого города, здесь же, в деревне, ночь была суха и тепла. С запада дул теплый ветерок, тяжелые тучи медленно ползли по небу, в разрывы иногда выглядывал месяц. Было довольно светло, но Таддеуш Шолто снял с кеба дорожный фонарь и пошел с ним вперед.

В глубине парка стоял дом, обнесенный очень высокой каменной стеной, верх которой был усыпан битым стеклом. Попасть внутрь можно было только через узкую, окованную железом дверь в стене. Наш спутник как-то по-особенному постучал, как иногда стучат почтальоны.

— Кто там? — спросил из-за двери грубый голос.

— Это я, Мак-Мурдо. Пора бы уже научиться узнавать мой стук.

Послышалось ворчание, затем звяканье и скрежет ключей, и дверь тяжело повернулась на петлях. На пороге стоял низкорослый, с могучей грудью человек, желтый огонь его фонаря освещал выдвинутое вперед лицо и недоверчиво блестящие глазки.

— Это вы, мистер Таддеуш? А это кто с вами? Я не получал никаких распоряжений от хозяина насчет ваших гостей.

— Никаких распоряжений! Вы меня поражаете, Мак-Мурдо! Я ж говорил моему брату вчера вечером, что со мной приедут мои друзья.

— Хозяин сегодня весь день не выходил из своей комнаты. Вы и сами очень хорошо знаете наши строгости. Вас я могу впустить, но ваши друзья — они пусть подождут вас снаружи.

Это было неожиданное препятствие. Таддеуш Шолто смотрел на стража растерянно и беспомощно.

— Это очень нехорошо с вашей стороны, Мак-Мурдо! — пролепетал он. — Я отвечаю за них, вам этого должно быть достаточно. С нами к тому же молодая девушка. Ей неприлично оставаться в такой час на проезжей дороге.

— Очень сожалею, мистер Таддеуш, — ответил неумолимый страж. — Гости могут быть вашими друзьями, но недругами моего хозяина. Мне хорошо платят, чтобы я хорошо исполнял свои обязанности. И я хорошо их исполняю. Я не знаю этих людей.

— Да нет же, Мак-Мурдо, знаете, — вдруг добродушно проговорил Шерлок Холмс. — Я не думаю, чтобы вы забыли меня. Помните любителя-боксера, с которым вы провели три раунда на ринге Алисона в день вашего бенефиса четыре года назад?

— Уж не мистера ли Шерлока Холмса я вижу?! — воскликнул боксер. — А ведь он самый и есть! Как это я сразу вас не узнал? Вы не стояли бы здесь таким тихоней, а нанесли бы мне ваш знаменитый встречный удар в челюсть, я бы тогда сразу узнал вас. Э-э, да что говорить! Вы из тех, кто зарывает таланты в землю. А то бы далеко пошли, если бы захотели!

— Видите, Уотсон, если моя профессия никому не будет больше нужна, у меня еще есть в запасе мои любительские таланты, — сказал, смеясь, Холмс. — Наш друг, я уверен, не станет дольше держать нас под открытым небом.

— Входите, входите, сэр, вы и ваши друзья, — отвечал привратник. — Очень сожалею о происшедшем, мистер Таддеуш, но порядок есть порядок. Я должен быть абсолютно уверен в ваших друзьях, чтобы впустить их в дом.

За каменной стеной через пустынный парк шла усыпанная гравием аллея. Дом был весь в тени, кроме одной стены, залитой лунным светом, наверху в ней поблескивало окно. От этого огромного мрачного дома, погруженного в тишину, становилось жутко. Даже привычному Таддеушу было не по себе: фонарь дрожал и поскрипывал в его руке.

— Ничего не понимаю, — бормотал он. — Здесь какая-то ошибка. Я же ясно объяснил Бартоломью, что сегодня вечером мы будем у него. А в его кабинете почему-то нет света. Не понимаю, что бы это могло значить?

— Он всегда так строго охраняет свой дом? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, это заведено еще моим отцом. Бартоломью был любимчиком, и мне иногда казалось, что отец рассказывает ему больше, чем мне. Вон, видите освещенное луной окно — это кабинет Бартоломью. Но в нем, по-моему, темно.

— Да, темно, — сказал Шерлок Холмс. — Но в маленьком окошке у входа как будто горит свет.

— А, это комната экономки. Миссис Берстон, наша старая экономка, там обычно проводит вечера. Она-то все и объяснит нам. Не согласитесь ли вы несколько минут подождать меня здесь? Если мы войдем все сразу, то миссис Берстон испугается, она ведь не ожидает нашего вторжения. Тсс, тише! Что это?

Он поднял дрожащей рукой фонарь, и вокруг нас запрыгало и закачалось пятно света. Мисс Морстен схватила меня за руку, мы все трое остановились с бьющимися сердцами, напрягая слух. От темной мрачной громады дома доносились сквозь ночную тишину скорбные, жалостные звуки — всхлипывания чем-то испуганной женщины.

— Это миссис Берстон, — сказал Шолто. — В доме только одна женщина. Подождите здесь. Я сейчас же вернусь.

Он подошел к двери и постучал своим особенным стуком. Его впустила высокая пожилая женщина, при виде его всплеснувшая от радости руками.

— О, мистер Таддеуш, я так рада, что вы пришли! Так рада, так рада! — услышали мы ее причитания, затем дверь затворилась, и голос ее замер в глубине дома.

Таддеуш Шолто оставил нам фонарь. Холмс медленно посветил фонарем по сторонам, затем пристально посмотрел на дом и на большие кучи земли, загромождавшие двор. Мы с мисс Морстен стояли совсем близко, и ее рука была в моей. Удивительная, непостижимая вещь любовь, вот мы стоим тут двое, мы никогда не встречались до этого дня, никогда не сказали друг другу ни одного ласкового слова, не смотрели ласково друг на друга, и вот сейчас в минуту опасности наши руки инстинктивно потянулись одна к другой. Я потом часто вспоминал с удивлением об этой минуте, но тогда мне все казалось естественным, и она потом часто говорила мне, что сразу же потянулась ко мне, уверенная, что найдет во мне утешение и защиту. Так мы стояли вдвоем

перед этим странным, мрачным домом, держась за руки, как дети, и наши сердца друг обьял покой.

— Какое странное место, — проговорила мисс Морстен, оглядываясь.

— Похоже, что над этим парком трудились все кроты Англии. Мне довелось видеть нечто подобное под Балларэтом. Но там весь холм был перекопан и изрыт золотоискателями.

— И здесь трудились золотоискатели, — заметил Холмс. — Вернее, искатели кладов. Не забывайте, хозяева этого дома шесть лет искали сокровища. Ничего удивительного, что парк похож на золотой прииск.

В этот миг входная дверь распахнулась, и с протянутыми вперед руками из дому выбежал Таддеуш Шолто, в глазах его стоял ужас.

— С Бартоломью что-то случилось! — воскликнул он. — Я так боюсь! Нервы мои не выдерживают.

Он действительно чуть не захлебывался слезами, и его дергающееся, бледное лицо, выступающее из каракулевого воротника, имело беспомощное, умоляющее выражение до смерти перепуганного ребенка.

— Идемте в дом, — решительно проговорил Холмс.

— Да, идемте, — умоляюще пролепетал Таддеуш Шолто. — Я, правда, совсем уже не понимаю, что теперь делать.

Мы последовали за ним в комнату экономки, которая находилась по левую руку от входа. В ней взад и вперед металась испуганная женщина, нервно теребя пальцы, но появление мисс Морстен подействовало на нее успокаивающе.

— Господь да благословит вас! — воскликнула она, подавляя рыдания. — Какое кроткое и доброе у вас лицо! Я гляжу на вас, и мне становится легче. Что я вынесла за этот день!

Мисс Морстен, погладив худую, загрубевшую от работы руку экономки, сказала ей несколько ласковых, утешительных слов с чисто женским участием, и бледные, бескровные щеки пожилой женщины слегка порозовели.

— Хозяин заперся у себя и не отвечает на стук, — объяснила она. — Я целый день ждала, когда он позовет меня. Но вообще-то он любит оставаться один. Час назад я начала тревожиться, уж не случилось ли чего, поднялась наверх и заглянула в замочную скважину. Вы должны сами подняться туда, мистер Таддеуш, и посмотреть. Десять лет я живу в этом доме, я видела мистера Бартоломью и в горе и в радости, но такого лица я не видела у него никогда.

Шерлок Холмс взял лампу и пошел наверх первый, так как у Таддеуша от страха зуб на зуб не попадал. Колени у него подгибались, и я взял его под руку, чтобы он смог подняться по лестнице. Дважды, пока мы шли наверх, Холмс вынимал из кармана лупу и тщательно разглядывал какие-то темные пятна на циновке из кокосового волокна, которые показались мне простой пылью. Он двигался очень медленно, лампу нес низко и бросал влево и вправо цепкие взгляды. Мисс Морстен осталась внизу с перепуганной экономкой.

Третий пролет вывел нас в длинный прямой коридор, на правой стене которого висел ручной работы индийский ковер. Слева в коридор выходили три двери. Холмс медленно пошел вперед, тщательно осматривая все на ходу, мы шли за ним по пятам, а за нами двигались вдоль коридора наши длинные черные тени. Нам нужна была третья дверь. Холмс постучал и, не получив ответа, попытался повернуть ручку и нажал на нее. Дверь оказалась запертой изнутри. Холмс поднес лампу к самому замку, и мы увидели, что

язык замка широкий и очень прочный. Ключ, однако, был повернут, и в скважине оставалась щелка. Шерлок Холмс наклонился к ней и тут же резко отпрянул.

— Что-то в этом есть дьявольское, Уотсон! — прошептал он. Я никогда раньше не видел его таким встревоженным. — Что вы об этом думаете?

Я нагнулся к скважине и содрогнулся от ужаса. В окно лился лунный свет, наполняя комнату слабым зыбким сиянием. Прямо на меня смотрело как бы висевшее в воздухе — так как все под ним было в тени — лицо нашего спутника Таддеуша. Та же высокая блестящая лысина, та же рыжая бахрома вокруг, то же бескровное лицо. Только черты его лица застыли в ужасной улыбке — напряженной и неестественной, которая в этой спокойной, залитой лунным светом комнате производила более страшное впечатление, чем гримаса боли или страха. Лицо было так похоже на лицо нашего крошечного приятеля, что я оглянулся, чтобы убедиться, что он здесь, рядом со мной. «Они ведь с братом близнецы», — вспомнил я.

— Какой ужас! Что теперь делать? — сказала я Шерлоку Холмсу.

— Нужно высадить дверь, — ответил он и, навалившись на нее всем телом, попытался взломать замок. Дверь трещала и скрипела, но не поддавалась. Тогда мы с силой навалились вдвоем, замок щелкнул, дверь распахнулась, и мы очутились в кабинете Бартоломью Шолто.

Кабинет был оборудован под химическую лабораторию. На полке, висевшей на стене против двери, стояли два ряда бутылей и пузырьков со стеклянными притертыми пробками, стол был уставлен бунзеновскими горелками, пробирками и колбами. По углам на полу стояли большие бутыли в корзинах, в которых держат кислоту. Одна из них, по-видимому, треснула или раскололась, так как из-под нее вытекала струйка какой-то темной жидкости, и комнату наполнял тяжелый, сладковатый запах, похожий на запах дегтя. В одном углу комнаты стояла стремянка, пол у ее основания был усыпан штукатуркой и дранкой, а верх упирался в потолок, рядом с отверстием, достаточно большим, чтобы в него мог пролезть человек. На полу рядом с лестницей был брошен моток толстой веревки.

Возле стола в деревянном кресле сидел в поникшей позе хозяин дома, наклонив голову к левому плечу и улыбаясь этой ужасной, непостижимой улыбкой. Он был холодный и уже ооченел. Он был мертв, по-видимому, уже несколько часов. Я обратил внимание, что не только его лицо было искажено гримасой, но руки и ноги были вывернуты и скручены самым невероятным образом. На столе рядом с его рукой лежало странное орудие — коричневая тонкая трость с каменным наконечником в виде молотка, грубо привязанным веревкой. Рядом с ней лежал вырванный из блокнота листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов. Холмс взглянул на него и протянул мне.

— Видите, — многозначительно подняв брови, сказал он.

В свете фонаря я прочитал, содрогнувшись от ужаса: «Знак четырех».

— Во имя всего святого, что все это значит?

— Это значит, что здесь было совершено убийство, — сказал Холмс, наклоняясь к ооченевшему трупу несчастного Бартоломью Шолто. — А, я так и ожидал. Смотрите! — И он указал на вонзившийся в кожу над ухом тонкий длинный темный шип.

— Походит на шип от какого-то растения, — заметил я.

— Это и есть шип. Можете вынуть его. Только осторожно, он отравлен.

Осторожно, двумя пальцами я вынул шип. Он поддался очень легко, не оставив на коже почти никакого следа. Место прокола обозначалось только маленьким пятнышком засохшей крови.

— Для меня все это непостижимая тайна, — признался я, — и чем дальше, тем загадочнее она становится.

— Для меня наоборот, — ответил Холмс, — дело с каждой минутой проясняется. Недостает только нескольких звеньев, чтобы восстановить ход событий.

Мы почти забыли о присутствии нашего спутника, попав в эту комнату. Он все еще стоял в дверях, ломая руки и издавая время от времени сдавленные стоны. Фигура его была олицетворением отчаяния. Вдруг из его груди вырвался безумный, полный отчаяния вопль.

— Сокровища исчезли! — вопил он. — Они ограбили его! Видите вон ту дыру? Мы вытащили ларец оттуда. Я помогал ему! Я последний, кто видел его живым! Я ушел отсюда вчера вечером и слышал, когда спускался по лестнице, как он запирает за мной дверь.

— В котором часу это было?

— В десять часов. И вот он мертв! Сюда позовут полицию. Подозрение падет на меня. Да, я уверен, что так и будет. Но вы не считаете меня виновным, господа? Вы, конечно, не можете думать, что это сделал я! Разве бы я привез вас сюда, если бы это я? О господи! О господи! Нет, я сойду с ума!

Он ломал руки, топал ногами, его трясло, как в лихорадке.

— Вам нечего бояться, мистер Шолто, — сказал Холмс, успокаивающе хлопывая его по плечу. — Послушайте меня и поезжайте в полицейский участок. Надо сообщить о случившемся. Обещайте оказать им всевозможную помощь. А мы вас здесь подождем.

Человечек повиновался, все еще полностью не придя в себя. И мы услышали, как он, спотыкаясь в темноте, спускается по лестнице.

Глава VI ШЕРЛОК ХОЛМС ДЕМОНСТРИРУЕТ СВОЙ МЕТОД

— Итак, Уотсон, — сказал Шерлок Холмс, потирая руки, — в нашем распоряжении полчаса. Давайте как можно лучше используем это время. Как я уже вам сказал, дело мне вполне ясно. Но все-таки мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидно фактам. Каким бы простым сначала ни показался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным.

— Простым! — в изумлении воскликнул я.

— Конечно, — ответил Холмс с видом профессора, демонстрирующего ученикам интересного больного. — Пожалуйста, сядьте в тот угол, чтобы ваши следы не осложнили дело. А теперь за работу. Во-первых, как эти молодцы проникли сюда и как выбрались наружу? Дверь со вчерашнего вечера не отпиралась. Как насчет окна? — Он поднес к окну лампу, высказывая вслух свои соображения, но обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Окно заперто изнутри. Рамы очень прочные. Давайте откроем его. Рядом никакой водосточной трубы. Крыша недосягаема. И все-таки человек проник в комнату через окно. Прошлую ночь шел небольшой дождь. Видите, на подоконнике земля; отпечаток ботинка и еще один странный круглый отпечаток. А

вот опять этот след. На этот раз на полу. А вот он уже на столе. Смотрите, Уотсон, картина вполне ясная.

Я стал рассматривать круглые бляшки земли на полу.

— Это след не от ноги, — сказал я.

— Поэтому он так и важен. Это отпечаток деревянного протеза. Видите, здесь на подоконнике след тяжелого, грубого башмака с широкой металлической подковой. А рядом круглый след деревяшки.

— Человек на деревянной ноге!

— Вот именно. Он здесь был не один. У него был очень способный и ловкий помощник. Вы могли бы, доктор, залезть по этой стене?

Я выглянул в открытое окно. Луна все еще освещала эту часть дома. Мы были на высоте добрых шестидесяти футов от земли, и, насколько я мог видеть, нигде в кирпичной кладке не было ни трещины, ни выемки, куда можно было поставить ногу.

— Это абсолютно невозможно, — ответил я.

— Да, одному невозможно. Но предположим, в комнате находится ваш сообщник, который выбросил вам надежную веревку, вон ту, что валяется в углу, привязав один ее конец к торчащему в стене крюку. Ну тогда, если вы человек ловкий, то и с деревянной ногой вы, пожалуй, смогли бы забраться по этой стене. Потом вы спустились бы вниз, ваш друг втащил бы веревку наверх, отвязал от крюка, запер окно на задвижку, а сам ушел из этой комнаты тем же путем, каким и вошел сюда. Деталь помельче, — продолжал Холмс, показывая на веревку, — хотя наш друг на деревяшке оказался отличным верхолазом, но он по профессии не моряк. Его руки не задубели от лазания по канатам. Моя лупа обнаружила в нескольких местах следы крови, особенно заметные на конце веревки. Значит, он спускался вниз так поспешно, что содрал кожу с рук.

— Очень хорошо, — сказал я, — но все дело не стало от этого ни на йоту понятнее. Кто этот таинственный помощник? Как он проник в эту комнату?

— Да, помощник, — повторил Холмс задумчиво. — Этот помощник — личность примечательная. Благодаря ему дело приобретает совершенно исключительную окраску. Я думаю, что оно впишет новую страницу в историю преступлений в Англии. Подобные случаи бывали раньше, но только в Индии и еще, если память не изменяет мне, в Сенегамбии.

— Но как же все-таки он проник в эту комнату? — повторил я. — Дверь заперта, окна снаружи недоступны. Может быть, через трубу?

— Каминное отверстие слишком мало, — ответил Холмс. — Я уже проверил эту возможность.

— Но как же тогда?

— Вы просто не хотите применить мой метод, — сказал он, качая головой. — Сколько раз я говорил вам, отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался. Нам известно, что он не мог попасть в комнату ни через дверь, ни через окна, ни через дымовой ход. Мы знаем также, что он не мог спрятаться в комнате, поскольку в ней прятаться негде. Как же тогда он проник сюда?

— Через крышу! — воскликнул я.

— Без сомнения. Он мог проникнуть в эту комнату только через крышу. Если вы будете добры посветить мне, мы продолжим наши поиски в тайнике, где был спрятан ларец с сокровищами.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года, — возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагнул из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принял за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

— Семь! — возразил я.

— Правда? А мне показалось, немного больше. Чутьочку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

— Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка — большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется до того смешотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока

вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Много.

— Как много?

— Ну, несколько сот раз.

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько ступенек? Понятия не имею!

— Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек — семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшейся на столе.

— Получена с последней почтой, — сказал он. — Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам пойдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о вас мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

— И в самом деле загадочно, — заметил я. — Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, — значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

— Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами, — сказал я, пытаясь подражать приемам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

— Необычайно — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «Е» и маленькое «g», затем «Р» и большое «G» с маленьким «t».

— Что вы можете из этого заключить? — спросил Холмс.

— Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «Ко». «Р», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Eg». Заглянем в географический справочник Европы... — Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. — Eglow, Eglonitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egria, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по стуку, парный экипаж... да, — продолжал он, выглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Может, мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла?¹ Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобится ваша помощь и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте..

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Кто-то громко и внятно постучал.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент. — Я сообщал, что приеду к вам. — Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо, не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Холмс. — Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, — человек чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

¹ Босуэлл, Джеймс (1740—1795) — биограф английского писателя, критика и лексикографа С. Джонсона (1709—1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

— Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

— Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется втайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово, — сказал Холмс.

— И я тоже.

— Простите, что я в маске, — продолжал странный посетитель. — Августейшее лицо, на службе которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

— Это я заметил, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

— Так я и думал, — пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого проникательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

— Если бы ваше величество сооблаговостили изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! Зачем скрывать?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мною Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

— Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! — сказал наш посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу. — Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

— Прошу вас, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверно, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... Ла Скала, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Проживает в Лондоне — совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

— Совершенно верно. Но каким образом...

— Вы тайно обвенчались с ней?

— Нет.

— Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

— Ничего.

— В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

— Но мой почерк...

— Пустяки! Почерк легко подделать.

— А почтовая бумага с моим именем?

— Украдена.

— Моя личная печать...

— Снова подделка.

— Моя фотография...

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.

— Я был без ума от нее.

— Да, фотография — это серьезно.

— Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.

— Она не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды пытались заманить ее в ловушку... Никаких результатов.

— Никаких следов?

— Абсолютно никаких.

Холмс усмехнулся:

— Любопытная задачка!

— Но для меня это очень серьезно! — с упреком возразил король.

— Еще бы! А для чего ей нужна фотография?

— Чтобы погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться...

— Об этом я слышал.

— ... на Клотильде Лотман фон Саксе-Менинген, второй дочери скандинавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого повела бы к разрыву.

— А Ирен Адлер?

— Она грозитя послать им фотографию. И она непременно это сделает! У нее железный характер. Да-да, лицо обаятельнейшей женщины, а душа — как у самого твердого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

— Вы уверены, что она еще не отослала фотографию?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда будет объявлено о помолвке. А это намечено на ближайший понедельник.

— О, у нас впереди целых три дня! — зевнул Холмс. — Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами. Вы, конечно, останетесь пока в Лондоне?

— Конечно. Меня можно найти в гостинице «Лэнгхэм». Я остановился под именем графа фон Крамма.

— Я дам вам знать, как подвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— А как насчет денег?

— Тратьте, сколько сочтете нужным.

— Без ограничений?

— Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

— Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?

— Да.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон, — добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. — Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересовало, как он поведет дело, ибо своеобразие случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг, — с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими

быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх — с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной, грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом взглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим каминном и несколько минут от души смеялся.

— Ну и потеха! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

— Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайени-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома — большая, хорошо обставленная гостиная, с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего интересного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозчичий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера неполам с элем, две щепотки табаку и вдолье сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях, живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

— Что же вы узнали об Ирен Адлер? — спросил я.

— Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайнские конюхи. Живет она тихо, выступает в концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла.¹ Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайнских конюшен и

¹ Иннер-Темпл — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле — здании, до 1313 года принадлежавшем ордену тамплиеров и получившем от этого свое название.

знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она — его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная, — едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатил двуколка, и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он — как дома.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджуэр-роуд. Полгинеи, если довезете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кеб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники, — сказал я, — и полсоверена, если довезете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался в чем дело.

Мой кеб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но когда мы прибыли на место, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава богу! — вскричал он. — Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девушки, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже, с одной стороны, меня благодарит джентльмен, с другой — леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

— Дело приняло неожиданный оборот, — сказал я. — Что же дальше?

— Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодые собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов», — сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разбежались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

— В чем оно заключается?

— Немного холодного мяса и стакан пива, — ответил Холмс, дергая колокольчик. — Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

— Ни в малейшей степени.

— И вас не пугает опасность ареста?

— Ради доброго дела я готов и на это.

— Великолепно!

— Я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Я должен кое-что обсудить с вами, — сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой. — Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайени-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

— И что дальше?

— Остальное предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний?

— Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проведут в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— Когда я подниму руку — вот так, вы бросите в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

— Вполне.

— Тут нет ничего опасного, — сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. — Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих концов капсулями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

— Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр¹. И дело не в том, что Холмс переменял костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайени-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал прогив ожидания оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянкой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело, — заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом. — Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию?

— Ума не приложу.

— Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Где же тогда она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по природе скрытны и сами хранят свои секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-нибудь другого? На себя она может положиться, а где гарантия, что какой-нибудь доверенный устоит пе-

¹ Хэйр, сэр Джон — английский актер второй половины XIX века.

ред политическим или иным влиянием? Кроме того, не забудьте, что она хотела пустить в ход фотографию в ближайшие дни. Для этого нужно иметь ее под рукой. Фотография у нее дома.

— Но взломщики два раза перерыли весь дом.

— Чепуха! Они не умеют искать.

— А как вы будете искать?

— Вообще не буду.

— А как же иначе?

— Она сама покажет, где фотография.

— Она откажется.

— Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точности выполняйте мои указания.

Из-за угла показались фонари кареты, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайени-Лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение дама, вышедшая из экипажа, оказалась посреди разгоряченных, дерущихся людей, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ней, вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую, зато подбежали несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, чтобы защитить даму и оказать помощь раненому. Ирен Адлер — я буду по-прежнему называть ее так — взбежала по ступенькам, но на площадке обернулась; на фоне освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер, — раздался голоса.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то. — Но он умрет, если везти его в больницу.

— Он храбрый малый! — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!

— Неужели оставить его на улице?.. Вы позволите перенести его в дом, сударыня?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиную, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить — значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов, — подумал я, — мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки — все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже слышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

— Вы это ловко проделали, доктор, — заметил Холмс. — Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Вы добыли фотографию?

— Нет, но я знаю, где она спрятана.

— А как вы это узнали?

— Она сама мне показала, как я и предсказывал.

— Я ничего не понимаю.

— А я не собираюсь делать из этого тайны, — сказал он, смеясь. — Все очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице — мои сообщники. Я нанял их на вечер.

— Догадался.

— В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

— Это я тоже понял.

— Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться — что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне — я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А чего вы этим добились?

— Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасать то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например, в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасать именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвигной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию — я даже увидел краешек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну а дальше? — спросил я.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же те читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я считал своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным и совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже, чем когда бы то ни было, осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показывало

лось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту, — и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов — «Болдвин», «Кавендиш» и «Бэгетель». Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе «Бэгетель». Он играл там также и до обеда. Его партнеры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого — в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек за-

перся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе дерна, отделявшей дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кебов. Однако выстрела никто не слышал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навывлет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн — убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все эти факты, пытаюсь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий, худой человек в темных очках, по-моему переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показали мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» — и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся, и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом № 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низкой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле него не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыв я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; под мышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

— Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? — спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

— Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дорожке, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я и был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

— Не стоит говорить о таких пустяках, — сказал я. — А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

— Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавочка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

— Дорогой мой Уотсон, — сказал хорошо знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — вскричал я. — Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из этой ужасной пропасти?

— Погодите минутку, — ответил он. — Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

— Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и ощупал его тонкую мускулистую руку.

— Нет, вы не дух, это несомненно, — сказал я. — Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил папиросу. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада — кучка седых волос и связка старых книг — лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

— Как приятно вытянуться, Уотсон! — сказал он. — Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах... Дело в том, что я хочу просить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не

лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

— Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

— Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

— Когда и куда вам угодно.

— Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы еще успеем немного закусить перед уходом... Ну а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

— Не были?

— Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда злобешая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы баритсу, которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал папиросой.

— Но следы! — вскричал я. — Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

— Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время прикончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осматривал скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме

того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка... Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг сверху мимо меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник — и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, — стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, не видимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять — третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побегал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека — моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам — и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и воз-

глас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба — мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхасу и провел несколько дней у далай-ламы. Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа в Хартуме... Отчет об этом визите был затем представлен мною министерству иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, — это чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека, которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

— Работа — лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон, — сказал он, — а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь.

Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

— Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра, — ответил он. — А пока что у нас и без того есть о чем поговорить, ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кибитке рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилося в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступно-

го мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего хорошего для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквер. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Бланд-форд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

— Знаете ли вы, где мы? — шепотом спросил он.

— Кажется, на Бейкер-стрит, — ответил я, глядя через мутное стекло.

— Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

— Но зачем мы пришли сюда?

— Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна впол-оборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точная копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

— Ну? — спросил он.

— Это просто невероятно! — прошептал я.

— Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее, — сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любящегося своим творением. — А ведь правда похож?

— Я готов был бы поклясться, что это вы.

— Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

— Но зачем вам понадобилось все это?

— У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

— Так вы думаете, что за квартирой следят?

— Я знаю, что за ней следят.

— Кто же?

— Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они — и только они — знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

— Но как вы догадались об этом?

— Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время искусный игрок на расческе. Он мало меня интересуется. Меня гораздо больше интересуется другой — тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы, — самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы — мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много; почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

— Фигура шевельнулась! — воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, stalkиваясь с проявлениями ума менее тонкого, чем его собственный.

— Разумеется, она шевельнулась, — сказал он. — Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден... Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царил безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре. В полном безмолвии я слышал дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре — шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и крадучись двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало бело-снежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не шелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежешущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с ка-

ким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним — изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на «собачку», и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

— Это вы, Лестрейд? — спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

— Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год — это многовато, Лестрейд. Но дело о тайне Молси вы вели не так уж... то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно...

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жесткие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

— Дьявол! — шептал он. — Хитрый дьявол!

— Итак, полковник, — сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник, — все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке¹. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием, — помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

— Дьявол, суший дьявол! — снова и снова повторял он.

— Я еще не представил вас, — сказал Холмс. — Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в на-

¹ «Все пути ведут к свиданью...» — строка из песенки шута в «Двенадцатой ночи» У. Шекспира (акт II, сц. 3. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1959. С. 144).

ших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ошетинились.

— Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника, — продолжал Холмс. — Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом — мое дерево, а вы — мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа, — он показал на нас, — мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

— Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз, — продолжал Холмс. — Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

— Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет, — сказал он, — я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

— Это, пожалуй, справедливо, — заметил Лестрейд. — Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

— Превосходное и единственное в своем роде оружие! — сказал он. — Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им, — сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям. — Это все?

— Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

— Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство Шерлока Холмса.

— О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию собственной вам проникаемости и смелости вы наконец поймали этого человека.

— Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

— Тот, кого безуспешно искала вся полиция, — полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго

этажа дома № 427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд... А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре — надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка с множеством трубок, даже персидская туфля с табаком — все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

— Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? — спросил Холмс.

— Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

— Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

— Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую — прошла через голову и сплюснулась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

— Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь... А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул серый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

— Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен, — сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. — Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

— Нет, никогда.

— Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Статьи, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель...

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М», — сказал он. — Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган — отравитель, и Мерридю, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз —

тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Чаринг-Кросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал:

«Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном Бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего английского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Охота на крупного зверя в Западных Гималаях» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервилский и карточный клуб «Бэгетель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

— Странно, — сказал я, возвращая Холмсу книгу. — Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы, — ответил Холмс. — До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

— Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

— Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко — лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были бы не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1887 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал что делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехали в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут, лежа в расщелине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить

его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и, так или иначе, он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже было бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку немедленно устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

— Нет, — ответил я. — Вы еще не объяснили мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

— Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

— Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

— Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег. Но Моран, без сомнения, играл нечисто — я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плурует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего, он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шулерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возвратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на

столе, он заперся на ключ... Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

— Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

— Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе, полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

ПОДРЯДЧИК ИЗ НОРВУДА

— С тех пор, как погиб профессор Мориарти, — сказал как-то за завтраком Шерлок Холмс, — Лондон для криминалистов потерял всякий интерес.

— Боюсь, мало кто из добропорядочных лондонцев согласится с вами, — засмеялся я.

— Да, конечно, нельзя думать только о себе, — улыбнулся мой друг, вставая из-за стола. — Общество довольно, всем хорошо, страдает лишь один Шерлок Холмс, который остался не у дел. Когда этот человек был жив, утренние газеты были источником неистошимых возможностей. Едва уловимый намек, случайная фраза — и мне было ясно: гений зла опять замышляет что-то; так, увидев дрогнувший край паутины, мгновенно представляешь себе хищного паука в ее центре. Мелкие кражи, необъяснимые убийства, кажущиеся бессмысленными нарушения закона — но, зная Мориарти, я видел за всем этим единый преступный замысел. В те дни для того, кто занимается изучением уголовного мира, ни одна столица Европы не представляла такого широкого поля деятельности, как Лондон. А сейчас... — И Холмс с шутивым негодованием пожал плечами, возмущаясь результатом своих собственных усилий.

Эпизод, который я хочу рассказать, произошел через несколько месяцев после возвращения Холмса. По его просьбе я продал свою практику в Кенсингтоне и поселился с ним на нашей старой квартире на Бейкер-стрит. Мою скромную практику купил молодой врач по имени Вернер. Он, не колеблясь, согласился на самую высокую цену, какую у меня хватило духу запросить, — объяснилось это обстоятельство через несколько лет, когда я узнал, что Вернер — дальний родственник Холмса и деньги ему дал не кто иной, как мой друг.

Те месяцы, что мы прожили вместе, вовсе не были так бедны событиями, как это представил сейчас Холмс. Пробегая свои дневники того времени, я нахожу там знаменитое дело о похищенных документах бывшего президента Мурильо и трагедию на борту голландского лайнера «Фрисланд», которая едва не стоила нам с Холмсом жизни. Но гордой, замкнутой душе моего друга претили восторги толпы, и он взял с меня клятву никогда больше не писать ни о нем самом, ни о его методе, ни о его успехах. Запрещение это, как я уже говорил, было снято с меня совсем недавно.

Высказав свой необычный протест, Шерлок Холмс удобно уселся в кресло, взял газету и только что принялся неспешно ее разворачивать, как вдруг раздался резкий звонок и сильные глухие удары, как будто в дверь барабанили кулаком. Потом кто-то шумно ворвался в прихожую, взбежал по лестни-

це, и в нашей гостиной очутился бледный, взлохмаченный, задыхающийся молодой человек с лихорадочно горящими глазами.

— Простите меня, мистер Холмс, — с трудом выговорил он. — Ради бога не сердитесь... Я совсем потерял голову. Мистер Холмс, я — несчастный Джон Гектор Макфарлейн.

Он почему-то был уверен, что это имя объяснит нам и цель его визита и его странный вид, но по вопросительному выражению на лице моего друга я понял, что для него оно значит ничуть не больше, чем для меня.

— Возьмите сигарету, мистер Макфарлейн, — сказал Холмс, подвигая ему свой портсигар. — Мой друг доктор Уотсон, видя ваше состояние, предложил бы вам что-нибудь успокаивающее. Какая жара стоит все это время! Ну вот, а теперь, если вы немножко пришли в себя, садитесь, пожалуйста, на этот стул и рассказывайте спокойно и не торопясь, кто вы и что привело вас сюда. Вы назвали свое имя так, будто я должен его знать, но, уверяю вас, кроме тех очевидных фактов, что вы масон, адвокат, холосты и что у вас астма, мне больше ничего не известно.

Я был знаком с методами моего друга и потому, взглянув повнимательнее на молодого человека, отметил и небрежность одежды, и пачку деловых бумаг, и брелок на цепочке от часов, и затрудненное дыхание — словом, все, что помогло Холмсу сделать свои выводы. Но наш посетитель был поражен.

— Да, мистер Холмс, вы совершенно правы, к этому можно только добавить, что нет сейчас в Лондоне человека несчастнее меня. Ради всего святого, мистер Холмс, помогите мне! Если они придут за мной, а я не кончу рассказывать, попросите их подождать. Я хочу, чтобы вы узнали все от меня. Я пойду в тюрьму со спокойной душой, если вы согласитесь помочь мне.

— Вы пойдете в тюрьму! — воскликнул Холмс. — Да это просто замечательно ужасно. Какое обвинение вам предъявляют?

— Убийство мистера Джонаса Олдейкра из Лоуэр-Норвуда.

На лице моего друга отразилось сочувствие, смешанное, как мне показалось, с удовольствием.

— Подумать только! — заговорил он. — Ведь всего несколько минут назад я жаловался доктору Уотсону, что сенсационные происшествия исчезли со страниц наших газет.

Наш гость протянул дрожащую руку к «Дейли телеграф», так и оставшейся лежать на коленях Холмса.

— Если бы вы успели развернуть газету, сэр, вам не пришлось бы спрашивать, зачем я к вам пришел. Мне кажется, что сейчас все только и говорят обо мне и о моем несчастье. — Он показал нам первую страницу. — Вот. С вашего позволения, мистер Холмс, я прочту. Слушайте: «Загадочное происшествие в Лоуэр-Норвуде. Исчез местный подрядчик. Подозревается убийство и поджог. Преступник оставил следы». Они уже идут по этим следам, мистер Холмс, и я знаю, они скоро будут здесь! За мной следили с самого вокзала. Они, конечно, ждут только ордера на арест. Мама не переживет этого, не переживет! — Он в отчаянии ломал руки, раскачиваясь на стуле.

Я с интересом разглядывал человека, которого обвиняли в таком страшном преступлении: лет ему было около двадцати семи, светло-русые волосы, славное лицо с мягкими, будто смазанными чертами, ни усов, ни бороды, испуганные голубые глаза, слабый детский рот; судя по костюму и манерам — джентльмен, из кармана летнего пальто торчит пачка документов, подсказавших Холмсу его профессию...

— Воспользуемся оставшимся у нас временем, — сказал Холмс. — Уотсон, прочтите, пожалуйста, статью.

Под броским заголовком, который прочитал нам Макфарлейн, было напечатано следующее интригующее сообщение:

«Сегодня ночью, точнее, рано утром, в Лоуэр-Норвуде случилось происшествие, которое наводит на мысль о преступлении. Мистер Джонас Олдейкр хорошо известен в округе, где он в течение многих лет брал подряды на строительство. Мистер Джонас Олдейкр — холостяк, пятидесяти двух лет, его усадьбы Дип-Дин-хаус в районе Сайденхема и неподалеку от Сайденхем-роуд. По словам соседей, он человек со странностями, скрытный и необщительный. Несколько лет назад он оставил дело, на котором нажил немалое состояние. Однако небольшой склад стройматериалов у него остался. И вот вчера вечером, около двенадцати часов, в пожарную охрану сообщили, что за его домом во дворе загорелся один из штабелей с досками. Пожарные немедленно выехали, но пламя с такой яростью пожирало сухое дерево, что погасить огонь было невозможно, и штабель сгорел дотла. С первого взгляда могло показаться, что происшествие это ничем не примечательно, но скоро выяснились обстоятельства, указывающие на преступление. Всех поразило отсутствие на месте происшествия владельца склада, — его стали искать, но нигде не нашли. Когда вошли к нему в комнату, то увидели, что постель не смята, сейф раскрыт, по полу разбросаны какие-то документы, всюду следы борьбы, слабые пятна крови и наконец в углу дубовая трость, рукоятка которой тоже испачкана кровью. Известно, что вечером у мистера Джонаса Олдейкра был гость, которого он принимал в спальне. Есть доказательства, что найденная трость принадлежит этому гостю, которым является Джон Гектор Макфарлейн-младший, компаньон лондонской юридической конторы «Грэм и Макфарлейн», 426. Грешембилдинг, Восточно-центральный район. По мнению полиции, данные, которыми она располагает, не оставляют сомнений в мотивах, толкнувших его на преступление. Мы уверены, что в самом скором времени сможем сообщить нашим читателям новые подробности.

Более позднее сообщение. — Ходят слухи, что мистер Джон Гектор Макфарлейн уже арестован по обвинению в убийстве мистера Джонаса Олдейкра. Достоверно известно, что приказ об его аресте подписан. Следствие получило новые улики, подтверждающие самые худшие предположения. Кроме следов борьбы, в спальне несчастного обнаружено, что, во-первых, выходящая во двор стеклянная дверь спальни оказалась открытой, во-вторых, через двор к штабелю тянется след от протасенного волоком тяжелого предмета и, наконец, в-третьих, в золе были обнаружены обуглившиеся кости. Полиция пришла к заключению, что мы имеем дело с чудовищным преступлением: убийца нанес жертве смертельный удар в спальне, вынул из сейфа бумагу, оттащил труп к штабелю и, чтобы скрыть следы, поджег его. Следствие поручено опытному специалисту Скотленд-Ярда инспектору Лестрейду, который взялся за расследование со свойственной ему энергией и проникательностью».

Шерлок Холмс слушал отчет об этих необычайных событиях, закрыв глаза и соединив кончики пальцев.

— Случай, несомненно, интересный, — наконец задумчиво проговорил он. — Но позвольте спросить вас, мистер Макфарлейн, почему вы до сих пор разгуливаете на свободе, хотя оснований для вашего ареста как будто вполне достаточно?

— Я с родителями живу в Торрингтон-лодж, это в Блэкхите, мистер Холмс, но вчера мы кончили дела с мистером Олдейкром очень поздно. Я

остался ночевать в Норвуде, в гостинице, и на работу поехал оттуда. О случившемся я узнал только в поезде, когда прочел заметку, которую вы сейчас услышали. Я сразу понял, какая ужасная опасность мне грозит, и поспешил к вам рассказать обо всем. Я насколько не сомневаюсь, что, приди я вместо этого в свою контору в Сити или возвратись вчера домой, меня бы уже давно арестовали. От вокзала Лондон-бридж за мной шел какой-то человек, и я уверен... Господи, что это?

Раздался требовательный звонок, вслед за которым на лестнице послышались тяжелые шаги, дверь гостиной открылась, и на пороге появился наш старый друг Лестрейд в сопровождении полицейских.

— Мистер Джон Гектор Макфарлейн! — сказал инспектор Лестрейд.

Наш несчастный посетитель встал. Лицо его побелело до синевы.

— Вы арестованы за преднамеренное убийство мистера Джонаса Олдейкра.

Макфарлейн в отчаянии обернулся к нам и снова опустился на стул, как будто ноги отказывались держать его.

— Подождите, Лестрейд, — сказал Холмс, — позвольте этому джентльмену досказать нам то, что ему известно об этом в высшей степени любопытном происшествии. Полчаса дела не меняют. Мне кажется, это поможет нам распутать дело.

— Ну, распутать его будет нетрудно, — отрезал Лестрейд.

— И все-таки, если вы не возражаете, мне было бы очень интересно выслушать мистера Макфарлейна.

— Что ж, мистер Холмс, мне трудно вам отказать. Вы оказали полиции две-три услуги, и Скотленд-Ярд перед вами в долгу. Но я останусь с моим подопечным и предупреждаю, что все его показания будут использованы обвинением.

— Именно этого я и хочу, — отозвался наш гость. — Выслушайте правду и выникните в нее, — больше мне ничего не нужно.

Лестрейд взглянул на часы.

— Даю вам тридцать минут.

— Прежде всего я хочу сказать, — начал Макфарлейн, — что до вчерашнего дня я не был знаком с мистером Джонасом Олдейкром. Однако имя его я слышал — его знали мои родители, но уже много лет не виделись с ним. Поэтому я очень удивился, когда вчера часа в три дня он появился в моей конторе в Сити. А услышав о цели его визита, я удивился еще больше. Он принес несколько вырванных из блокнота страничек с кое-как набросанными пометками и положил их мне на стол. Вот они. «Это мое завещание, — сказал он, — прошу вас, мистер Макфарлейн, оформите его как положено. Я посижу здесь и подожду». Я сел переписывать завещание и вдруг увидел — представьте себе мое изумление, — что почти все свое состояние он оставляет мне! Я поднял на него глаза, — этот странный, похожий на хорька человек с белыми ресницами наблюдал за мной с усмешкой. Не веря собственным глазам, я дочитал завещание, и тогда он рассказал мне, что семьи у него нет, родных никого не осталось, что в юности он был дружен с моими родителями, а обо мне всегда слышал самые похвальные отзывы и уверен, что его деньги достанутся достойному человеку. Я, конечно, стал его смущенно благодарить. Завещание было составлено и подписано в присутствии моего клерка. Вот оно, на голубой бумаге, а эти бумажки, как я уже говорил, — черновики. После этого мистер Олдейкр сказал, что у него дома есть еще бумаги — подряды, документы на установление права собственности, закладные, акции, и он хочет, чтобы я их посмотрел. Он сказал, что не успокоится до тех пор, пока все не

будет улажено, и попросил меня приехать к нему домой в Норвуд вечером, захватив завещание, чтобы скорее покончить с формальностями. «Помните, мой мальчик: ни слова вашим родителям, пока дело не кончено. Пусть это будет для них нашим маленьким сюрпризом», — настойчиво твердил он и даже взял с меня клятву молчать. Вы понимаете, мистер Холмс, я не мог ему ни в чем отказать. Этот человек был мой благодетель, и я, естественно, хотел самым добросовестным образом выполнить все его просьбы. Я послал домой телеграмму, что у меня важное дело и когда я вернусь, неизвестно. Мистер Олдейкр сказал, что угостит меня ужином, и просил прийти к девяти часам, потому что раньше он не успеет вернуться домой. Я долго искал его, и, когда позвонил у двери, было уже почти половина десятого. Мистер Олдейкр...

— Подождите! — прервал его Холмс. — Кто открыл дверь?

— Пожилая женщина, наверное, его экономка.

— И она, я полагаю, спросила, кто вы, и вы ответили ей?

— Да.

— Продолжайте, пожалуйста.

Макфарлейн вытер влажный лоб и стал рассказывать дальше:

— Эта женщина провела меня в столовую; ужин — весьма скромный — был уже подан. После кофе мистер Джонас Олдейкр повел меня в спальню, где стоял тяжелый сейф. Он отпер его и извлек массу документов, которые мы стали разбирать. Кончили мы уже в двенадцатом часу. Он сказал, что не хочет будить экономку, и выпустил меня через дверь спальни, которая вела во двор и все время была открыта.

— Портъера была опущена? — спросил Холмс.

— Я не уверен, но, по-моему, только до половины. Да, вспомнил, он поднял ее, чтобы выпустить меня. Я не мог найти трости, но он сказал: «Не беда, мой мальчик, мы теперь, надеюсь, будем часто видеться с вами. Придете в следующий раз и заберете свою трость». Так я и ушел — сейф раскрыт, пачки документов на столе. Было уже поздно возвращаться в Блэкхит, поэтому я переночевал в гостинице «Анерли Армз». Вот, собственно, и все. А об этом страшном событии я узнал только в поезде.

— У вас есть еще вопросы, мистер Холмс? — осведомился Лестрейд. Слушавшая Макфарлейна, он два скептически поднял брови.

— Пока я не побывал в Блэкхите, нет.

— В Норвуде, хотели вы сказать, — поправил Лестрейд.

— Ну да, именно это я и хотел сказать, — улыбнулся своей загадочной улыбкой Холмс.

Хотя Лестрейд и не любил вспоминать это, но он не один и не два раза убедился на собственном опыте, что Холмс со своим острым, как лезвие бритвы, умом видит гораздо глубже, чем он, Лестрейд. И он подозрительно посмотрел на моего друга.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, мистер Холмс, — сказал он. — Что же, мистер Макфарлейн, вот мои констебли, кеб ждет внизу.

Несчастный молодой человек встал и, умоляюще посмотрев на нас, пошел из комнаты. Полицейские последовали за ним; Лестрейд остался.

Холмс взял со стола странички черновых набросков завещания и принялся с живейшим любопытством их изучать.

— Любопытный документ, Лестрейд, не правда ли? — Он протянул их инспектору.

Представитель власти озадаченно повертел их в руках и сказал:

— Я разобрал только первые строки, потом в середине второй страницы еще несколько и две строчки в конце. В этих местах почерк почти каллиграфический, все остальное написано скверно, а три слова вообще невозможно прочесть.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил Холмс.

— А вы что думаете?

— Думаю, что завешание было написано в поезде. Каллиграфические строки написаны на остановках, неразборчивые во время хода поезда, а совсем непонятные — когда вагон подскакивал на стрелках. Эксперт сразу определил бы, что завешание составлено в пригородном поезде, потому что только при подходе к большому городу стрелки следуют одна за другой так часто. Если считать, что он писал всю дорогу, можно заключить, что это был экспресс и что между Норвудом и вокзалом Лондон-бридж он останавливался всего один раз.

Лестрейд захохотал:

— Ну, мистер Холмс, для меня ваши теории чересчур мудрены. Какое все это имеет отношение к происшедшему?

— Самое прямое: подтверждает рассказ Макфарлейна, в частности, то, что Джонас Олдейкр составил свое завешание наспех. Вероятно, он занимался этим по дороге в Лондон. Не правда ли, любопытно — человек пишет столь важный документ в столь мало подходящей обстановке. Напрашивается вывод, что он не придавал ему большого значения. Именно так поступил бы человек, наперед знающий, что завешание никогда не вступит в силу.

— Как бы там ни было, он написал свой смертный приговор, — возразил Лестрейд.

— Вы так думаете?

— А вы разве нет?

— Может быть. Мне в этом деле еще не все ясно.

— Не ясно? Но ведь яснее и быть не может. Молодой человек неожиданно узнает, что в случае смерти некоего пожилого джентльмена он наследует состояние. И что он делает? Не говоря никому ни слова, он под каким-то предлогом отправляется в тот же вечер к своему клиенту, дожидается, пока экономка — единственный, кроме хозяина, обитатель дома — заснет, и, оставшись со своим благодетелем вдвоем, убивает его, сжигает труп в штабеле досок, а сам отправляется в местную гостиницу. Следы крови на полу и на рукоятке его трости почти не заметны. Возможно, он считает, что убил Олдейкра без кровопролития, и решает уничтожить труп, чтобы замести следы, которые, вероятно, с неизбежностью указывали на него. Это очевидно.

— В том-то и дело, милый Лестрейд, что уж слишком очевидно. Среди ваших замечательных качеств нет одного — воображения, но все-таки попробуйте на одну минуту представить себя на месте этого молодого человека и скажите: совершили бы вы убийство вечером того дня, когда узнали о завещании? Неужели вам не пришло бы в голову, что соседство этих двух событий опасно, что еще опаснее слуги, которые знают о вашем присутствии в доме. Ведь дверь-то ему открывала экономка! И наконец затратить столько усилий, чтобы уничтожить труп, и оставить в комнате трость, чтобы все знали, кто преступник! Согласитесь, Лестрейд, это маловероятно.

— Что касается трости, мистер Холмс, вам известно не хуже, чем мне: преступники часто волнуются и делают то, чего бы никогда не сделали в нормальном состоянии. Скорее всего он просто побоялся вернуться за тростью в

спальню. Попробуйте придумать версию, которая объясняла бы факты лучше, чем моя.

— Можно придумать сколько угодно, — пожал плечами Холмс. — Пожалуйста, вот вполне правдоподобный вариант. Дарю его как рабочую гипотезу. Какой-то бродяга идет мимо дома и видит благодаря поднятой портьере в спальне двоих. Поверенный уходит. Входит бродяга, замечает трость, хватается ее, убивает Олдейкра. И, устроив пожар с сожжением, исчезает.

— Зачем бродяге сжигать труп?

— А зачем Макфарлейну?

— Чтобы уничтожить улики.

— А бродяга хотел сделать вид, что вообще никакого убийства не было.

— Почему же бродяга ничего не взял?

— Потому что увидел, что бумаги не представляют никакой ценности.

Лестрейд покачал головой, хотя мне показалось, что вид у него стал чуть менее самоуверенный.

— Если вам угодно, мистер Холмс, ищите своего бродягу, а мы уж займемся Макфарлейном. Кто прав, покажет будущее. Но советую вам, мистер Холмс, обратить внимание на следующее обстоятельство: как удалось установить, не пропала ни одна бумага, а Макфарлейн — единственный человек на свете, кому не надо было ничего брать. Будучи законным наследником, он и так должен был все получить.

Этот довод как будто произвел на моего друга впечатление.

— Не могу отрицать, — сказал он, — что некоторые обстоятельства явно свидетельствуют в пользу вашей версии. Я только высказал мысль, что возможны и другие. Впрочем, как вы справедливо заметили, будущее покажет. До свидания. Если вы не возражаете, я сегодня буду в Норвуде, посмотрю, как подвигается дело.

Как только за инспектором закрылась дверь, мой друг вскочил с кресла и стал энергично собираться, как человек, которому предстоит любимая работа.

— Прежде всего, Уотсон, — говорил он, быстро надевая сюртук, — я, как и сказал, поеду в Блэкхит.

— Почему не в Норвуд?

— Потому что перед нами два в высшей степени странных эпизода, следующих немедленно один за другим. Полиция делает ошибку, сконцентрировав все внимание на втором эпизоде, по той причине, что он имеет вид преступления. Но логика требует иного подхода, это несомненно. Сначала нужно попытаться выяснить все, связанное с первым эпизодом, то есть с этим странным завещанием, которое было составлено так поспешно и на имя человека, который меньше всего этого ожидал. Может быть, оно даст ключ к пониманию второго эпизода. Нет, мой друг, вы мне вряд ли сможете сегодня помочь. Опасности ни малейшей, иначе я непременно попросил бы вас составить мне компанию. Надеюсь, вечером я смогу объявить вам, что мне удалось сделать что-то для этого несчастного молодого человека, который доверил мне свою судьбу.

Вернулся мой друг поздно вечером, и его потемневшее, расстроенное лицо яснее всяких слов сказало мне, что от утренних его надежд не осталось следа. С час он играл на скрипке, стараясь успокоиться. Наконец он отложил инструмент и принялся подробно излагать мне свои неудачи.

— Плохи дела, Уотсон, хуже не придумаешь. Перед Лестрейдом я старался не показать виду, но, честно говоря, я боюсь, что на этот раз он идет по верному пути, а не мы. Чутье тянет меня в одну сторону, факты — в другую. А англ-

лийские судьи — у меня есть все основания полагать — не достигли того интеллектуального уровня, чтобы предпочесть мои теории фактам Лестрейда.

— Вы ездили в Блэкхит?

— Да, Вотсон, ездил и узнал там, что покойный Олдейкр был негодяй, каких поискать. Отец Макфарлейна поехал разыскивать сына, дома была мать — маленькая седенькая старушка с голубыми глазками, вся трепещущая от страха и негодования. Она, конечно, не могла и на секунду допустить, что сын ее виноват. А вот по поводу судьбы Олдейкра она не выразила ни удивления, ни сожаления. Мало того, она говорила о нем в таких выражениях, что позиция Лестрейда стала еще крепче. Ведь если Макфарлейн знал ее отношение к Олдейкру, ничего удивительного, что он — возненавидел его и решился на убийство. «Это не человек, это злобная, хитрая обезьяна, — твердила она, — и он был всю жизнь такой, даже в юности». «Вы были знакомы с ним раньше?» — спросил я. «Да, я его хорошо знала! Он когда-то ухаживал за мной. Какое счастье, что я отказала ему и вышла замуж за человека честного и доброго, хотя и не такого состоятельного! Мы, мистер Холмс, были с Олдейкром помолвлены, и вдруг я однажды узнаю, что он — какой ужас! — открыл птичник и пустил туда кота. Его жестокость так поразила меня, что я немедленно отказала ему». Она порывлась в ящике бюро и протянула мне фотографию молодой женщины. Лицо было изрезано ножом. «Это я, — сказала она. Вот в каком виде прислал он мне мою фотографию вместе со своим проклятием в день моей свадьбы». «Но теперь, — возразил я, — он, как видно, простил вас: ведь все свое состояние он оставил вашему сыну». «Ни мне, ни моему сыну ничего не нужно от Джонаса Олдейкра, ни от живого, ни от мертвого! — вспыхнула она. — Есть бог на небесах, мистер Холмс. Он покарал дурного человека. И он докажет, когда будет на то его святая воля, что сын мой неповинен ни в чьей смерти!» Как я ни старался, ничего не мог найти в пользу нашей гипотезы. В конце концов я махнул рукой и поехал в Норвуд. Усадьба Дип-Дин-хаус — большое здание современного вида, из красного кирпича. Дом стоит в саду, перед крыльцом — обсаженный лавровыми кустами газон. Справа от дома и на значительном удалении от дороги — склад, где был пожар. Я набросал в записной книжке план, вот он. Эта застекленная дверь слева ведет в спальню Олдейкра, так что с улицы все видно, что в ней делается. Это, пожалуй, самое утешительное из всего, что мне сегодня удалось узнать. Лестрейда не было, всем управлял его помощник сержант. Его люди как раз перед моим появлением сделали драгоценную находку: роясь в золе на месте сгоревшего штабеля, они нашли, кроме обуглившихся костей, несколько почерневших металлических дисков. Внимательно изучив их, я убедился, что это — пуговицы от брюк. На одной мне даже удалось разобрать слово «Хаймс» — это имя портного, у которого шил Олдейкр. Затем я приступил к газону, — нет ли там следов, но суть стоит такая, что земля тверже камня. Кроме того, что сквозь живую изгородь из бирючины как раз против сгоревшего штабеля был проташен волоком человек или чем-то нагруженный мешок, ничего установить не удалось. Все это, конечно, подтверждает версию полиции. Я целый час ползал по дворику под палящим солнцем и все без толку. Потерпев фиаско во дворе, я пошел в спальню. Пятна крови оказались очень бледные, едва различимые, но свежие. Трости я не видел, ее уже увезли, но следы на ней тоже были слабые. Трость, безусловно, принадлежит нашему подопечному, он сам признает это. На ковре отпечатки подошв подрядчика и Макфарлейна, но никаких следов третьего лица, и это тоже оборачивается против нас. Словом, чаша весов склоняется все ниже в их пользу.

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Глава I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластинка шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, — ответил он. — А в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас слушаю.

— По-моему, — начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, — этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение, — сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету. — Я не могу не отметить, что, описыв-

вая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не Бог весть что, но все же любопытно, — сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. — Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства. — Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут

ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, — сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные явления атавизма» («Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, — с лукавой улыбкой сказал Холмс, — зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже мой! Ну конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него.

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице? Эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, — неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим словно клюв между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был как и подобает человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в паровой компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами.

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, — сказал Холмс. — А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс; так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот, перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слпок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить сам оригинал. Не считите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, — сказал он. — Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете крученые папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересуется его.

— Я полагаю, сэр, — начал он наконец, — что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считаю вас вторым по величине европейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Господин Бертильон пользуется большим авторитетом у людей с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о научном складе мышления, но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость, — ответил Холмс. — Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане лежит одна рукопись, — сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

— Рукопись очень древняя.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. — Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял рукопись и расправил ее на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я взглянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервелей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуе близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— *«Много есть свидетельств о собаке Баскервелей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервеля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, не сомневаясь в подлинности ее. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.*

Знайте же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Хьюго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам — что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервелей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды — а было это в Михайлов день — Хьюго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть ли не лишилась ума, слыша пение, крики и страшную брань, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервеля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что казался, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Хьюго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье; а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбегав вниз по лестнице в пириштвенный зал, он вскочил на стол, разметал флаги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их опуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто флагу вина. Потом, несколько одумавшись, они всею оравой, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу и что по следам ее неслись собаки. «Но я видел и нечто другое, — присовокупил он. — Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне Боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем воронья кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ощерившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней — два больших каменных столба, поставленных здесь еще с незапамятных времен. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая

кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знакомое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Библии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Хьюго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет.)»

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно — для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную четверо газету.

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня этого года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этой даты.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворией приятно знать, что потомок древнего рода, знававшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена — экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт — скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы присяжных не положили конец романтическому домыслу в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы познакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, — сказал Шерлок Холмс. — В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камнями и так старался услужить Папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. — Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, — начал доктор Мортимер, явно волнуясь. — Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обречь его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, потому что излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкланда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэра Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом мало-важном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. То же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому успел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

Глава III ЗАДАЧА

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки — верный признак проснувшегося интереса.

— Вы сами их видели?

— Точно так же, как вижу вас.

— И ничего об этом не сказали!

— А зачем?

— Неужели, кроме вас, их никто не видел?

— Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.

— На болотах, должно быть, много овчарок?

— Разумеется. Но это была не овчарка.

— Вы говорите, что следы очень большие?

— Огромные.

— Но к телу сэра Чарльза они не приближались?

— Нет.

— Какая тогда стояла погода?

— Сырая, холодная.

— Но дождя не было?

— Нет.

— А что представляет собой эта аллея?

— По бокам высокая живая изгородь из тесно сросшихся старых тисов.

Посередине — дорожка футов восьми в ширину.

— А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?

— Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.

— Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

— Да, и эта калитка ведет на болота.

— А других выходов туда нет?

— Нет.

— Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

— Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.

— Сэр Чарльз дошел туда?

— Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

— Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

— На траве следов обычно не видно.

— Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

— Да, на самом краю, ближе к калитке.

— Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

— Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

— Какой она вышины?

— Фута четыре.

— Значит, через нее можно перелезть?

— Да.

— А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

— Нет, ничего особенного.

— Боже мой! Неужели там не посмотрели?

— Нет, я сам смотрел.

— И ничего не нашли?

— Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять—десять.

— Почему вы так думаете?

— Потому что пепел дважды упал с его сигары.

— Превосходно! Вот такой помощник нам и нужен! Правда, Уотсон? Ну а следы?

— Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

— Ах, если б я сам там был! — воскликнул он. — Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий — это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

— Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того...

— Что же вы колеблетесь?

— Есть некая область, где бессилён самый проникающий и самый опытный сыщик.

— Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

— Я этого не говорю.

— Не «говорю», но «думаю»?

— С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

— Например?

— Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс, во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

— И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

— Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира, — сказал он. — Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который придет на вокзал Ватерлоо, — доктор Мортимер посмотрел на часы, — ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, — это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах, отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервильевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Хьюго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервилей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он извещил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервильи, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так, — сказал он наконец. — Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервилей. Правильно я вас понял?

— Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узкоместной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

— Если бы вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть — в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Советую вам, сэр, позвать кеб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одни сутки. Я буду весьма вам обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

— Да, об этом рассказывают трое.

— А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Уходите, Уотсон?

— Да, если я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой. Я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступить к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь. Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я отворил дверь в гостиную и перепугался — уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»? Дышать нечем!!

— Тогда отворите окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стэнфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Лышу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного. — Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени. — Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строевой — та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это — две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцать милях от них — принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия, и, может быть, разыграется еще раз с нашей помощью.

— Да, места дикие.

— Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...

— Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

— А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

— Оно не выходило у меня из головы весь день.

— И к чему вы пришли?

— Запутанная история.

— Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

— Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время дознания. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвым.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а по-видимому, все так и было, как я предполагаю, — то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на дознании, что сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается — звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду — как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истинного джентльмена.

— Сэр Генри Баскервиль, — представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый, — сказал баронет. — И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

— Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного наименования.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес — «Отель «Нортумберленд», сэру Генри Баскервилю» — был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояло: «Чаринг-Кросс» и время отправления — вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у знакомых, — сказал доктор. — Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

— Так вот, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервиль, — может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

— Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

— Какая история? — резко спросил сэр Генри. — Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам?

— Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не увидите отсюда, поверьте моему слову, — сказал Шерлок Холмс. — А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашняя «Таймс»?

— Вон там, в углу.

— Могу я вас побеспокоить? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. — Он быстро пробежал ее глазами. — «Свобода торговли... Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац: «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликнул Холмс, радостно потирая руки. — Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжелобольных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

**АРХИВ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА**

СИЯТЕЛЬНЫЙ КЛИЕНТ

— Теперь это никому не может повредить, — заметил Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за такое же количество лет попросил его согласия на публикацию нижеследующей истории. Так я наконец получил разрешение описать случай, который в определенном смысле был вершиной карьеры моего друга.

Мы с Холмсом оба питали слабость к турецким баням. Когда мы курили в предбаннике, пребывая в состоянии приятной расслабленности после парной, он становился менее сдержанным и более человечным, чем где-либо еще. На верхнем этаже дома на Нортумберленд-авеню есть уединенный уголок, где два дивана стоят бок о бок; именно там мы лежали 3 сентября 1902 года, в тот день, когда начинается мой рассказ. Я спросил Холмса, есть ли у него сейчас какое-нибудь интересное дело. Вместо ответа он вытянул из-под простыни свою длинную, худую и жилистую руку и достал конверт из внутреннего кармана сюртука, висевшего рядом с ним.

— Возможно, это написал какой-то взбалмошный глупец с непомерным самомнением, а может быть, речь идет о жизни и смерти, — сказал он и передал мне письмо. — Я знаю не больше, чем написано здесь.

Письмо, отправленное из клуба «Карлтон», было датировано вчерашним вечером. Вот что я прочитал:

«Сэр Джеймс Дэмери выражает мистеру Шерлоку Холмсу свое почтение и намеревается посетить его завтра в 16.30. Сэр Джеймс просит принять во внимание, что дело, о котором он хочет посоветоваться с мистером Холмсом, очень деликатное и чрезвычайно важное. Поэтому он надеется, что мистер Холмс приложит все усилия, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в клуб «Карлтон».

— Не стоит и говорить, что я дал согласие, Уотсон, — сказал Холмс, когда я вернул ему письмо. — Вам что-нибудь известно об этом Дэмери?

— Лишь то, что его имя хорошо известно в светском обществе.

— Я могу кое-что добавить к этому. Он пользуется репутацией человека, улаживающего шекотливые дела, которые не должны попадать в прессу. Возможно, вы помните его переговоры с Джорджем Льюисом о завещании Хаммерфорда. Он обладает богатым опытом и врожденными дипломатическими способностями. Надеюсь, это не ложный след и он действительно нуждается в нашей помощи.

— Нашей?

— Если вы будете так добры, Уотсон.

— Почту за честь.

— Тогда мы знаем время: половина пятого. До тех пор можно выкинуть это дело из головы.

Тогда я жил в собственной квартире на Куин-Энн-стрит, но явился на Бейкер-стрит до назначенного срока. Ровно в половине пятого нас известили о прибытии полковника Джеймса Дэмери. Его внешность вряд ли нуждается в описании: многие помнят этого дородного, добродушного и прямого человека с широким, чисто выбритым лицом и приятным звучным голосом. Серые ирландские глаза сэра Дэмери сияли искренностью, а в уголках подвижных губ играла жизнерадостная улыбка. Его сияющий цилиндр, темный сюртук и прочие детали туалета — от жемчужной булавки в черном шелковом галстуке до бледно-лиловых краг над лакированными туфлями, свидетельствовали о пристальном внимании к выбору одежды, которым он славился. Рослый и уверенный в себе аристократ сразу же занял господствующее положение в небольшой комнате.

— Разумеется, был готов встретить здесь доктора Уотсона, — с учтивым поклоном заметил он. — Его содействие может оказаться весьма полезным, мистер Холмс, потому что в данном случае мы имеем дело с человеком, который хорошо знаком с насилием и в буквальном смысле не остановится ни перед чем. Я бы сказал, что это самый опасный человек в Европе.

— У меня было несколько оппонентов, заслуживших этот лестный эпитет, — с улыбкой сказал Холмс. — Вы курите? Тогда, с вашего позволения, я закурю трубку. Если ваш преступник более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, то с ним действительно стоит познакомиться. Могу я узнать его имя?

— Вам приходилось слышать о бароне Грюнере?

— Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэмери со смехом всплеснул руками, затынутыми в лайковые перчатки.

— От вас ничего не скроешь, мистер Холмс! Замечательно! Итак, вы уже заклеили его как убийцу?

— В мои обязанности входит изучение подробностей преступной жизни на континенте. Любопытно, кто читал о том, что случилось в Праге, не может иметь никаких сомнений относительно виновности этого человека. Его спасла лишь чисто юридическая формальность и подозрительная гибель свидетеля! Я уверен, что он убил свою жену во время так называемого инцидента на Шплюгенском перевале, как если бы видел это собственными глазами. Кроме того, я знаю, что он приехал в Англию, и у меня было предчувствие, что рано или поздно он задаст мне работу. Итак, что замышляет барон Грюнер? Полагаю, речь не идет о той старой трагедии?

— Нет, здесь дело куда серьезнее. Важно наказывать преступников, но еще важнее предотвращать преступления. Это ужасно, мистер Холмс, видеть, как на твоих глазах готовится жестокий план и ясно понимать, какими будут последствия, и в то же время не иметь ни малейшей возможности изменить зловещий ход событий. Можно ли представить человека в более затруднительном положении?

— Наверное, нет.

— Тогда вы проявите сочувствие к клиенту, чьи интересы я представляю.

— До сих пор я не знал, что вы просто посредник. Кто же ваш доверитель?

— Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе на этот вопрос. Для меня очень важно заверить своего клиента, что его почтенное имя ни в коем случае не будет раскрыто. Его побуждения абсолютно чисты и благородны, но он предпочитает оставаться безымянным. Естественно, вам гарантировано вознаграждение, и вы получаете полную свободу действий. Разве при таких условиях вам необходимо знать настоящее имя вашего заказчика?

— Прошу прощения, — сказал Холмс. — Я привык иметь дело с загадками на одной стороне расследования, но загадка с обеих сторон слишком затрудняет дело. Боюсь, сэр Джеймс, мне придется отклонить ваше предложение.

Наш посетитель был очень расстроен. Его широкое, выразительное лицо омрачилось от сдерживаемого разочарования.

— Мистер Холмс, вы едва ли представляете, перед каким серьезным выбором я оказываюсь в результате вашего решения, — сказал он. — Я совершенно уверен, что вы с готовностью взяли бы за расследование, если бы я мог сообщить вам факты, но обещание не позволяет мне раскрыть их в полной мере. Могу я хотя бы изложить все, что имею право сказать?

— Несомненно, но при условии, что я не могу дать никаких обязательств.

— Это понятно. Вы, конечно, слышали о генерале де Мервиле?

— О герое Хайберского перевала¹? Да, я слышал о нем.

— У него есть дочь, Вайолет де Мервиль: молодая, богатая, красивая, с хорошим образованием — одним словом, настоящее чудо во всех отношениях. Именно эту славную и невинную девушку мы пытаемся вырвать из когтей злобного демона.

— Значит, барон Грюнер обладает некоей властью над ней?

— Самой сильной, когда речь идет о женщине, — властью любви. Возможно, вы слышали, что этот негодяй чрезвычайно обаятелен. Его учтивые манеры и вкрадчивый голос создают атмосферу романтической тайны, которая так много значит для женщин. Говорят, что он может соблазнить любую из них и без зазрения совести пользуется этим.

— Но как такой человек мог познакомиться с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, как мисс Вайолет де Мервиль?

— Это произошло во время круиза на яхте по Средиземному морю. Хотя там собралась компания из высшего света, каждый отдельно платил за проезд. Организаторы, несомненно, не догадывались об истинной натуре барона, а потом было уже слишком поздно. Злодей постоянно находился рядом с дамой и в конце концов совершенно покорил ее сердце. Она души в нем не чает, она буквально одержима любовью к нему. Кроме него, для нее больше ничего не существует. Она не хочет слышать о нем ни одного дурного слова. Были испробованы любые средства, чтобы излечить ее от этого безумия, но все оказалось тщетно. В итоге она собирается выйти за него замуж в следующем месяце. Поскольку она совершеннолетняя и воля у нее железная, то непонятно, как можно помешать этому.

— Она знает о трагедии, которая случилась в Австрии?

— Этот хитроумный дьявол поведал ей обо всех неприглядных публичных скандалах из своего прошлого, но всегда выставлял себя в роли невинной жертвы. Она полностью согласна с его версией событий и не будет слушать ничего иного.

— Боже мой! Но получается, что вы непреднамеренно выдали мне имя вашего клиента. Без сомнения, это генерал де Мервиль.

Наш гость поерзал на стуле.

— Я мог бы обмануть вас, мистер Холмс, и согласиться с вашей догадкой, но это было бы неправдой. Де Мервиль — сломленный человек. Этот сильный воин был совершенно деморализован последними событиями. Он утратил выдержку, никогда не изменявшую ему на поле боя, и превратился в слабого, дряхлого старика, абсолютно неспособного соперничать с таким блестящим и

¹ Хайберский перевал — проход в хребте Сафедкох (Спингар), у границы между Пакистаном и Афганистаном.

напористым мошенником, как этот австриец. Однако мой клиент — его старый друг, который в течение многих лет был близко знаком с генералом и проявлял отцовский интерес к его дочери с тех пор, как она носила детские платьица. Он считает своим долгом сделать все возможное, чтобы предотвратить трагедию. В деле нет обстоятельств, которые позволили бы привлечь Скотленд-Ярд к расследованию. Он сам предложил обратиться к вам, но, как я уже говорил, с особым условием, что это не будет иметь никакого отношения к его имени. Мистер Холмс, я не сомневаюсь, что ваши выдающиеся способности позволят вам без труда выследить его через меня. Но я взываю к вашей чести и прошу воздержаться от этого, чтобы не нарушить его инкогнито.

Холмс иронично улыбнулся.

— Думаю, я могу дать вам такое обещание, — сказал он. — Могу добавить, что ваша проблема представляет интерес для меня, и я готов разобраться в ней. Как мы будем держать связь с вами?

— Меня можно найти через клуб «Карлтон», но в экстренном случае звоните по частному номеру ХХ-31.

Холмс записал номер и сел, по-прежнему улыбаясь, с открытой записной книжкой на колене.

— Будьте добры, назовите нынешний адрес барона Грюнера, — попросил он.

— Вернон-Лодж, около Кингстона. Это изящный особняк. Барон преуспел в некоторых сомнительных махинациях и стал богатым человеком, что делает его еще более опасным противником.

— Он сейчас дома?

— Да.

— Вы можете сообщить какие-то дополнительные сведения о нем, кроме того, о чем уже рассказали?

— Он любит роскошь и увлекается лошадьми. Недолгое время он играл в поло в Хэрлингеме, но после того, как пражское дело получило огласку, ему пришлось отказаться от этого занятия. Он коллекционирует книги и картины. У него хороший художественный вкус. Насколько мне известно, он является признанным специалистом по китайской керамике и написал книгу на эту тему.

— Человек с многогранным умом, — сказал Холмс. — У всех великих преступников есть эта черта. Мой старый знакомый Чарли Пис виртуозно играл на скрипке, Уэйнрайт был неплохим художником. Я мог бы назвать и многих других. Итак, сэр Джемс, вы можете сообщить вашему клиенту, что я поразмыслил над делом барона Грюнера. Больше ничего сказать не могу. У меня есть собственные источники информации, и, смею надеяться, мы найдем некий способ разобраться с этой проблемой.

Когда наш посетитель ушел, Холмс так надолго погрузился в раздумье, что казалось, забыл о моем присутствии. Наконец он спустился с небес на землю.

— Ну, Уотсон, что вы думаете? — спросил он.

— Полагаю, вам стоит лично встретиться с девушкой.

— Дорогой Уотсон, если даже несчастный сломленный отец не смог тронуть ее душу, то на что может надеяться незнакомый человек вроде меня? Думаю, мы должны зайти с другой стороны, и здесь Шинуэлл Джонсон может помочь нам.

До сих пор у меня не было случая упомянуть о Шинуэлле Джонсоне в этих записках, так как я редко обращался к случаям, относившимся к позднему этапу карьеры моего друга. В первые годы нового века Джонсон стал его ценным помощником. Как ни прискорбно, сначала Джонсон получил известность как чрезвычайно опасный преступник, отсидевший два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся в своих злодеяниях и заключил союз с Холмсом, дейст-

вуя в качестве его агента в огромном преступном мире Лондона и добывая сведения, которые часто оказывались жизненно важными. Если бы Джонсон был полицейским «стукачом», его бы вскоре разоблачили, но, поскольку он разбирался с делами, никогда не доходившими до суда, у его знакомых не возникало никаких подозрений. С романтическим ореолом двух судимостей он мог свободно войти в любой ночной клуб, ночлежку или игорный дом в городе, а наблюдательность и деятельный ум делали его идеальным сборщиком информации. Неудивительно, что теперь Шерлок Холмс предложил обратиться к нему.

Я не имел возможности проследить за первыми шагами, предпринятыми моим другом, поскольку у меня были срочные профессиональные дела, но в тот вечер мы договорились встретиться в ресторане Симпсона. Там, сидя за столиком у окна и глядя на нескончаемый поток жизни на Стрэнде, он рассказал мне о некоторых последних событиях.

— Джонсон идет по следу, — сказал он. — Он соберет кое-какой мусор в темных уголках нижнего мира. Именно там, возле черных истоков преступлений, мы должны охотиться за секретами барона.

— Но если девушка не приемлет того, о чем уже известно, то почему вы думаете, что ваши новые находки заставят ее изменить свое мнение?

— Кто знает, Уотсон? Женское сердце и женский ум — неразрешимые загадки для мужчины. Женщина может оправдать и объяснить убийство, но какое-нибудь мелкое прегрешение будет невыносимым для нее. Барон Грюнер сказал мне...

— Вы разговаривали с ним!

— Честно говоря, Уотсон, я не раскрыл вам свои планы. Видите ли, я люблю встречаться с противником лицом к лицу. Мне нравится смотреть ему в глаза и самому понимать, из какого он теста. Когда я дал указания Джонсону, то проехался в кебе до Кингстона и застал барона в самом приветливом расположении духа.

— Он узнал вас?

— Ему не составило труда это сделать, потому что я просто вручил ему свою визитную карточку. Он превосходный противник: холодный как лед, с бархатистым убаюкивающим голосом, как у одного из ваших модных консультантов, но ядовитый как кобра. В нем чувствуется порода — настоящий преступный аристократ, небрежно предлагающий чашечку чая, за которой угадывается могильная яма. Да, я рад, что мне представилась возможность свести знакомство с бароном Адельбертом Грюнером.

— Вы сказали, что он был приветлив?

— Как мурлыкающий кот, который думает, что видит беззащитную мышь. Любезность некоторых людей более смертоносна, чем агрессия более грубых существ. Уже его приветствие говорило о многом. «Я так и думал, что рано или поздно встречу с вами, мистер Холмс, — сказал он. — Без сомнения, генерал де Мервиль обратился к вашим услугам, чтобы попытаться расторгнуть мой брак с его дочерью Вайолет. Это верно, не так ли?» Я согласился с ним. «Тогда, мой дорогой, вы всего лишь разрушите свою вполне заслуженную репутацию, — сказал он. — В этом деле у вас нет никакой возможности добиться успеха. Вы потратите силы впустую, не говоря о том, что подвергнете себя некоторой опасности. Позвольте дать вам настоятельный совет: лучше сразу же откажитесь от своих намерений». «Любопытно, — ответил я. — Дело в том, что я собирался дать вам именно такой совет. Я уважаю ваш интеллект, барон, и то малое, что я успел увидеть при личном знакомстве, не уменьшило этого уважения. Позвольте мне обратиться к вам как мужчина к мужчине. Никто не хочет копаться в вашем прошлом и причинять вам не-

нужные хлопоты. С прошлым покончено, и теперь вы находитесь в спокойных водах, но если вы будете настаивать на этом браке, то восстановите против себя целый сонм могущественных врагов, которые не отступят от своего, пока Англия не станет для вас слишком жарким местом. Стоит ли игра свеч? Конечно, будет разумнее оставить девушку в покое. Вряд ли вам будет приятно, если некоторые факты из вашего прошлого станут ей известны».

У барона под носом есть тонкие навощенные усы, похожие на усики насекомого. Пока он слушал, они подрагивали от удовольствия, и наконец он испустил легкий смешок

«Простите за смех, мистер Холмс, но действительно забавно видеть, как вы пытаетесь разыграть партию без единого козыря на руках. Не думаю, что кому-то это удалось бы лучше, чем вам, но тем не менее это выглядит патетично. Ни одной крупной карты, мистер Холмс, ничего, кроме жалкой мелочи».

«Это вы так думаете».

«Не думаю, а знаю. Разрешите внести ясность: у меня такая сильная масть, что я готов даже показать карты. Мне выпала удача добиться абсолютного расположения этой дамы несмотря на тот факт, что я очень подробно рассказал ей о всех несчастных случаях из моей былой жизни. Я также предупредил ее, что некоторые злонамеренные интриганы — надеюсь, вы узнаете себя — придут к ней и станут говорить об этих вещах, поэтому я сказал ей, как нужно с ними обращаться. Вы слышали о постгипнотической суггестии, мистер Холмс? Теперь вы можете увидеть ее в действии, поскольку человек с сильной волей может гипнотизировать других без вульгарных пассов и прочего шутовства. Так что она готова к встрече с вами и, несомненно, согласится побеседовать с вами. Она вполне покорна воле своего отца... за исключением одного незначительного обстоятельства».

Ну вот, Уотсон, говорить было больше не о чем, поэтому я откланялся ему с холодным достоинством, которое смог в себе найти. Но когда я взялся за ручку двери, он остановил меня.

«Кстати, мистер Холмс, — сказал он, — вы знали ле Брюна, французского тайного агента?»

«Да», — ответил я.

«Вам известно, что с ним случилось?»

«Я слышал, что какие-то бандиты жестоко избили его на Монмартре и он на всю жизнь остался калекой».

«Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, он сунул нос в мои дела лишь за неделю до этого происшествия. Не следуйте его примеру, мистер Холмс, это приносит несчастье. Некоторые имели возможность убедиться в этом. Вот мое последнее слово: идите своей дорогой и позвольте мне идти своей. Прощайте!»

Вот так, Уотсон. Теперь вы все знаете.

— Этот субъект кажется опасным.

— Несомненно. Я не обращаю внимания на пустые угрозы, но он из той породы людей, которые говорят меньше, чем собираются сделать.

— Стоит ли вам вмешиваться? Что может случиться, если он женится на этой девушке?

— Принимая во внимание, что он несомненно убил свою первую жену, можно ожидать самого худшего. Кроме того, подумайте о нашем клиенте! Ладно, ладно, не будем это обсуждать. Допивайте свой кофе и пойдемте со мной; наш славный Шинуэлл скоро явится с докладом.

Действительно, он уже ждал нас на квартире Холмса — громадный, грубый краснолицый человек с испорченными цингой зубами и живыми чер-

ными глазами, которые были единственным внешним признаком его незаурядного ума. Он только что побывал в своем мрачном царстве и вынес оттуда его *символ* в виде сидевшей рядом с ним на диване стройной рыжеволосой женщины с бледным напряженным лицом — еще молодым, но настолько замутненным грехами и горестями, что на нем можно было прочесть ужасные годы, оставившие эту неизгладимую печать.

— Это мисс Китти Уинтер, — сказал Шинуэлл Джонсон, представив ее мановением пухлой руки. — Чего она не знает... впрочем, она сама будет говорить за себя. Не прошло и часу после нашей встречи, мистер Холмс, как я нашел ее.

— Меня легко найти, — сказала молодая женщина. — Лондон, преисподняя, обращаться в любое время. Толстяк Шинуэлл проживает по тому же адресу. Мы с Толстяком старые знакомые. Но, спаси господи, если бы в мире существовала справедливость, то одному мерзавцу следовало бы угодить в более глубокую преисподнюю, чем нам! То человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся:

— Насколько я понимаю, мисс Уинтер, вы желаете мне успеха.

— Если я помогу упрятать его туда, где ему самое место, то я ваша до скончания дней! — со свирепой энергией выпалила наша гостья. Ее бледное, искаженное лицо с горящими глазами выражало такую ненависть, какую редко можно встретить у женщины и никогда у мужчин. — Вам не нужно ворошить мое прошлое, мистер Холмс. У меня больше нет прошлого, но Адельберт Грюнер сделал меня такой, как сейчас. Если бы я могла добраться до него! — Она яростно вскинула кулаки. — О, если бы я только могла столкнуть его в выгребную яму, куда он отправил многих из нас!

— Вы знаете, как обстоят дела?

— Толстяк Шинуэлл рассказал мне. Теперь он заполучил другую несчастную дурочку и хочет жениться на ней. Вы хотите остановить его. Конечно, вы достаточно много знаете об этом дьяволе, чтобы любая честная женщина в своем уме не захотела пойти с ним под венец.

— Она не в своем уме. Она безумно влюблена в него. Ей все рассказали о нем, но она осталась глуха к этому.

— Рассказали об убийстве?

— Да.

— Боже мой, ну и хладнокровная девица!

— Она считает, что все клеветают на него.

— Разве вы не можете представить доказательства этой глупышке?

— Вы могли бы помочь нам это сделать?

— Разве я сама не доказательство? Если я встану перед ней и расскажу, как он использовал меня...

— Вы это сделаете?

— Сделаю ли я? Еще бы!

— Тогда стоит попробовать. Но учтите, он раскрыл ей большую часть своих прегрешений и получил прощение. Насколько я понимаю, она не будет повторно обсуждать этот вопрос.

— Могу поклясться, что он не рассказал ей обо всем, — сказала мисс Уинтер. — Мне известно еще о двух убийствах, кроме того, которое наделало столько шума. Он говорил о ком-нибудь своим вкрадчивым голосом, потом заглядывал мне в глаза и добавлял: «Не прошло и месяца как он умер». И это была не пустая болтовня. Но я не обращала внимания — видите ли, в то время я любила его. Что бы он ни делал, мне было все равно — точно так же, как этой бедной дурочке. Лишь одна вещь потрясла меня. Да, о господи! Если бы не его лживый

ядовитый язык, объяснявший все на свете, я ушла бы от него в ту же ночь. Это была его книжка — в коричневой кожаной обложке с замочком и золотым обрезом. Думаю, в тот вечер он был слегка пьян, иначе не показал бы ее мне.

— Что это за книжка?

— Говорю вам, мистер Холмс, этот человек коллекционирует женщин, как другие коллекционируют бабочек или мотыльков. Он держал все сведения о своих жертвах в этой книжке. Моментальные фотографии, имена, подробности и так далее. Это была отвратительная книга; ни один человек, даже если бы он выбрался из сточной канавы, не смог бы составить такую. Но Адельберт Грюнер смог. Ее следовало бы назвать «Души, которые я погубил», если бы он захотел дать ей название. Но все впустую, потому что эта книжка не поможет вам, а если бы и помогла, вы не сможете достать ее.

— Где же она?

— Откуда мне знать, где она теперь? Прошло уже больше года с тех пор, как мы расстались. Тогда я знала, где он ее держит. Он по-своему скрупулезен и аккуратен, поэтому может быть, что она по-прежнему лежит в отделении для бумаг его старого письменного стола во внутреннем кабинете. Вы были у него дома?

— Я был в кабинете, — сказал Холмс.

— Вот как? Если вы приступили к работе только сегодня утром, то вас не назовешь медлительным. Может быть, дорогой Адельберт наконец встретился с достойным противником. Он принял вас в большом кабинете, где в большом застекленном буфете между окнами стоит китайская посуда. За его рабочим столом есть дверь, которая ведет во внутренний кабинет, где он хранит бумаги и другие вещи.

— Он не боится грабителей?

— Адельберт не трус. Даже его злейший враг не смог бы сказать о нем такое. Он может постоять за себя. Ночью работает сигнализация, а кроме того, что там есть для взломщиков, если только они не смогут унести всю эту чудную посуду?

— Нет смысла, — решительным тоном знатока вставил Шинуэлл. — Никакой скупщик краденого не позарится на товар, который нельзя быстро продать или переплавить.

— Совершенно верно, — ответил Холмс. — Итак, мисс Уинтер, если вы придете сюда завтра в пять вечера, я смогу рассмотреть ваше предложение о личной встрече с этой девушкой. Чрезвычайно признателен вам за содействие, не говоря о том, что мои клиенты смогут щедро...

— Не нужно, мистер Холмс! — воскликнула молодая женщина. — Я здесь не ради денег. Дайте мне увидеть, как он барахтается в грязи, и я получу достойную награду за мои труды — да, пусть он валяется в грязи, и я наступлю каблучком на его проклятое лицо! Вот моя цена. Я буду с вами завтра и в любой другой день, пока вы идете по его следам. Толстяк скажет, где меня можно найти.

Я не виделся с Холмсом до следующего вечера, когда мы снова поужинали в ресторане на Стрэнде. Он пожал плечами, когда я спросил, насколько успешной была беседа с мисс де Мервиль. Его рассказ, который приведен ниже, был изложен в жесткой и сухой манере, которую пришлось несколько смягчить для большего правдоподобия.

— Мне не составило труда договориться о встрече, — сказал Холмс. — Эта девушка упивается своей ролью послушной дочери во всех незначительных делах, чтобы оправдать главное прегрешение и выйти замуж. Генерал позвонил и сказал, что все готово, пламенная мисс У. пришла вовремя, и в половине пятого мы вышли из кеба возле дома 104 на Беркли-сквер, где живет старый вояка. Это один из тех мрачных лондонских замков, по сравнению с которыми даже цер-

ковь выглядит легкомысленно. Лакей проводил нас в большую гостиную с желтыми портъерами, где ожидала дама — сдержанная, бледная, серьезная и такая же непоколебимая и далекая, как снежная шапка на горной вершине. Даже не знаю, как мне описать ее, Уотсон. Возможно, вы встретитесь с ней до того, как с этим делом будет покончено, и тогда сможете воспользоваться своим даром красноречия. Она прекрасна, но это эфирная, неземная красота фанатика, чьи мысли сосредоточены на достижении высшей цели. Я видел такие лица на картинах средневековых художников. Не представляю, как этот негодяй мог наложить свои грязные лапы на подобное существо. Возможно, вы замечали, что противоположности притягиваются друг к другу — духовное начало к животному, пещерный человек к ангелу. Я не могу представить лучшего примера.

Разумеется, она знала цель нашего визита: этот злодей не терял времени и успел настроить ее против нас. Думаю, появление мисс Уинтер было неожиданностью для нее, но она указала нам на стулья жестом почтенной аббатисы, принимающей двух прокаженных попрошаек. Дорогой Уотсон, если вы склонны к высокомерию, я рекомендую вам пройти курс встреч с мисс Вайолет де Мервиль.

«Итак, сэр, ваше имя мне знакомо, — произнесла она таким же ледяным тоном, как ветерок с айсберга. — Насколько я понимаю, вы пришли с целью оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась на эту встречу лишь по просьбе моего отца и заранее предупреждаю вас, что любые ваши слова не произведут на меня ни малейшего впечатления».

Мне было жаль ее, Уотсон. В тот момент я думал о ней так же, как мог бы думать о собственной дочери. Я не склонен к красноречию; обычно я руководствуюсь своей головой, а не сердцем. Но я искренне обратился к ней с самыми теплыми словами, какие только смог найти. Я описал ей ужасное положение женщины, которая узнает подлинный облик мужчины лишь после того, как становится его женой, — женщины, которая вынуждена терпеть ласки обгаренных кровью рук и поцелуи развратных губ. Я не пощадил ее и рассказал обо всем: о стыде, страхе, отчаянии и безнадёжности. Но мои пылкие слова даже не заставили порозоветь ее щеки, словно вырезанные из слоновой кости, и не вызвали даже искры чувства в ее отрешенном взгляде. Я вспомнил, что говорил этот мерзавец о постгипнотической суггестии. Поистине казалось, что она пребывает высоко над землей в каком-то экстатическом сновидении. Однако в ее ответе не было ничего неопределенного.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — сказала она. — Как я и ожидала, ваши слова не произвели на меня ни малейшего впечатления. Я знаю, что мой жених Адельберт вел бурную жизнь и навлек на себя жгучую ненависть и самую несправедливую клевету. Вы лишь последний из многих людей, которые пытаются очернить его передо мной. Возможно, вы руководствуетесь лучшими побуждениями, хотя мне известно, что вы наемный сыщик, который в равной мере готов защищать интересы барона или действовать против него. Я хочу, чтобы вы раз и навсегда поняли: я люблю его, он любит меня, а мнение всего мира для меня значит не больше, чем щебет птиц за окном. Если его благородная душа хотя бы на мгновение пала со своих высот, значит, я была послана ради того, чтобы вернуть ее на прежнее место, где ей подобает находиться. Правда, я не понимаю... — тут она посмотрела на мою спутницу, — ...зачем вы привели с собой эту молодую даму».

Я уже собирался ответить, когда мисс Уинтер как смерч ворвалась в наш разговор. Если кто-то хотел бы увидеть столкновение льда и пламени, ему стоило бы посмотреть на этих двух женщин.

«Я скажу вам, кто я такая! — воскликнула она, вскочив со стула с перекошенным от гнева лицом. — Я его последняя любовница. Я одна из сотни жен-

щин, которых он обольстил, использовал, погубил и вышвырнул на помойку, как он поступит и с вами. Но ваша помойка скорее всего окажется могилой, и, может быть, это к лучшему. Говорю вам, глупышка, если вы выйдете замуж за этого человека, он приведет вас к гибели. Это может быть разбитое сердце или сломанная шея, но он так или иначе добьется своего. Я говорю не ради любви к вам. Мне наплевать, будете ли вы живы, или умрете. Я ненавижу его, проклинаю его и хочу отомстить за то, что он сделал со мной. Но суть от этого не меняется, и вам не нужно так смотреть на меня, прекрасная леди, потому что, когда все будет кончено, вы можете опуститься куда ниже, чем я».

«Предпочитаю не обсуждать такие вопросы, — холодно произнесла мисс де Мервиль. — Могу сказать, что мне известно о трех случаях, когда мой жених связался с интриганками, и я уверена в его чистосердечном раскаянии за любой вред, который он мог причинить».

«О трех случаях! — вскричала моя спутница. — Что за дура! Невообразимая дура!»

«Мистер Холмс, прошу считать нашу беседу законченной, — ледяным тоном сказала мисс де Мервиль. — Я подчинилась желанию своего отца и встретила с вами, но я не обязана выслушивать бредни этой особы».

Мисс Уинтер с проклятием рванулась вперед, и если бы я не успел схватить ее за руку, она вцепилась бы в волосы этой бесстрастной дамы. Я оттащил ее к двери; к счастью, мне удалось посадить ее в кеб без публичного скандала, поскольку она была вне себя от ярости. Моя собственная ярость была холодной, Уотсон, но не менее сильной. Было что-то неописуемо возмутительное в спокойной отрешенности и абсолютной самодостаточности той женщины, которую мы пытались спасти. Ну вот, теперь вы снова в курсе наших дел, и мне ясно, что нужно придумать новый дебютный ход, поскольку этот гамбит оказался неудачным. Я буду держать связь с вами, Уотсон; более чем вероятно, что вы получите свою роль в этой партии, хотя возможно, что следующий ход сделают они, а не мы.

Так и случилось. Они нанесли удар — или, вернее, он нанес удар, так как я не мог поверить, что девушка была причастна к этому. Думаю, я мог бы показать вам тот камень мостовой, на котором я стоял, когда увидел плакат у газетного киоска, и леденящий ужас пронзил мне душу. Это было между «Гранд-Отелем» и вокзалом Чаринг-Кросс, где одноногий продавец разложил вечерние газеты. Прошло лишь два дня после нашего разговора с Холмсом. Страшный заголовок, набранный черным по желтому, бросился мне в глаза:

СМЕРТЕЛЬНОЕ ПОКУШЕНИЕ НА ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Думаю, несколько секунд я пребывал в полном оцепенении. Потом мне смутно помнится, как я взял газету, не обратил внимания на протесты продавца, которому забыл заплатить, и, наконец, остановился у входа в аптеку, где отыскал роковой абзац. Вот что там было написано:

«Мы с прискорбием извещаем, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, сегодня утром стал жертвой смертельного покушения, поставившего его на грань между жизнью и смертью. Точные подробности неизвестны, но, судя по всему, это случилось около двенадцати часов на Риджент-стрит, перед кафе «Ройял». На мистера Холмса напали двое мужчин, вооруженных палками, и нанесли ему ряд ударов по голове и туловищу, причинив травмы, которые врачи оценивают как очень тяжкие. Он был доставлен в больницу Чаринг-Кросс и впоследствии настоял на возвращении в свою квартиру на Бейкер-стрит. Напавшие на него злоумышленники были rispetабельно одеты и сбежали от невольных

свидетелей происшествия через кафе «Ройял» на Глассхаус-стрит. Без сомнения, они принадлежат к тому преступному сообществу, которому так часто причиняла ущерб проницательность и активная деятельность потерпевшего».

Не стоит и говорить, что, бегло просмотрев заметку, я сразу же вскочил в проезжавший экипаж и поехал на Бейкер-стрит. В прихожей я обнаружил сэра Лесли Оукшота, прославленного хирурга, чья карета стояла у входа.

— Прямой угрозы для жизни нет, — сообщил он. — Две рваных раны на голове и несколько сильных ушибов. Пришлось наложить швы. Я сделал инъекцию морфия и прописал больному полный покой, но не возражаю против короткой беседы.

Получив разрешение, я на цыпочках вошел в полутемную комнату. Пострадавший не спал, и я услышал, как он произнес мое имя хриплым шепотом. Шторы были опущены на три четверти, но один луч солнца проникал внутрь и освещал забинтованную голову Холмса. На белой повязке расплывалось алое пятно. Я сел рядом с ним и наклонил голову.

— Все в порядке, Уотсон, — пробормотал он очень слабым голосом. — Не нужно напускать на себя такой испуганный вид. Это не так плохо, как кажется.

— Слава богу!

— Как вам известно, я немного разбираюсь в фехтовании на палках. Мне удалось заблокировать большинство ударов. Проблема в том, что нападавших было двое.

— Что я могу сделать, Холмс? Разумеется, этот проклятый субъект натравил их на вас. Если вы скажете, я готов отправиться к нему и спустить с него шкуру.

— Добрый старина Уотсон! Нет, мы ничего не можем сделать, если только полиция не изловит этих людей. Но их путь к отступлению был хорошо подготовлен, тут ничего не скажешь. Но погодите минутку... у меня есть план. Первым делом нужно преувеличить тяжесть моих ранений. К вам обратятся за известиями о состоянии моего здоровья. Не стесняйтесь сгущать краски, Уотсон. Мне повезет, если я доживу до конца недели: сотрясение мозга, горячечный бред — выдумайте что угодно! Здесь вы не сможете переборщить.

— А как же сэр Лесли Оукшот?

— Тут все будет в порядке. Он увидит меня с худшей стороны; я позабочусь об этом.

— Что-нибудь еще?

— Да. Скажите Шинуэллу Джонсону, чтобы он спрятал ту девушку в надежном месте. Эти красавцы теперь будут охотиться на нее. Разумеется, они знают, что она выступила на моей стороне. Если они посмели сделать такое со мной, то вряд ли оставят ее без внимания. Это нужно сделать срочно, сегодня вечером.

— Сейчас же займусь. Что еще?

— Положите на столик мою трубку и туфлю с табаком... Отлично! Приходите каждое утро, и мы будем планировать ход нашей кампании.

В тот вечер я договорился с Шинуэллом Джонсоном, что он отвезет мисс Уинтер в тихий пригород и позаботится о том, чтобы она не появлялась на виду, пока не минет опасность.

В течение шести дней у общественности сложилось впечатление, что Холмс находится на пороге смерти. Сводки о его здоровье имели удручающий вид, а в газетах публиковались статьи зловещего содержания. Регулярные визиты на Бейкер-стрит убедили меня в том, что дела совсем не так плохи. Выносливый организм Холмса и его непреклонная воля творили чудеса. Он быстро поправлялся, и у меня иногда возникало подозрение, что на самом деле он чувствует себя еще лучше, чем показывает мне. Его характеру была свойственна особая скрытность, приводившая к многим драматиче-

ским последствиям, но заставлявшая даже его лучшего друга строить догадки о том, каковы его истинные намерения. Он доводил до крайности аксиому о том, что надежный план может составить лишь тот, кто планирует в одиночку. Я был ближе к нему, чем кто-либо другой, однако всегда сознавал, какая пропасть отделяет нас друг от друга.

На седьмой день швы сняли, хотя в вечерних газетах появились сообщения о рожистом воспалении. В тех же газетах появилось объявление, которое я счел необходимым довести до сведения моего друга независимо от его состояния. Оно гласило, что среди пассажиров судна «Руритания», принадлежавшего компании «Кунард» и отплывавшего из Ливерпуля в пятницу, числится барон Адельберт Грюнер, которому предстояло уладить важные финансовые дела в Соединенных Штатах до предстоящей свадьбы с мисс Вайолет де Мервиль, единственной дочерью... и т. д. Холмс выслушал эту новость с выражением холодной сосредоточенности на бледном лице, из чего я заключил, что она стала тяжким ударом для него.

— В пятницу! — воскликнул он. — Осталось всего лишь три дня. Думаю, этот мошенник решил ускользнуть от опасности. Но это ему не удастся, Уотсон! Не удастся, черт побери! Теперь, Уотсон, я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня.

— Я к вашим услугам, Холмс.

— Тогда посвятите следующие сутки вдумчивому изучению китайской керамики.

Он не дал никаких объяснений, и я не стал ничего спрашивать. За долгие годы я усвоил такую добродетель, как послушание. Но когда я расстался с Холмсом, то пошел по Бейкер-стрит, ломая голову над тем, как лучше выполнить его странное распоряжение. Наконец я доехал до Лондонской библиотеки на Сент-Джеймс-сквер, где изложил дело моему другу Ломаксу, помощнику библиотекаря, и вскоре отправился домой с увесистым томом под мышкой.

Говорят, что адвокат, который перелопачивает горы документов, чтобы по всем правилам провести допрос свидетеля-эксперта в понедельник, к субботе благополучно забывает вы зубренные сведения. Конечно, я не собирался делать вид, будто являюсь знатоком керамики. Однако весь вечер и всю ночь, с коротким перерывом на отдых, а также все следующее утро я прилежно поглощал знания и запоминал имена. Так я узнал о клеймах великих мастеров и художников, о печатях Хун-у, красонах Юнлу, сочинениях Тан-инь и вершинах «примитивного периода» эпох Сун и Юань. Явившись к Холмсу вечером, я был полностью заряжен этой информацией. Теперь он уже вставал с постели, хотя об этом нельзя было догадаться по газетным сообщениям, и сейчас устроился в своем любимом кресле, положив забинтованную голову на закинутую руку.

— Ну что же, Холмс, — сказал я. — Если верить газетам, то вы умираете.

— Я старался произвести именно такое впечатление, — ответил он. — Итак, Уотсон, вы выучили свой урок?

— По крайней мере, я попытался.

— Хорошо. Вы сможете поддержать вдумчивый разговор на эту тему?

— Думаю, что смогу.

— Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на каминной полке.

Он открыл крышку и достал небольшой предмет, тщательно обернутый тонким восточным шелком. Развернув ткань, он извлек изящное маленькое блюдце престельного темно-синего цвета.

— С ним нужно обращаться осторожно, Уотсон. Это настоящий тонкий фарфор династии Мин. На аукционе «Кристи» не продавалось ничего, что могло бы сравниться с ним. Полный сервиз стоит огромных денег — впрочем, я сомневаюсь, что такой сервиз существует где-либо, кроме император-

ского дворца в Пекине. Один лишь вид этой вещи способен довести до иступления любого настоящего ценителя.

— Что я должен сделать с ней?

Холмс вручил мне визитную карточку с надписью «Д-р Хилл Бартон, Хаф-Мун-стрит, 369».

— Это ваше имя на сегодняшний вечер, Уотсон. Вы отправитесь к барону Грюнеру. Я кое-что знаю о его привычках, и в половине девятого у него, скорее всего, не будет срочных дел. Он будет заранее извещен о вашем намерении встретиться с ним, и вы скажете, что привезете ему образец из совершенно уникального фарфорового сервиза династии Мин. Вы можете представиться как врач, поскольку тогда вам не придется разыгрывать из себя кого-то еще. Вы коллекционер, которому выпала удача приобрести сервиз; вы слышали, что барон интересуется этой покупкой, и не прочь уступить ему свою находку за разумную цену.

— Какую цену?

— Хороший вопрос, Уотсон. Вы определенно сядете в лужу, если не будете знать цену собственного товара. Это блюдо попало ко мне через сэра Джеймса; насколько я понимаю, оно взято из коллекции его клиента. Вы не преувеличите, если скажете, что равное ему по ценности едва ли сыщется во всем мире.

— Я бы мог предложить, чтобы оценку сервиза произвели специалисты.

— Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто сыплете оригинальными идеями. Предложите экспертов аукционного дома «Кристи» или «Сотби». Ваша тактичность мешает вам самостоятельно назначить цену.

— А что, если он не захочет встретиться со мной?

— Не беспокойтесь, он захочет. Он страдает манией коллекционирования в самой острой форме, и особенно по тому предмету, где он считается общепризнанным знатоком. Садитесь, Уотсон, я продиктую письмо. В ответе нет необходимости. Вы просто известите его о предстоящем визите и объясните причину.

Это был замечательный документ — краткий, учтивый и возбуждающий любопытство у ценителя прекрасного. Холмс сразу же отправил его по адресу через посыльного. В тот же вечер, с драгоценным блюдцем в руке и визитной карточкой доктора Хилла Бартона в кармане, я отправился навстречу собственному приключению.

Красивый особняк и живописный двор свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был весьма состоятельным человеком. Длинная подъездная аллея с кучами редких кустарников по обе стороны выходила на большую, посыпанную гравием площадку, обставленную статуями. Особняк был построен южноафриканским «золотым королем» во времена большого бума; длинный, низкий дом с башенками на углах представлял собой архитектурный кошмар, но впечатлял своими размерами и основательностью. Дворецкий, который мог бы украсить своим видом коллегия кардиналов, пригласил меня в дом и препоручил облаченному в бархат лакею, который проводил меня к барону. Он стоял перед большим открытым буфетом, расположенным между окнами, в котором хранилась часть его китайской коллекции. Когда я вошел, он повернулся ко мне, держа в руке коричневую вазочку.

— Прошу садиться, доктор, — произнес он. — Я тут рассматривал собственные сокровища и обдумывал, могу ли позволить себе новое приобретение. Возможно, вас заинтересует эта безделушка династии Тан, датируемая седьмым веком. Уверен, вы никогда не видели более тонкой работы и замечательной глазури. Вы принесли блюдо династии Мин, о котором писали мне?

Я бережно распаковал блюдо и передал ему. Он уселся за столом, придвинул лампу, потому что на улице темно, и принялся изучать хрупкую вещь.

При этом желтый свет лампы падал на его лицо, и у меня была возможность хорошо рассмотреть его. Он, несомненно, был очень привлекательным мужчиной, вполне заслуживавшим свою репутацию европейского красавца. Его рост не превышал среднего, но он был ладно скроен и двигался с непринужденной грацией. Его лицо было смуглым, почти восточным, с большими, томными черными глазами, которые могли производить неотразимое впечатление на женщин. Его волосы были черны как вороново крыло, а тонкие острые усики были тщательно навошены. Черты его лица были симметричными и приятными, если не считать прямого рта с узкими губами. Если я когда-либо видел рот убийцы, этот был лучшим примером — жесткий разрез на лице, страшный, неутомимый и беспощадный. Он зря не прятал его за усами, потому что это был сигнал опасности, которым природа предупреждала его жертв. Его голос звучал любезно, а манеры были безупречными. На вид я бы дал ему немногим более тридцати лет, хотя впоследствии выяснилось, что ему было сорок два года.

— Прелестная вещичка... в самом деле прелестная! — наконец сказал он. — И вы говорите, что у вас есть полный сервиз из шести предметов. Меня озадачивает, что я до сих пор не слышал о таких великолепных экземплярах. В Англии существует только одно блюдо такого рода, и оно, безусловно, не может появиться на рынке. Не будет ли бестактно с моей стороны, доктор Хилл Бартон, если я спрошу вас, как вы получили эту вещь?

— Разве это имеет какое-то значение? — с деланой небрежностью спросил я. — Вы видите, что оно подлинное, а что касается цены, то я согласен на экспертную оценку.

— Крайне загадочно, — сказал барон, и в его темных глазах промелькнула искра подозрения. — Когда имеешь дело с такими ценными предметами, то, естественно, хочется знать все обстоятельства сделки. Подлинность этой вещи не вызывает сомнений. Но предположим — я обязан принимать в расчет любую возможность, — предположим, впоследствии окажется, что вы не имели права продавать ее?

— Я готов дать гарантию от любых претензий подобного рода.

— Тогда, само собой, возникает вопрос, чего стоит ваша гарантия.

— На этот вопрос ответят мои банкиры.

— Допустим... Однако сама эта сделка представляется мне довольно необычной.

— Вы можете покупать или не покупать, — равнодушным тоном сказал я. — Свое первое предложение я направил вам, поскольку знаю, что вы являетесь знатоком в данной области, но мне не составит труда найти других ценителей.

— Кто сказал вам, что я знаток?

— Мне известно, что вы написали книгу о китайской керамике.

— Вы читали ее?

— Нет.

— Боже мой, мне становится все труднее хоть что-то понять! Вы коллекционер, обладающий очень редким предметом, однако вы не потрудились изучить единственную книгу, которая раскрыла бы вам подлинный смысл и ценность вашей собственности. Как вы это объясните?

— Я очень занятой человек, практикующий врач.

— Это не ответ. Если у человека есть увлечение, он находит время для любимого дела независимо от других своих занятий. В записке вы представились как ценитель восточного фарфора.

— Так и есть.

— Могу я задать несколько вопросов для проверки? Должен сказать вам, доктор, — если вы на самом деле доктор, — что этот инцидент становится все

более подозрительным. Я хочу спросить вас, что вам известно об императоре Сёмму и что связывает его с сокровищницей Сёсо-ин в окрестностях Нары? Как, неужели это вас озадачивает? Тогда расскажите мне немного о династии Северная Вэй и ее месте в истории керамики.

Я вскочил со стула, изображая гнев.

— Это невыносимо, сэ! — заявил я. — Я пришел сюда оказать вам услугу, а не для того, чтобы меня экзаменовали как школьника. Возможно, мои знания по этим предметам уступают вашим, но я определенно не буду отвечать на вопросы, задаваемые столь оскорбительным тоном.

Барон пристально посмотрел на меня. Томное выражение в его глазах исчезло, и они внезапно полыхнули огнем. Между тонкими жестокими губами блеснула полоска зубов.

— Что это за игра? Вы пришли сюда шпионить. Вас послал Холмс. Я слышал, что он при смерти, и, значит, теперь он посылает своих подручных следить за мной. Вы явились в мой дом без приглашения, но, черт возьми, выйти отсюда вам будет потруднее, чем войти!

Барон встал, и я отступил назад, готовясь к нападению, потому что он был вне себя от бешенства. Возможно, он подозревал меня с самого начала, и перекрестный допрос лишь подтвердил его догадку; было ясно, что мне не стоит надеяться обмануть его. Он сунул руку в ящик стола и принялся яростно шарить там. Потом что-то отвлекло его, и он замер, напряженно прислушиваясь.

— А! — воскликнул он. — А! — и кинулся в соседнюю комнату.

Сделав два шага, я оказался возле открытой двери. Сцена внутри навсегда запечатлелась в моей памяти. Окно, выходящее в сад, было распахнуто настежь. Около него, похожий на жуткого призрака, стоял Шерлок Холмс. Его голова была обмотана окровавленными бинтами, лицо было бледным и изможденным. В следующее мгновение он бросился в окно, и я услышал треск в лавровых кустах снаружи. С яростным воплем хозяин дома побежал вслед за ним к открытому окну.

А потом! Все произошло мгновенно, однако я ясно видел это. Рука — женская рука — высунулась из листьев, и барон тут же издал ужасный крик, который и теперь звенит у меня в ушах, когда я вспоминаю о нем. Она прижал ладони к лицу и заматался по комнате, ударяясь головой об стены. Потом он упал на ковер и стал корчиться и извиваться, а его крики эхом отдавались по всему дому.

— Воды! Ради бога, воды! — простонал он.

Я взял графин с приставного столика и поспешил ему на помощь. Одновременно с этим дворецкий и несколько слуг вбежали в комнату из коридора. Помню, что один из них упал в обморок, когда я опустился на колени возле пострадавшего и повернул его страшное лицо к свету настольной лампы. Серная кислота буквально влезла в него и капала с ушей и подбородка. Один глаз уже стал белым и остекленевшим, другой покраснел и воспалился. Черты, которыми я восхищался лишь несколько минут назад, теперь напоминали прекрасную картину, по которой художник провел мокрой грязной губкой. Они расплылись, обесцветились и приобрели чудовищный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах описал то, что касалось нападения с кислотой. Некоторые слуги полезли в окно, другие выбежали на лужайку, но на улице было темно, и начался дождь. Тем временем злополучный барон между стопами боли проклинал свою мстительницу.

— Это была она, чертова кошка Китти Уинтер! — кричал он. — Ах, ведьма! Она еще заплатится за это! Она заплатится! Господи, я больше не могу выносить эту боль!

ШЕРЛОК ХОЛМС: СЕКРЕТ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Когда в непростой и напряженной жизни украдкой выпадает свободный момент, умственно задаться вопросом и попытаться — нет, не кому-нибудь, а самому себе — ответить на него, положив руку на сердце: вы никогда не испытывали соблазна вновь ощутить себя в прошлом — «общем», историческом, или хотя бы «камерном», индивидуальном, своем собственном? Иными словами, знакомо ли вам странное, не вполне объяснимое чувство, которое замечательный режиссер Андрей Тарковский назвал «спасительной горечью ностальгии»?

Если да, то лежащая перед вами книга, собравшая под одну обложку все произведения о Шерлоке Холмсе и его неизменном спутнике докторе Уотсоне, может стать вам незаменимым попутчиком и проводником по далям реально и виртуально пережитого. Ибо составившие ее сочинения, воплотив личность и судьбу главного героя, зримо и рельефно запечатлели характерные черты эпохи, в какую его образ создавался, и, больше того, испытали целый ряд культурных перевоплощений: родившись в безошибочно и неповторимо британском литературном «доме», в русских переводах (за которые честь и хвала славным мастерам отечественного переводческого цеха!) они полноправно вошли в плоть и кровь нашей художественной словесности, со временем став излюбленной духовной пищей нескольких поколений российских читателей.

Если вам от десяти до двадцати, то можно смело гарантировать: вы не отложите ее в сторону, пока по первому разу не переживете вместе с незабываемым дуэтом ее главных действующих лиц: эксцентричного сыщика-джентльмена с Бейкер-стрит, 221-б, и его неразлучного спутника-врача — всю головокружительную череду самых невероятных событий и происшествий, какие только могут притаиться под чинным фасадом respectable Англии конца XIX — начала XX столетия. А если больше, то наверняка с удовольствием вспомните те светлые моменты собственной биографии, когда вам довелось впервые встретиться с величайшим из великих детективов, «родившимся» под пером 28-летнего английского прозаика Артура Конан Дойла в 1887 году, когда в одном из лондонских издательств вышла повесть «Этюд в багровых тонах».

Три года спустя его существование продолжилось еще в одной повести «Знак четырех», а затем, почти не прерываясь, ежемесячно возобновлялось на страницах журнала «Стрэнд мэгэзин» на протяжении 1890—1900-х годов в виде новелл, в дальнейшем составивших три авторских сборника: «Приключения Шерлока Холмса» (1892), «Записки о Шерлоке Холмсе» (1894) и «Возвращение Шерлока Холмса» (1905). Этот период — к нему относится и создание снискавшей сенсационную читательскую популярность «Собаки Баскервилей» (1902) — обеспечил писателю прочную общенациональную, а затем и международную известность (в меньшей мере, чем англичане, подвигами неутомимого расследователя с Бейкер-стрит, зачитывались по другую сторону Атлантики) и, больше того, превратил плодовитого прозаика в некое подобие «хроникера» легендарных свершений своего культового персонажа.

И ведь вот что характерно (и, к слову сказать, являет собою неоспоримый признак принадлежности этого героя скорее к культурно-мифологическому, нежели к строго реалистическому литературному ряду): за сорок лет, «прожитых» под пером собственного творца, непревзойденный мастер дедуктивного метода расследования преступлений вовсе не постарел. (Или «постарел» так же условно, как д'Артаньян и тройка его друзей-мушкетеров из бессмертной трилогии А. Дюма-отца.)

Больше того: Шерлок Холмс и его неразлучный спутник доктор Уотсон надолго пережили самого Артура Конан Дойла. Со дня смерти последнего прошло уже три четверти века, а два обитателя квартиры на Бейкер-стрит как ни в чем не бывало продолжают распутывать головоломные криминальные загадки...

И как будет занятно, из нашего сегодняшнего, суматошного и беспокойного времени попытаться вновь заглянуть в заваленные самыми неожиданными предметами комнаты небольшой квартиры на Бейкер-стрит, 221-б, где обитает нестареющий джентльмен, редко расстающийся с выдавшей виды пенковой трубкой, любящий одинокими вечерами поиграть на скрипке, под виртуозные пассажи которой рождается разрешение самых невообразимых загадок, какие задает наше непредсказуемое бытие...

Николай ПАЛЬЦЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ — A STUDY IN SCARLET

Первая публикация в Beeton's Christmas Annual, ноябрь, 1887.

Первая книжная публикация в by Ward, Lock & Co., июль, 1888.

ЗНАК ЧЕТЫРЕХ — THE SIGN OF FOUR

Первая публикация в The Lippincott's Magazine, Philadelphia and London, февраль, 1890.

Первое книжное издание — S. Blackett, октябрь, 1890.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА — THE ADVENTURES OF SHERLOCK HOLMES

Скандал в Богемии — A Scandal in Bohemia

Первая публикация в The Strand Magazine, июль, 1891.

Союз рыжих — The Red-headed League

Первая публикация в The Strand Magazine, август, 1891.

Установление личности — A Case of Identity

Первая публикация в The Strand Magazine, сентябрь, 1891.

Тайна Боскомской долины — The Boscombe Valley Mystery

Первая публикация в The Strand Magazine, октябрь, 1891.

Пять апельсиновых зернышек — The Five Orange Pips

Первая публикация в The Strand Magazine, ноябрь, 1891.

Человек с рассеченной губой — The Man with the Twisted Lip

Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1891.

Голубой карбункул — The Adventure of the Blue Carbuncle

Первая публикация в The Strand Magazine, январь, 1892.

Пестрая лента — The Adventure of the Speckled Band

Первая публикация в The Strand Magazine, февраль, 1892.

Палец инженера — The Adventure of the Engineer's Thumb

Первая публикация в The Strand Magazine, март, 1892.

Знатный холостяк — Noble Bachelor

Первая публикация в The Strand Magazine, апрель, 1892.

Берилловая диадема — The Adventure of the Beryl Coronet

Первая публикация в The Strand Magazine, май, 1892.

«Медные буки» — The Adventure of the Copper Beeches

Первая публикация в The Strand Magazine, июнь, 1892.

В полном составе эти произведения вышли в свет 14 октября 1892 г. в издательстве G. Newnes Ltd., тиражом 10 000 экземпляров.

**ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ —
THE MEMOIRS OF SHERLOCK HOLMES**

Серебряный — Silver Blaze

Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1892.

Желтое лицо — The Yellow Face

Первая публикация в The Strand Magazine, февраль, 1893.

Приключения клерка — The Stock-broker's Clerk

Первая публикация в The Strand Magazine, март, 1893.

«Глория Скотт» — The «Gloria Scott»

Первая публикация в The Strand Magazine, апрель, 1893.

Обряд дома Мейсгревов — The Musgrave Ritual

Первая публикация в The Strand Magazine, май, 1893.

Рейгетские сквайры — The Reigate Puzzle

Первая публикация в The Strand Magazine, июнь, 1893.

Горбун — The Crooked Man

Первая публикация в The Strand Magazine, июль, 1893.

Постоянный пациент — The Resident Patient

Первая публикация в The Strand Magazine, август, 1893.

Случай с переводчиком — The Greek Interpreter

Первая публикация в The Strand Magazine, сентябрь, 1893.

Морской договор — The Naval Treaty

Первая публикация в The Strand Magazine в двух частях, первая часть в октябре 1893, вторая часть в ноябре 1893.

Последнее дело Холмса — The Final Problem

Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1893.

В полном составе эти произведения вышли в свет 13 декабря 1893 г. в издательстве G. Newnes Ltd., тиражом 10 000 экземпляров как третий том в приложении к The Strand Library. Первое американское издание было сделано Harper & Brothers, в феврале 1894 г. В него вошел рассказ «Картонная коробка» — The Adventure of the Cardboard Box, которого не было в британских изданиях.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА —
THE RETURN OF SHERLOCK HOLMES**

Пустой дом — The Adventure of the Empty House

Первая публикация в Collier's Weekly, сентябрь, 1903, затем в The Strand Magazine, октябрь, 1903.

Подрядчик из Норвуда — The Adventure of the Norwood Builder

Первая публикация в Collier's Weekly, октябрь, 1903, затем в The Strand Magazine, ноябрь, 1903.

Пляшущие человечки — The Adventure of the Dancing Men

Первая публикация в Collier's Weekly, декабрь, 1903, затем в The Strand Magazine, декабрь, 1903.

Одинокая велосипедистка — The Adventure of the Solitary Cyclist

Первая публикация в Collier's Weekly, декабрь, 1903, затем в The Strand Magazine, январь, 1904.

Случай в интернате — The Adventure of the Priory School

Первая публикация в Collier's Weekly, январь, 1904, затем в The Strand Magazine, февраль, 1904.

Черный Питер — The Adventure of Black Peter

Первая публикация в Collier's Weekly, февраль, 1904, затем в The Strand Magazine, март, 1904.

Конец Чарльза Огастеса Милвертона — The Adventure of Charles Augustus Milverton

Первая публикация в Collier's Weekly, март, 1904, затем в The Strand Magazine, апрель, 1904.

Шесть Наполеонов — The Adventure of the Six Napoleons

Первая публикация в Collier's Weekly, апрель, 1904, затем в The Strand Magazine, май, 1904.
 Три студента — The Adventure of the Three Students
 Первая публикация в The Strand Magazine, июнь, 1904, затем в Collier's Weekly, сентябрь, 1904.
 Пенсне в золотой оправе — The Adventure of the Golden Pince-Nez
 Первая публикация в The Strand Magazine, июль, 1904, затем в Collier's Weekly, октябрь, 1904.
 Пропавший регбист — The Adventure of the Missing Three-Quarter
 Первая публикация в The Strand Magazine, август, 1904, затем в Collier's Weekly, ноябрь, 1904.
 Убийство в Эбби-Грейндж — The Adventure of the Abbey Grange
 Первая публикация в The Strand Magazine, сентябрь, 1904, затем в Collier's Weekly, декабрь, 1904.
 Второе пятно — The Adventure of the Second Stain
 Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1904, затем в Collier's Weekly, январь, 1905.

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ — THE HOUND OF THE BASKERVILLES

Первая публикация в The Strand Magazine, август 1901 — апрель 1902 г. Первая книжная публикация 25 марта 1902 г. в G. Newnes Ltd., тиражом 25 000 экземпляров. Первая публикация в США в издательстве McClure, Phillips & Co. 15 апреля 1902, тиражом 50 000 экземпляров.

ДОЛИНА СТРАХА — THE VALLEY OF FEAR

Первая публикация в The Strand Magazine, сентябрь 1914 — май 1915 г. Первое книжное издание увидело свет 27 февраля 1915 г. в G. H. Doran Co., в Нью-Йорке, причем до публикации в The Strand Magazine. Первое британское издание было сделано в Smith, Elder & Co. 3 июня 1915 г., тиражом 6000 экземпляров.

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН — HIS LAST BOW

В Сиреновой Сторожке — The Adventure of Wisteria Lodge
 Часть 1. Необыкновенное происшествие с мистером Джоном Скотт-Экклсом — The Singular Experience of Mr. John Scott Eccles
 Часть 2. Тигр из Сан-Педро — The Tiger of San Pedro
 Первая публикация в Collier's Weekly Magazine, август, 1908, затем в The Strand Magazine, сентябрь—октябрь, 1908.
 Картонная коробка — The Adventure of the Cardboard Box
 Первая публикация в The Strand Magazine, январь, 1893. Рассказ не был включен в первое британское книжное издание в цикл «Архив Шерлока Холмса» (The Memoirs of Sherlock Holmes), но в американском издательстве Harper был опубликован в 1894 г.
 Алое кольцо — The Adventure of the Red Circle
 Первая публикация в The Strand Magazine, март — апрель, 1911, затем в американском отделе The Strand Magazine, в апреле — мае 1911 г.
 Чертежи Брюса-Партингтона — The Adventure of the Bruce-Partington Plans
 Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1908, затем в Collier's Weekly Magazine, декабрь, 1908.
 Шерлок Холмс при смерти — The Adventure of the Dying Detective
 Первая публикация в Collier's Weekly Magazine, ноябрь, 1913, затем в The Strand Magazine, декабрь, 1913.
 Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс — The Disappearance of Lady Frances Carfax
 Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1911, и в The American Magazine, декабрь, 1911.
 Дьяволова нога — The Adventure of the Devil's Foot

Первая публикация в The Strand Magazine, декабрь, 1910.

и в американском издании The Strand Magazine в январе — феврале 1911.

Его прощальный поклон — His Last Bow

Первая публикация в The Strand Magazine, сентябрь, 1917, и в Collier's Weekly Magazine, сентябрь, 1917.

Полностью сборник рассказов был опубликован в октябре 1917 г. в John Murray тиражом 10 684 экземпляров. В США публикация была осуществлена издательством G. H. Doran Co. в Нью-Йорке в октябре 1917 г.

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА — THE CASE-BOOK OF SHERLOCK HOLMES

Знатный клиент — The Adventure of the Illustrious Client

Первая публикация в Collier's Weekly Magazine, ноябрь, 1924, затем в The Strand Magazine, февраль—март, 1925.

Бледный солдат — The Adventure of the Blanched Soldier

Первая публикация в Liberty, октябрь, 1926, и затем в The Strand Magazine, ноябрь, 1926.

Камень Мазарини — The Adventure of the Mazarin Stone

Первая публикация в The Strand Magazine, октябрь, 1921, и затем в Hearst's International Magazine, ноябрь, 1921.

Происшествие на вилле «Три конька» — The Adventure of the Three Gables

Первая публикация в Liberty, сентябрь, 1926, затем в The Strand Magazine, октябрь, 1926.

Вампир в Суссексе — The Adventure of the Sussex Vampire

Первая публикация в The Strand Magazine, январь, 1924, затем в Hearst's International Magazine, январь, 1924.

Три Гарридеба — The Adventure of the Three Garridebs

Первая публикация в Collier's Weekly Magazine, октябрь, 1924, затем в The Strand Magazine, январь, 1925.

Загадка Торского моста — The Problem of Thor Bridge

Первая публикация в The Strand Magazine, февраль — март, 1922, затем в Hearst's International Magazine, февраль — март, 1922.

Человек на четвереньках — The Adventure of the Creeping Man

Первая публикация в The Strand Magazine, март, 1923, затем в Hearst's International Magazine, март, 1923.

Львиная грива — The Adventure of the Lion's Mane

Первая публикация в Liberty, ноябрь, 1926, затем в The Strand Magazine, декабрь, 1926.

История жилички под вуалью — The Adventure of the Veiled Lodger

Первая публикация в Liberty, январь, 1927, затем в The Strand Magazine, февраль, 1927.

Загадка поместья «Старый Шоскомб» — The Adventure of Shoscombe Old Place

Первая публикация в Liberty, март, 1927, затем в The Strand Magazine, апрель, 1927.

Москательщик на покое — The Adventure of the Retired Colourman

Первая публикация в Liberty, декабрь, 1926, затем в The Strand Magazine, январь, 1927.

Полное собрание рассказов из цикла «Архив Шерлока Холмса» был опубликован в издательстве John Murray в июне 1927 г., тиражом 15 150 экземпляров.

Первое американское издание увидело свет в тот же самый день в издательстве G. H. Doran Co.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ. <i>Перевод В. Бабкова</i>	7
ЗНАК ЧЕТЫРЕХ. <i>Перевод М. Литвиновой</i>	81

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Скандал в Богемии. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	155
Союз рыжих. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	170
Установление личности. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	185
Тайна Боскомской долины. <i>Перевод В. Бабкова</i>	196
Пять апельсиновых зернышек. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	213
Человек с рассеченной губой. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	225
Голубой карбункул. <i>Перевод М. Чуковской</i>	239
Пестрая лента. <i>Перевод М. Чуковской</i>	252
Палец инженера. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	268
Знатный холостяк. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	281
Берилловая диадема. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	295
«Медные буки». <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	310

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Серебряный. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	329
Желтое лицо. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	345
Приключения клерка. <i>Перевод В. Бабкова</i>	356
«Глория Скотт». <i>Перевод Г. Любимовой</i>	368
Обряд дома Месгрейвов. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	380
Рейгетские сквайры. <i>Перевод К. Савельева</i>	392
Горбун. <i>Перевод К. Савельева</i>	406
Постоянный пациент. <i>Перевод К. Савельева</i>	417
Случай с переводчиком. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	429
Морской договор. <i>Перевод К. Савельева</i>	441
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	462

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Пустой дом. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	477
Подрядчик из Норвуда. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	492
Пляшущие человечки. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	506
Одинокая велосипедистка. <i>Перевод Н. Санникова</i>	522
Случай в интернате. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	535
Черный Питер. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	555
Конец Чарльза Огастеса Милвертона. <i>Перевод М. Литвиновой</i>	568
Шесть Наполеонов. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	579

Три студента. <i>Перевод Н. Гвоздаревой</i>	592
Пенсне в золотой оправе. <i>Перевод Н. Санникова</i>	603
Пропавший регбист. <i>Перевод С. Лосева</i>	617
Убийство в Эбби-Грейндж. <i>Перевод С. Лосева</i>	631
Второе пятно. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	647

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	667
--	-----

ДОЛИНА СТРАХА. <i>Перевод М. Литвиновой</i>	771
---	-----

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

В Сиреновой Сторожке. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	873
Картонная коробка. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	893
Алое кольцо. <i>Перевод Э. Бер</i>	907
Чертежи Брюса-Партигтона. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	920
Шерлок Холмс при смерти. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	940
Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	950
Дьяволова нога. <i>Перевод А. Ильф</i>	964
Его прощальный поклон. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	979

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Сиятельный клиент. <i>Перевод К. Савельева</i>	993
Бледный солдат. <i>Перевод В. Бабкова</i>	1009
Камень Мазарини. <i>Перевод С. Лосева</i>	1022
Происшествие на вилле «Три конька». <i>Перевод С. Лосева</i>	1034
Вампир в Суссексе. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	1046
Три Гарридеба. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	1058
Загадка Торского моста. <i>Перевод В. Бабкова</i>	1069
Человек на четвереньках. <i>Перевод М. Кан</i>	1087
Львиная грива. <i>Перевод В. Бабкова</i>	1101
История жилички под вуалью. <i>Перевод Н. Галь</i>	1113
Загадка поместья «Старый Шоскомб». <i>Перевод С. Лосева</i>	1120
Москательщик на покое. <i>Перевод М. Кан</i>	1132

<i>Николай Пальцев</i> . Шерлок Холмс: секрет вечного возвращения	1144
---	------

<i>Библиография произведений о Шерлоке Холмсе</i>	1145
---	------